

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ЦЕНА ЧЕРНОБЫЛЯ
- АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В АМЕРИКЕ
- ЧТО РУССКОМУ ЗДОРОВО, ТО НЕМЦУ СМЕРТЬ
- АДВОКАТ ДИНА КАМИНСКАЯ
- НОВЫЙ КОММЕНТАРИЙ БАХТАМОВА
- БОЛГАРИЯ НЕ ЗАГРАНИЦА
- СТРАНА, ГДЕ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ
- СОЦИАЛИЗМ С НИКАРАГУАНСКИМ ЛИЦОМ
- КОМИССИЯ ПО НИЩЕНСТВУ
- ПРОТИВОПРАВНОЕ ЗАВЛАДЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ
- РАЙКОМ ЗАКРЫТ — ВСЕ АРЕСТОВАНЫ
- РУМЫНСКАЯ КОФЕЙНАЯ ГУЩА
- ШПИОН — БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ
- АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ ОБ АКТУАЛЬНОМ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле — Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле — 35 ам.долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам.долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 6 н.м. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию, с добавлением 2 ам. долл. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Вести из СССР	15
<i>Р. Бахтамов.</i> $Y=f(x)$, или политика как функция экономики	19
Дым отечества	34
Информация шепотом	36
Государственный Самиздат. Стяжательство безнравственно и преступно	36
<i>Викентий Герасимчук.</i> Простота хуже воровства	42
Из газет: 60 лет назад; 50 лет назад	47
<i>Б. Шрагин.</i> Эхо Чернобыля в США	48
<i>Б. Комаров.</i> Кто не боится атомных электростанций	50
Из газет: 60 лет назад	59
<i>Д. Биндер.</i> Хороша страна Болгария	60
<i>В. Догмарова, Н. Аурелиу.</i> Чаушеску при жизни и после смерти	66
<i>И. и В. Валента.</i> Сандинисты у власти	71
<i>Р. Шапиро.</i> Дрессированное правосудие	90
<i>Е. Эткинд.</i> Сколько нас было	91
<i>М. фон Фахендорф.</i> Венок юному Зигфриду	94
Паноптикум. "Сократился рост дебилов..."	95

СТРАНА И МИР.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Авария в Чернобыле, самая крупная из гражданских катастроф, связанных с использованием атомной энергии, отозвалась эхом по всему миру. Не говоря уже о прямых последствиях, достаточно указать на повышение цен на нефть на международном рынке — прямой результат дискуссий на тему об опасности дальнейшего развития атомной энергетики. Или на приостановку экспорта сельскохозяйственных продуктов из государств восточного блока в страны Европейского сообщества. Несчастье, уже сегодня унесшее столько человеческих жертв, повлекло за собой, однако, не только экономические, но и морально-политические следствия. Западные правительства и многие миллионы рядовых людей на ярком примере увидели, чего стоит советская система информации, познакомились с некоторыми ее особенностями, абсолютно немислимими в условиях демократии.

О случившемся на Украине узнали, конечно, сразу же. Но не потому, что об этом сообщил Советский Союз, а потому, что радиоактивное облако появилось над Швецией. Подуй ветер в другую сторону, и мы, может статься, вовсе ничего бы не знали. Когда трагедия начала принимать масштабы международного события, агентство ТАСС обнародовало сообщение, изумившее всех своим лаконизмом. Даже дату инцидента агентство не сочло нужным указать в своем первом, и без того запоздалом сообщении.

Западным журналистам часто приходится выслушивать от советских коллег упрек в том, что в своих репортажах из СССР они сосредотачиваются главным образом на отрицательных моментах. Но что тут странного? Это правило от-

носится и к общественной, и к частной жизни. Будете ли вы каждый день телеграфировать родным, что тетя Аглая здорова? Вы дадите телеграмму, когда с тетушкой что-то стряется. Корреспондент не извещает изо дня в день свою газету о том, что все предприятия в стране работают нормально, но конечно же не преминет сообщить о забастовке или несчастном случае.

Беда в том, что секретность в таких делах не есть внутреннее дело государства и его чиновников. Когда происходит нечто подобное тому, что было в Чернобыле, соседние страны вправе ожидать, что их своевременно известят о несчастье, чтобы они могли принять вовремя меры предосторожности. Катастрофа-то ведь затрагивает не только потерпевших.

К сожалению, и не все западные страны показали в ходе этой трагической истории образец разумного поведения. Например, Франции следовало бы извлечь из нее основательный урок. Радиоактивное облако проплыло и над французской территорией. Однако население не было предупреждено, государственные органы не дали никаких указаний, чего нужно остерегаться. Конечно, к моменту, когда облако достигло границ Франции, оно успело стать в значительной мере безопасным, и все же следовало подготовиться; быть может, имело бы смысл выпускать что-нибудь вроде бюллетеня об уровне радиации, подобно тому, как публикуются сводки погоды.

Люди, которые боятся всего, что связано с использованием атомной энергии, увидели в чернобыльской аварии новое и даже решающее подтверждение своих опасений. Отмахнуться просто так от их доводов невозможно. Вдобавок суще-

ствование централизованной сети атомных электростанций, как кажется, не вполне отвечает условиям функционирования демократического общества. Представим себе, что могло бы произойти в случае забастовок на таких станциях. Подумаем также о том, сколь велики должны быть полицейские силы охраны атомных объектов в обществе, не свободном от угрозы терроризма. Не менее остро стоит вопрос об информации. "Атомный сектор" чаще всего подчиняется правилу, согласно которому средства информации должны быть независимы от носителей политической власти, от государства вообще, равно как и от промышленного сектора. Между тем атомная информация практически остается, по крайней мере во Франции, монополией тех, кто заинтересован в дальнейшем развитии и расширении этого мощного энергетического источника. (К этому, правда, нужно добавить, что в таком развитии заинтересована вся нация.) Что же делать: вернуться к ископаемым источникам энергоснабжения? Но это значило бы, не говоря о других осложнениях, продолжать отравлять среду. Аргументация "экологистов", тех, кто вчера воевал против загрязнения воздуха дымом и копотью, а сегодня – против атомной энергетики, попадает в заколдованный круг.

Однако не следует представлять себе дискуссии, которые вспыхнули сейчас во многих странах в непосредственной связи с Чернобылем, как безвыходное нагромождение вопросов, остающихся без ответа. Не входя в подробности, которые увели бы нас далеко, отметим, любопытный результат выборов в Нидерландах 21 мая. Можно было ожидать, что пожар огромного реактора в Чернобыле, всеобщий страх, нагнетаемый противниками атомной энергетики, демонстрации, споры и прочее – укрепят позиции социалистической партии, выступающей против строительства АЭС, а также размещения ракет в стране. Ничуть не бывало. На выборах одержал победу правый блок, который не возражает против ракет и электростанций. Облако страха, приплывшее с Украины, развеялось в Амстердаме.

Результат выборов делает более понятными некоторые особенности политической жизни в этой небольшой стране. Долгое время Голландию считали политически нестабильной страной из-за того, что власть оспаривало множество мелких группировок. Там не только существовали пра-

вые и левые, но и по несколько партий каждого образца: коммунистические, социалистические, либеральные, консервативные, демократические, не говоря уже о христианских – враждующих друг с другом католической и протестантской партиях. Мало помалу из этого хаоса выкристаллизовались две крупных и способных удерживать власть коалиции – левая и правая. Все последние годы королевством с населением в 14 млн. человек правит право-консервативный блок, ядро которого составляют христианские демократы. Его лидер Р. Любберс, по правде говоря, не принадлежит к числу особо выдающихся политических деятелей сегодняшней европейской сцены. Можно смело утверждать, что 99% европейцев за пределами Нидерландов не слышали о нем. Но самая его скромность, не любовь к громким словам, деловитость (Любберса называют "специалистом") встречают понимание в стране. Лозунг, с которым Любберс приступил к своим обязанностям премьер-министра в 1982 г. и который, конечно, не очень-то способствует популярности политического деятеля, был – экономия. Как и повсюду в Европе, пора безоблачного процветания экономики сменились в Голландии к концу 70-х гг. периодом невзгод. За четыре года Любберсу не удалось добиться снижения безработицы, и все же его программу по-прежнему поддерживает большинство народа. Итогом выборов 21 мая было также решительное поражение крайних группировок, и правых, и левых; впервые за все послевоенные годы коммунисты не получили ни одного места в Генеральных штатах – парламенте Нидерландов.

Иной оборот принял режим экономии в Англии. Начало нынешнего года было неудачным для г-жи Маргарет Тэтчер. В первой книжке журнала за этот год мы уже писали об истории с прогоревшей фирмой по производству вертолетов Уэстленд, которую в конце концов спасла – то есть купила – американская вертолетостроительная компания "Сикорский". Эхо этого события не умолкло по сей день: значительное число влиятельных консерваторов раздражены единовластием Тэтчер. К этому надо прибавить снижение цен на нефть (намечающееся повышение пока еще почти не дало о себе знать), которое вынудило правительство отложить в долгий ящик обещанное снижение налогов. И вот результат: на только что прошедших выборах в

местные органы власти партия тори понесла заметный урон. То же произошло на частичных выборах: так, в Йоркшире место умершего депутата-консерватора с помпой занял депутат-либерал. Конечно, до общих выборов в палату общин еще далеко (два года), но и успеху консервативной партии в 1983 г. предшествовали местные выигрши. Главным противником М. Тэтчер и ее партии остаются лейбористы. Нынешнему лидеру этой партии Нейлу Кинноку удалось склонить своих сторонников к более умеренной программе, способной привлечь избирателей из среднего класса, которые, собственно, и решают исход выборов. Значительный кусок отхватят у консерваторов, как надеется Киннок, либералы вкупе с социал-демократами. Чем решительнее ведет себя миссис Тэтчер, тем сильнее — и это естественно — ее критикуют. Правые не могут ей простить сближения с Ирландской республикой. Большинство населения, по-видимому, было встревожено тем, что Великобритания разрешила американским бомбардировщикам вылетать с британских островов для нанесения удара по Ливии.

При всей своей непреклонности Тэтчер вынуждена принимать меры. Начаты перестановки в правительстве: один министр уходит, другой, более гибкий, заступает на его место, два министра меняют портфели. Уход в отставку министра промышленности сэра Кита Джозефа в некотором смысле подводит итог целой главы "тэтчеризма": мы имеем в виду передачу в частные руки предприятий, национализированных в период правления лейбористской партии. Кое-где, например, на предприятиях автомобильной промышленности, это принесло плоды; в некоторых областях, к сожалению, результат не оправдал ожиданий.

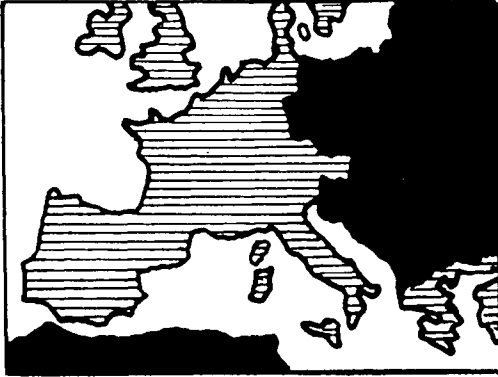
Напоследок еще два слова о Франции. Избранное в марте парламентское большинство тоже пообещало передать негосударственным владельцам национализированные предприятия. Речь идет не только о предприятиях, национализированных социалистами в 1981 г., но и о тех, которые были переданы государству еще в эпоху

освобождения Франции, при генерале де Голле, возглавлявшем тогда временное правительство республики. Сюда относится, в частности, телевидение.

До недавнего времени в стране существовала государственная монополия на телевидение и радиовещание. Может быть, это и противоречит демократическим традициям, но дело-то в том, что количество волн и частот, используемых телевидением и радио, ограничено. Необходимо резервировать их для правительственных, административных и других сообщений общенационального значения. Естественно, что содержание государственного вещания связано с большими расходами.

Начало "приватизации" телевидения положили не консерваторы, а социалисты. В 1981 г. появились малые и средние радиостанции, а также три канала телевидения, принадлежащие частным компаниям. Новое правительство намерено идти дальше в этом направлении и передать (точнее, продать) частному сектору еще один или два канала. Его доводы: во-первых, не дело государства управлять средствами массовой информации; во-вторых, дорого. Как всякое решение, этот проект встречает сопротивление. В частности, противники "приватизации" сомневаются в том, что программы частного радио и телевидения будут образцом высокого качества; чтобы привлечь культурные, интеллектуальные и художественные силы страны, частным владельцам потребуются годы и десятилетия. И еще одно обстоятельство: как уже сказано, содержание станций и студий обходится очень дорого. Оно может оказаться по карману лишь тем, кто уже занимает ведущее положение в других сферах массовой информации. Возникает опасность монополизации средств информации, сосредоточения прессы, радио и телевидения в немногих руках. В конечном счете — опасность для неограниченной свободы высказывания. Мы снова приходим к центральному вопросу о разделении власти — политической, экономической и... информационной.

Г. Ферон

БОРЕЦ ЗА РАЗРЯДКУ ИЛИ АГЕНТ КГБ?

Тринадцатого мая вступил в силу приговор по делу норвежского дипломата Арне Трехольта (о его аресте и сопутствовавших ему обстоятельствах см. "Страна и мир", № 1–2, 1984). После двух с половиной лет следствия и судебного разбирательства А. Трехольт был приговорен к 20 годам тюремного заключения за шпионаж в пользу СССР. Это самый суровый приговор в послевоенной истории Норвегии. За время своей десятилетней работы на КГБ А. Трехольт передал своим хозяевам секретные документы, касающиеся обороны Норвегии и НАТО. Будучи членом норвежской делегации на переговорах с СССР о разграничении территориальных вод и рыболовных зон в Баренцовом море, Трехольт повлиял на ход переговоров так, что Советскому Союзу были сделаны серьезные уступки политического и экономического характера.

Шпион был арестован с поличным: его задержали в аэропорту Осло перед вылетом в Вену с пачкой секретных документов. Он должен был передать их генералу КГБ Геннадию Федоровичу Титову, который по данным норвежской контрразведки возглавляет третий отдел Первого Главного управления КГБ (этот отдел занимается Скандинавией). Впрочем, согласно авторитетному свидетельству бывшего офицера КГБ Олега Гордиевского, оставшегося на Западе, главная роль А. Трехольта состояла в формировании общественного мнения в удобном для СССР духе. Гордиевский знает, о чем говорит: в течение шести лет службы под маской советского дипломата в Скандинавии он "вел" Трехольта. По его мнению А. Трехольт был одним из

10 самых крупных советских шпионов на Западе. Дело Трехольта изо дня в день обсуждалось на страницах норвежских газет, в некоторых из них была заведена даже специальная рубрика. В "братских странах" – так здесь называют Данию и Швецию – резонанс этого дела был не меньшим. Высказывалось мнение, что А. Трехольт в какой-то степени скомпрометировал свою партию – норвежских социал-демократов. Он ведь был не только государственным, но и партийным деятелем.

Арне Трехольт родился в 1942 г. и вырос в социал-демократической семье. Он был членом молодежной организации партии, а со временем стал активным деятелем ее левого крыла. А. Трехольт участвовал в издании нескольких сборников, посвященных борьбе за мир, международную безопасность и разрядку. В конце 60-х годов он выступал против участия Норвегии в НАТО, а в последние годы – за создание безъядерной зоны на Севере Европы (о социал-демократическом проекте этой зоны см. "Страна и мир", № 12, 1985 г.). Его единомышленники в этом вопросе – разумеется, они не знали о шпионской деятельности Трехольта – восприняли его арест как удар по левым в Норвегии и вообще в Скандинавии, как удар по борцам за мир. "Допустим, – писал один из них, – Трехольт был шпионом. Но он был "шпионом мира", "шпионом за мир"! Он строил мосты между враждующими блоками. Благодаря Трехольту Кремль понимал, что Норвегия не имеет агрессивных намерений против СССР".

И подсудимый, и симпатизировавшие ему социал-демократы и пацифисты, пытались представить дело так, что Трехольта судят его политические противники, что кампания в прессе – это "охота за ведьмами" и "возрождение маккартизма". Но кампания в прессе не была односторонней: было много писем и статей в защиту Трехольта, высказаться могли все.

Во время процесса Трехольта у власти находилось консервативное правительство, но правительство в Норвегии ничего суду "подсказать" не может. Процесс Трехольта кончился бы тем же результатом и сейчас, при социал-демократическом правительстве; и судьи, и государственный обвинитель, подчеркивали, что речь идет о конкретном человеке, преступившем закон, а его политические взгляды и партийная принадлежность судей не интересует.

Политические противники социал-демократов не собирались превращать дело Трехольта в процесс против социал-демократов или сторонников мира. Они понимали, что партия в целом не несет ответственности за его преступления, даже если Трехольт выражал взгляды целого крыла партии. К тому же многие социал-демократы не оправдывали шпионской деятельности Трехольта.

Следствие по делу норвежского агента КГБ продолжалось более года. Первоначально арест ошеломил высокопоставленного чиновника (в момент задержания А. Трехольт занимал пост зав. отделом печати МИД). Когда следователь положил перед ним фотографию четырехмесячной давности: он, Трехольт, беседует в Вене с Г. Титовым и другим сотрудником КГБ — А. Лопатиным, то у А. Трехольта, надо полагать, сразу мелькнула мысль: "Они все знают!". И он стал давать показания. "Они" не все знали, и сам Трехольт в первые дни после ареста не все рассказал. Но и того, что он рассказал, вместе с материалами, изъятыми на обысках в аэропорту и дома, и сведениями из иных источников, было достаточно для обвинения в шпионаже в пользу СССР.

После первых нервных дней арестованный несколько "остыл", стал более сдержан в своих показаниях (к тому же он получил адвоката и узнал, как надо вести себя на следствии). В конце концов на суде он, не отрицая своих связей с КГБ, использовал тот же аргумент, что и его защитники в печати: его целью не было нанести ущерб безопасности Норвегии, наоборот, он "строил мосты", но только "нетрадиционными" методами. Что касается его первоначальных показаний, то не отрицая их по существу, он подчеркивал, что дал их сгоряча и поэтому не следует придавать им большого значения. Адвокаты Трехольта на процессе вели примерно ту же линию: да, Трехольт передавал какую-то информацию в КГБ. Но даже если она и была секретной, то причинил ли он ущерб безопасности Норвегии? Нет, не причинил, — утверждали адвокаты.

С этим не согласились эксперты, вызванные в суд. Суд первой инстанции признал Трехольта виновным в шпионаже и 20 июня 1985 г. приговорил его к 20 годам лишения свободы. А. Трехольт обжаловал приговор, и дело было направлено в Верховный суд Норвегии.

Перед началом разбирательства в Верховном суде в мае 1986 г. Трехольт направил туда ходатайство, в котором требовал признать двух экс-

А. Трехольт в камере

пертов некомпетентными: эти двое, по его мнению, имеют другие политические взгляды, нежели он, Трехольт, и поэтому могут быть пристрастны. Кроме того, один из экспертов писал в свое время статьи, направленные против "движения за мир".

Верховный суд отклонил ходатайство Трехольта, и тогда вдруг, совершенно неожиданно, Трехольт заявил, что он забирает свою кассационную жалобу назад, так как Верховному суду он не доверяет: это суд "пристрастный и партийный". Более того, ни одна судебная инстанция в Норвегии не может-де беспристрастно рассматривать его дело.

Поскольку осужденный забрал назад свою кассационную жалобу, Верховному суду ничего не оставалось, как прекратить слушание дела и таким образом приговор первой инстанции вступил в законную силу.

Так неожиданно закончилось это громкое дело. После ареста Трехольта персонал советского посольства в Осло по требованию норвежских властей был сокращен со 130 до 89 человек, а 5 работников посольства были высланы из страны. В советско-норвежских отношениях наступило похолодание.

Предполагается, что А. Трехольт не будет сидеть все 20 лет. Видимо, через 8–10 лет его освободят досрочно — это нормальная процедура для всех, кто получил длительные сроки заключения. "Сидит" Трехольт в хороших условиях: занимается спортом, дает интервью, написал и издал книги о своем деле (интересной информации там, правда, нет).

А генералу Титову придется подыскивать кого-то на смену Трехольту. ●

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Главной темой, обсуждавшейся в Польше в последние недели, была катастрофа на Чернобыльской АЭС. Она вызвала огромное беспокойство в народе и волну слухов. Радиоактивное облако повисло над Польшей, вероятно, с вечера воскресенья 27 апреля. Первыми узнали о нем ученые в Гданьске, у которых шведские коллеги неофициально запросили данные об уровне радиоактивности. Сообщая об этом, оппозиционный еженедельник "Тыгодник Мазовше", помещает следующее редакционное заявление:

"Мы выражаем глубокое соболезнование семьям жертв катастрофы в Чернобыле и жителям эвакуированных украинских городов и сел. Мы возмущены позицией властей СССР, которые, преступно пренебрегая здоровьем миллионов людей и преследуя лишь собственные интересы, запоздали и по сей день запаздывают с публикацией сведений о катастрофе. Мы призываем к организации протеста против строительства объектов типа Жарновецкой АЭС. Ни в коем случае нельзя допустить строительства в Польше ядерной электростанции со столь ненадежной техникой безопасности" (Жарновецкая АЭС сооружается по советскому проекту — В. К.).

Польское радио и телевидение передали первое известие о катастрофе вечером во вторник 29 апреля. Было сообщено, что на территории страны наблюдается повышенная радиация, которая в принципе здоровью не угрожает, однако находящийся в воздухе радиоактивный йод может повредить детям-дошкольникам и беременным женщинам. В связи с этим запрещено продавать свежее молоко и пасти коров на открытых пастбищах. Одновременно детям начали разда-

вать жидкость, которая должна была воспрепятствовать попаданию радиоактивного йода в организм. Была также создана правительственная комиссия, которая начала ежедневно публиковать данные о радиоактивной ситуации в стране.

Успокаивающая информация в сочетании с весьма тревожными мерами, а также недоверие к властям вызвали подлинную панику. Поэтому 5 мая власти опубликовали некоторые сведения об уровне радиоактивности с 28 апреля по 2 мая. Отмечалось, что максимальное содержание радиоактивного йода в воздухе соответствовало 200 беккерелям на куб. м. (допустимая норма — 1000 на куб. м.), но зато в молоке — 1720 беккерелей на литр (допустимая доза — 1000 на литр). Тяжелая ситуация сложилась в городе Миколайки в районе Мазурских озер. Репортер "Тыгодника Мазовше" пишет: "В тот роковой понедельник 28 апреля в Миколайках счетчик Гейгера сошел с ума. Сотрудники местной гидрометеостанции решили, что он попросту испортился. Все объяснилось лишь после полудня, когда на территории станции приземлился военный вертолет, военные опечатали приборы, а у ворот поставили охрану. Тогда сотрудники вспомнили, что утром счетчик отметил уровень радиоактивности, в 500 раз превышающий обычный". Все же и это было значительно ниже допустимой дозы, и слух о неприятных симптомах, возникших у жителей Миколаек, к счастью, не подтвердился.

По-видимому, на территории Польши никто не получил дозы облучения, непосредственно угрожающей здоровью. Таково мнение не только официальных средств информации, но и специалистов — врачей и ученых-атомников, а также экспертов "Тыгодника Мазовше".

Катастрофа в Чернобыле вызвала оживленное обсуждение проблем польской ядерной энергетики. В настоящее время, как уже говорилось, в Жарновце (Гданьское воеводство) строится первая польская АЭС, по плану намечено строительство еще одной. Пять польских ученых обратились к властям с призывом вновь проверить советский проект АЭС, который, по их мнению, не дает достаточных гарантий безопасности. Польское пацифистское "Движение за свободу и мир" организовало 2 мая во Вроцлаве демонстрацию с участием нескольких сот человек с требованием гласности и свободы дискуссий по проблемам использования ядерной энергии в

Польше. Демонстрация была разогнана полицией, несколько человек задержано. В Белостоке под петицией с требованием приостановить строительство в Жарновце подписалось свыше трех тысяч человек. Возникли споры вокруг проекта "кладбища" радиоактивных отходов, которое власти наметили разместить в районе Мендзыжече, где со времен войны сохранились немецкие подземные бункеры. Даже официальное Польское движение за национальное возрождение выступило против проекта. Сорок местных ячеек ПДНВ обратились с призывом к правительству отменить это решение.

* * *

Организация "Солидарность крестьян-единоличников" существовала как бы в тени мощной "Солидарности" рабочих и служащих. После военного переворота в декабре 1981 г. казалось, что от нее не осталось и следов. Правда, существует подпольный Общепольский комитет крестьянского сопротивления, который считается преемником руководства разогнанной крестьянской "Солидарности". Издаются подпольные брошюры о проблемах деревни. Однако это лишь малые островки, и если бы крестьянское движение этим ограничивалось, то можно было бы сказать, что его почти не существует. Однако оно есть, и участвуют в нем те же люди, что и в прежней крестьянской "Солидарности".

Теперь это движение называется "ячейками духовного пастырства". Идея принадлежит церкви и надо признать ее весьма удачной. Такие ячейки существовали и в 70-е годы, но они были малоактивны и их деятельность носила в основном религиозный характер. После военного переворота они значительно расширились и оживились. Церковь создала такие ячейки для различных групп интеллигенции (писателей, журналистов, актеров), туда вошли тысячи активных людей, которые в условиях военного режима не могут легально работать в независимых организациях. Духовные пастырства стали центрами оппозиции режиму. В организации таких ячеек на селе, весьма многочисленных и активных, главную роль играют бывшие деятели крестьянской "Солидарности". Такая форма работы в деревне вполне соответствует духу польской церкви, которая несмотря на "модернизацию" осталась народной и даже крестьянской по своему характеру. Это объясняется, в частности, тем,

что в течение нескольких поколений ряды священников и монахов пополняла в основном крестьянская молодежь, которая к тому же оказалась более стойкой к коммунистической пропаганде: среди членов ПОРП выходцы из крестьян составляют менее 8%.

В канун пятой годовщины создания крестьянской "Солидарности", 11 мая в костеле св. Александра в Варшаве были проведены торжества. Комиссия епископата по делам крестьянских духовных пастырств провела их под предлогом дня св. Исидора — покровителя крестьянства. Со всей страны собрались на праздник свыше двух тысяч сельских хозяев. Руководитель торжеств епископ Хенрик Мушиньский заявил: "Идеалы независимого самоуправляющегося профессионального объединения "Солидарность крестьян-единоличников" всегда будут целью устремлений польского крестьянства". Затем выступил один из руководителей бывшей "Солидарности крестьян" Габриэль Яновский. После этого участники торжеств направились к памятнику Винценты Витоса — руководителя польского крестьянства и премьер-министра довоенной Польши. Памятник был окружен отрядами полиции с водометами. Лишь небольшая группа участников марша смогла подойти к памятнику и возложить венки. После исполнения национального гимна и патриотических песен собравшиеся крестьяне и жители Варшавы спокойно разошлись.

Торжества вызвали особый гнев со стороны руководства официальной так называемой Объединенной крестьянской партии, у которой крестьянская "Солидарность" в сущности отнимала право на существование. Однако и у властей ячейки духовного пастырства восторга не вызывают. В протесте, подписанном ячейкой в Сталовой Воле (85 членов), приводится обширный перечень преследований участников движения духовного пастырства. Можно понять, почему власти не соглашаются на создание церковью Сельскохозяйственного фонда. Он станет материальной силой, объединяющей крестьянство вокруг церкви и препятствующей социалистическому преобразованию польского села. А режим от этих планов не отказался — он лишь дожидается лучших времен.

* * *

Перед сдачей номера в печать пришло сообщение об аресте Збигнева Буяка — одного из руко-

водителей "Солидарности". После военного переворота З. Буюк находился в подполье и состоял уполномоченным Временной координационной комиссии "Солидарности" для района Варшавы. Генеральный прокурор уже заявил (не дожидаясь следствия и суда) о связях З. Буюка с иностранной разведкой.

В. Кучинский

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Правительство Хенг Самрина, которое с помощью вьетнамских оккупационных сил управляет Кампучией с 1978 г., все еще пытается сохранить контроль над страной. Но контроль постоянно ускользает из его рук.

Зимой 1984–1985 гг. вьетнамцы уничтожили цепь лагерей повстанцев вдоль границы Кампучии с Таиландом. Это уменьшило силу вооруженного сопротивления оккупационному режиму в Кампучии, но не сумело его прекратить. Повстанцы сейчас активны, как и прежде.

Неписанное правило партизанской войны гласит, что соотношение сил правительственных войск и партизан, для того, чтобы борьба с последними была успешной, должно быть не меньше, чем 10:1. В Кампучии же оно — не более чем 4:1. С правительственной стороны — 40 тысяч войск Хенг Самрина и 160–180 тысяч вьетнамцев. Со стороны повстанцев — 60–70 тысяч человек.

Наибольший ущерб правительственным войскам наносят "красные кхмеры", которые сейчас входят в коалицию сил, сопротивляющихся вьетнамской оккупации страны. В их рядах 40–50 тысяч бойцов, "Красные кхмеры" скомпрометировали себя во время кровавого режима

Пол Пота (1975–1978 гг.), когда они развязали в стране геноцид, приведший к уничтожению почти трети населения страны. Сейчас они пытаются восстановить свою репутацию, выступая в качестве борцов против иностранной оккупации.

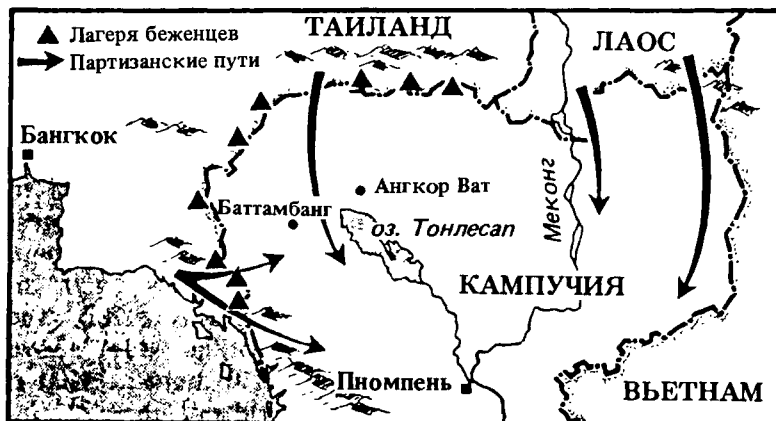
Впрочем, поддержка, которой пользуются "красные кхмеры", исходит не столько от населения, сколько от внешних сил, в первую очередь от Китая. Что касается населения, то здесь сила считается более эффективной, чем убеждение. Дома и амбары тех крестьян, которые отказываются давать "красным кхмерам" пищу и деньги, попросту сжигают. В 1985 г. "красные кхмеры" взорвали 10 товарных и пассажирских поездов; несколько поездов взорвано в этом году.

Еще 6–10 тысяч человек находятся под руководством Сон Сана, ориентирующегося на демократические силы Запада. Еще 3–6 тысяч привел с собой в коалицию принц Нородом Сианук, некогда правитель Кампучии (тогда — Камбоджи), человек, который неоднократно менял свою политическую ориентацию.

Повстанцы попадают в Кампучию по четырем основным партизанским путям (см. карту). В горных районах Западной Кампучии вьетнамцев тревожат "красные кхмеры". В равнинной северной части "красные кхмеры" и части Сон Сана совершают стремительные рейды через границу в район Баттамбанга. В апреле во время первого совместного рейда, в котором участвовали все три повстанческие группы, был нанесен значительный ущерб аэродрому и складам горючего. Повстанцы также активны в болотистой местности вокруг озера Тонлесап.

Вьетнамцы хорошо укрепились вдоль северной границы, там, где проходит невысокая горная цепь. Однако повстанцы тревожат их с тыла, с баз Нородома Сианука внутри страны. Сторонники Сианука сейчас, по-видимому, покинули свои базы в Таиланде и полностью переместились в Кампучию. Они лишь иногда возвращаются в Таиланд — без формы, как того требуют тайландцы, — для отдыха вместе со своими семьями.

Далее к востоку идет партизанская тропа, проходящая из Лаоса вдоль вьетнамской границы. По ней "красные кхмеры" подбираются к столице. В сентябре прошлого года был подвергнут обстрелу из пушек склад горючего, расположен-

ный в 6 км от Пномпеня, в феврале был обстрелян из пулеметов вьетнамский военный лагерь в пригороде столицы.

Потери повстанцев меньше, чем вьетнамцев. Первые за прошлый год потеряли, по оценкам, около 5 тысяч человек, вьетнамцы — около 7 тысяч. Для вьетнамской армии это немного, но войне не видно конца. Ничего не помогает. Надеясь закрыть границу, вьетнамцы заложили на протяжении 700 км более 1 миллиона мин. Говорят, что в беженских лагерях по ту сторону границы у каждого сотого жителя в результате подрыва на mine оторвана рука или нога. Больше, однако, вьетнамцам и правительственным войскам не по силам. В этом году в беженских лагерях в Таиланде впервые смогли приступить к регулярным сельхозработам. Их более не обстреливают.

К каждой кампучийской деревне сейчас прикомандированы сотрудники государственной безопасности. Объявлен призыв в коммунистическую партию (разумеется, в новую, провьетнамскую) с целью создания на местах разветвленной сети активистов, на которую можно было бы опереться в борьбе с повстанцами. Сейчас в партии около 6 тыс. членов: в 1979 г. их было только 66. Прогресс налицо, но едва ли можно радоваться достигнутому результату. Даже "Правда" выражала разочарование в том, что рост рядов новой компартии идет столь медленно.

В кампучийской армии, сражающейся бок о бок с вьетнамцами, насчитывается 40 тыс. человек, но количество дезертиров растет день ото

дня. Для работ вдоль тайландско-кампучийской границы привлечено около 20 тыс. гражданских лиц. Они валят деревья, ремонтируют дороги, строят оборонительные заборы из бамбука и колючей проволоки. Население пытается всеми средствами уклониться от этих работ. Нередко приходится использовать труд заключенных. И в Ханое, и в Пномпене вьетнамские официальные лица выражают уверенность в том, что к 1990 г. правительство Хенг Самрина сможет уже защищать себя само. Дело в том, что к этому году Вьетнам обещал вывести из Кампучии свои войска — сейчас они составляют 140 тыс. человек. Правда Нго Дьен, вьетнамский посол в Пномпене, говорит: "Если в будущем создастся угроза Кампучии, мы можем и вернуться".

В Кампучии, однако, сомневаются, что вьетнамцы вообще уйдут. Сейчас в эту страну прибыло 700 тысяч вьетнамских переселенцев, которые, похоже, намерены обосноваться тут надолго. Надежд на мирные переговоры нет никаких. Недавно Вьетнам отверг план перемирия, предложенный повстанцами, по которому Сианук становится президентом, Сон Сан — премьер-министром и под эгидой ООН проводятся всеобщие выборы. После этого Вьетнам должен вывести свои войска.

Если вьетнамцы на Сианука согласны, то Сон Сана они не хотят и предпочитают сохранить "своего" Хенг Самрина. Но главное препятствие в другом: Вьетнам не хочет не только что допустить "красных кхмеров" в правительство, но даже разговаривать с ними. Его можно понять: заверения "умеренного" лидера "красных кхме-

ров" Кхиеу Самфана о том, что он — либеральный демократ, вызывают мало доверия. Палач кхмерского народа Пол Пот хотя и ушел формально в отставку (см. "Страна и мир", № 9, 1985 г.), продолжает все еще активно действовать за сценой.

Недавно генерал Ле Дук Ан, командующий вьетнамскими силами в Кампучии, заявил, что "социалистический союз" трех индокитайских государств — Вьетнама, Кампучии и Лаоса — создает наилучшие перспективы для "сохранения независимости и развития каждой из этих стран". Но едва ли Кампучию можно сейчас назвать социалистической страной. На съезде партии в октябре прошлого года Хенг Самрин говорил лишь о "постепенном переходе к социализму". В конституцию страны недавно была внесена поправка, разрешающая существование частного предпринимательства. На рынках Пномпеня процветают частники, заполняющие их продовольствием и контрабандными товарами. Буддийские храмы восстановлены, и при них открыты религиозные школы. Существует правило, по которому кхмерам в возрасте менее 50 лет запрещается уходить в монахи, но в сельской местности этим правилом все пренебрегают.

Этот прагматический подход правительства дал возможность создать в Кампучии хотя бы видимость возврата к нормальной жизни, по крайней мере, в тех местностях, где не действуют повстанцы. В столице сейчас живет около 600 тыс. человек; в январе 1979 г. она была практически пуста. По улицам движутся новые японские автобусы. Ежедневно 240 человек подметают и моют улицы. На магазинах появились новые яркие вывески.

Но все это лишь видимость прогресса. В основе своей страна по-прежнему остается мало затронутой XX веком. Все население Пномпеня страдает от глистов. В сельской местности широко распространены туберкулез. Ежедневных газет нет, государственное радио ведет передачи лишь семь часов в день. У Кампучии нет прямого воздушного или автомобильного сообщения с Лаосом; единственный зарубежный город, куда можно позвонить из Пномпеня, — это вьетнамский город Хо Ши Мин, бывший Сайгон.

Нищенская экономика страны полностью зависит от стран советского блока. В прошлом году Советский Союз предоставил Кампучии около 140 млн. долларов экономической помощи.

В последующие пять лет эта помощь будет удвоена. Единственной капиталистической страной, с которой Кампучия поддерживает отношения, является Индия, но индийцы не особенно стремятся эти отношения расширять.

В Кампучии расположен важный туристский объект — знаменитый древний комплекс храмов Ангкор-Ват. Японцы, индийцы и поляки предложили свои услуги в его реставрации. Правительство заявило, что планирует уже в этом году организовать туристские поездки к Ангкор-Вату. Однако еще в марте, когда два австралийских политических деятеля посетили Ангкор-Ват, им для сопровождения пришлось выделить воинское соединение.

Будущее Кампучии трагично. Она воистину находится между Сциллой и Харибдой: между возвратом людоедского режима "красных кхмеров" и иностранной оккупацией. ●

СТРАНА ОСТАНОВИВШИХСЯ ЧАСОВ

Затворничество Бирмы напоминает затворничество ее фактического правителя — генерала Не Вина, председателя правящей и единственной легальной Партии бирманской социалистической программы. Придя к власти в результате военного переворота в юном возрасте (51 год), Не Вин дожил до 75 лет (род. 20 мая 1911 г.), почти не показываясь ни своему народу, ни внешнему миру. С декабря 1981 г. он сложил с себя внешние атрибуты государственной власти (см. "Страна и мир", № 9, 1984), сохранив фактически свою диктатуру, поддерживаемую армией и бюрократическим аппаратом. "Если этот режим треснет, — говорит западный дипломат, — многие провалятся в его трещины".

Закрыв свои границы для иностранных туристов и капитала, лишившись рынков сбыта, Бирма, казалось, избежала и судьбы своих соседей — Китая, Индии, Таиланда, стран Индокитайского полуострова, которых сотрясают политические бури. Бирма, одна из основательниц так называемого Движения неприсоединившихся стран, была первой страной, покинувшей его в 1979 г. под предлогом (вполне основательным) утраты движением нейтралитета. Бирме не нужен внешний мир, и она вроде бы не нужна внешнему миру. На первые полосы мировой печати Бирма попала в последний раз в 1983 г. и то лишь потому, что северокорейские агенты организовали в

Рангуне взрыв с намерением уничтожить президента Южной Кореи, находившегося в Бирме с визитом. Президент уцелел, но четыре южнокорейских министра и 17 сопровождавших их лиц погибли.

И сам Не Вин, и свергнутый им в свое время премьер-министр У Ну, вместе с национальным героем Бирмы Аун Саном принадлежали в свое время к группе, получившей название "Тридцать товарищей". Эта группа армейских офицеров в свое время заключила с японцами "джентльменское соглашение": независимость страны в обмен на помощь японцам в войне против союзных сил в Юго-Восточной Азии. Оккупировав Бирму, японцы соглашением пренебрегли, и тридцать товарищей быстро перешли на другую сторону. В созданной ими Антифашистской лиге народной свободы лидирующее положение захватили коммунисты, которых после провозглашения независимости пришлось призвать к порядку. Призывы не помогли, и компартия ушла в подполье, где она находится по сей день, ведя вооруженную борьбу против правительства.

В 50-е и 60-е годы правительство усиленно занималось прогрессивными и социалистическими преобразованиями. Однако после переворота Не Вина (1962 г.) и стабилизации его власти преобразования, как и все прочие перемены, были спущены на тормозах, и доля государственного и кооперативного сектора упала с 60% в середине 70-х гг. до 43% в 1984 г.: госсектору, как это обычно бывает, конкуренция с частным хозяйством не удалась. Однако преобразования не прошли даром. Могучую силу в стране приобрела контрабанда, черный рынок с его астрономическими ценами, производство и вывоз наркотиков.

Страна, которая кажется туристу, любящемуся пагодами Рангуна и Пагана, хотя и бедной, но тихой и безмятежной, на самом деле полна острых противоречий. Три главных проблемы Бирмы — война с подпольными группами и армиями, хиреющая экономика и глубокий социальный распад.

Войну против правительства ведут многочисленные этнические сепаратистские образования и вооруженные отряды коммунистов, носящие название "Белый флаг" (это — символ периода антияпонской войны, и вовсе не означает, что коммунисты собираются сдаваться). Борьба компартии Бирмы с правительством, длящаяся

уже почти сорок лет, особенно обострилась в начале 60-х годов, когда КПБ полностью перешла на маоистские позиции. В ходе чисток тех лет были убиты или запытаны досмерти все инакомыслящие в партии. Несколько раз правительство шло на переговоры с коммунистами, но на их требование передать им власть в "освобожденных районах" оно не соглашалось, и война начиналась снова. Коммунистическая армия, насчитывающая по различным оценкам от 8 до 15 тысяч бойцов (число членов партии не превышает, по ее собственным данным, трех тысяч), вступала в союзы (правда, весьма неустойчивые) с вооруженными отрядами национальных меньшинств страны.

Национальный вопрос в Бирме исключительно сложен. Собственно бирманцы составляют примерно 68% населения страны, но и среди них есть группы, говорящие на разных языках и диалектах. Почти треть населения (общая его численность — 35,7 млн. чел.) составляют другие народы, имеющие иные традиции, язык, религию и собственные территории. В течение многих веков связь этих территорий (примыкающих в основном к границам Бирмы с Китаем и Таиландом) с рангунским правительством была чисто номинальной. Народы бирманского пограничья — шаны, карены, моны (древнее население страны, покоренное бирманцами в средние века), кая, чины, качины и другие — воинственны и не слишком удовлетворены той автономией, которая предоставлена им рангунскими властями в рамках их национальных образований (округов).

Кроме этих народов, в Бирме проживает свыше полумиллиона индийцев и китайцев — в большинстве давние нелегальные иммигранты, захватившие в свои руки мелкую и среднюю торговлю и ростовщичество в деревне. В начале 80-х гг. правительство лишило их гражданства под предлогом нелегальности их положения в стране и связи китайцев с остатками гоминьдановских отрядов, почти сорок лет назад застрявших в джунглях на китайско-бирманской границе.

Национальную проблему активно эксплуатируют и автономисты, и сепаратисты, и коммунисты. Но есть у нее еще один печальный аспект. На стыке границ Таиланда, Китая и двух бирманских автономных районов — Шанского государства и государства Кая находится один из крупнейших, а может быть и крупнейший в мире

центр по производству наиболее опасных наркотиков — опиума, героина и кокаина. Обороты торговли наркотиками здесь огромны: полагают, что они превышают официальный экспорт Бирмы, который составил в 1984 г. 422 млн. долларов.

Невозможность охранять границы в гористом районе влажных тропиков, подкупность местных чиновников во всех трех странах отдали эту часть территории Бирмы во власть вооруженных отрядов. Некоторые из них — борцы за национальные или политические идеи, но большинство — простые наемники боссов рынка наркотиков. Огромные доходы позволяют боссам содержать многотысячные армии. Впрочем, границы между идеалистами и распространителями "белой смерти" зыбки: среди источников финансирования коммунистической армии торговля наркотиками занимает все большее место. Объясняют это тем, что режим Дэн Сяопина резко сократил ассигнования на экспорт революции, и КПБ приходится переходить на хозрасчет. Впрочем, считают, что китайское руководство не решается полностью отказаться от поддержки компартии Бирмы, чтобы та не перешла под покровительство исконного врага Китая — Вьетнама.

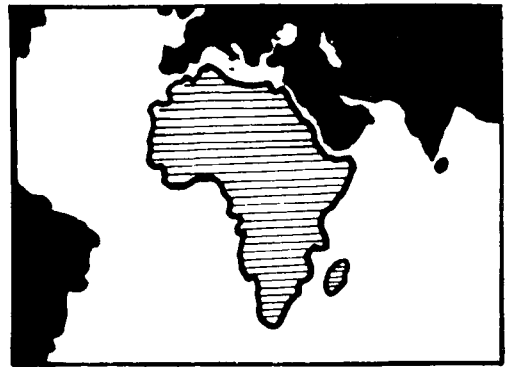
В экономике страны есть лишь один просвет — страна не голодает. За последние четверть века производство риса почти удвоилось и достигло около 15 млн. тонн. Это результат "зеленой революции" — внедрения гибридных сортов злаков, выведенных западными генетиками. Другая причина благополучия в сельском хозяйстве Бирмы — климат и почвы, исключительно благоприятные для разведения риса.

Другие отрасли хозяйства страны находятся в тяжелом состоянии. Валютные резервы сократились до минимума. В стране почти нет промышленности, а импортные товары стоят несообразно дорого: банка лимонада — 3 доллара, книга в карманном издании — до 30 долларов, телевизор — 4 тыс. долларов. Новых автомобилей почти не видно, а те, что появляются на улицах, украсили бы автомобильные музеи. Из многочисленных полезных ископаемых страны в коммерческих масштабах добываются лишь рубины и изумруды, и в небольших количествах — нефть. Отпугивание иностранных инвесторов оказалось столь эффективным, что теперь, когда правительство решило чуть приоткрыть для них дверь, нашелся только один желающий — западногерманский

производитель и торговец оружием Фриц Вернер. Здесь-то и нашлось место для завода по производству автоматов G-3, давно снятых с вооружения армии ФРГ. Объяснение простое: Вернер имеет с Не Вином давние личные деловые связи.

Бирманцы говорят, что в их стране немного делается хорошо. Вероятно, одно из этих немногих дел — подавление оппозиции правительству на основной территории страны. Самые отчаянные торговцы на черном рынке категорически отказываются говорить на самые невинные политические темы. До сих пор сохранилась память о зверском подавлении студенческих волнений десять лет назад. С тех пор однопартийная система, запрет забастовок, верность армии, режим позволяют оставшимся в живых геронтократам из числа "тридцати товарищей" жить в относительном спокойствии. В страну, соседи которой зарабатывают на туризме миллионы, не допускается более ста туристов в день. В Рангунском аэропорту не видно привычных авиапутешественникам компьютеров: служащие пользуются доисторическими деревянными счетами.

Стране остается лишь ждать и думать о том, надолго ли остановилась ее история. ●

ЭФИОПИЯ: ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Руководителями социалистических стран время от времени овладевает непреодолимое стремление к грандиозным перемещениям больших масс народа. В Советском Союзе до сих пор памятны массовые переселения кулаков и так называемых народов-предателей; в Китае большие успехи в этом деле достигнуты во времена

”культурной революции”»; в Кампучии ”красные кхмеры” преуспели в ликвидации городов и переселении городских жителей в деревни.

Сейчас страсть к осуществлению великих переселений овладела руководителями социалистической Эфиопии. Вот уже более года в стране осуществляется грандиозная программа ”деревнизации” страны.

Дело в том, что сельское население страны (а оно в этой почти исключительно сельскохозяйственной стране составляет подавляющее большинство) — это в основном фермеры. Они живут не в деревнях и селах, которых в Эфиопии очень мало, а на своего рода хуторах, расположенных на собственных земельных участках. Такие хутора — в Эфиопии их называют *тукул* — это несколько хижинок, в которых живут представители нескольких поколений одной семьи. Множество таких тукул, обычно расположенных на склонах холмов, рассеяны по всей территории страны.

Теперь системе хуторов будет положен конец. В течение 9 лет 33 миллиона крестьян должны быть переселены в деревни — эфиопский вариант агрогородов. Хотелось написать — ”в построенные для них деревни”, но деревни крестьяне должны строить себе сами. Во многих случаях крестьянам приказано разобрать свои старые дома и на собственных плечах перетаскать их на новое место коллективного поселения.

За 1985 г. — начало 1986 г. уже переселено в деревни свыше 3 миллионов человек. В провинции Харар, например, одной из наиболее населенных, ликвидировано 250 тысяч крестьянских хуторов и вместо них создано несколько тысяч деревень. В каждой деревне — от 100 до 500 домов, расположенных строгими рядами через проме-

жутки в 30 м; это очень похоже на аракеевские военные поселения. Большинство поселенцев были вынуждены перенести свои дома на собственных плечах на расстояние 5—15 км. Участки, которые крестьяне обрабатывали, остались, разумеется, на прежних местах — теперь их владельцы должны утром и вечером совершать длинные путешествия на работу.

Эта программа уже нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству Эфиопии, страны, которая только-только начинает оправляться с международной помощью от последствий засухи и голода — самого крупного голода за всю новую африканскую историю. Вместо того, чтобы работать весной на полях, крестьяне разбирали, переносили и вновь собирали дома или же собирали стройматериалы и строили новые. Многие участки оказались заброшенными. Но последствия будут сказываться и в будущем — по оценкам специалистов сама необходимость ежедневно совершать длинные пешие путешествия понизит продуктивность сельского хозяйства на 3—5%.

Что же побудило власти социалистической Эфиопии предпринять такие грандиозные перемещения? Кассае Аргав, первый секретарь Рабочей партии Эфиопии, формулирует это следующим образом: ”Мы не можем обеспечить народу социальное обслуживание и экономическую помощь, когда они разбросаны по всей стране. Люди ведь любят жить коллективно. Наша программа увеличит безопасность в сельских районах и облегчит преподавание марксизма-ленинизма крестьянам. Но главная цель программы — улучшить уровень жизни людей”.

Возможно. Но беда в том, что у правительства нет денег на осуществление столь грандиозной программы. Предполагалось, что в новых дерев-

”Новая деревня” в социалистической Эфиопии

нях население будет наслаждаться такими благами XX века, как электричество, водопровод, школы и медицинское обслуживание. Пока же этого нет почти нигде, а там, где удалось кое-что наладить, модернизация была оплачена крестьянами из собственного кармана — как, собственно, и строительство самих деревень. "Наша экономическая мощь недостаточна, — говорит Кассае Аргав. — Правительство и партия могут дать крестьянам только свои знания и ничего больше".

Есть, однако, и другие, отличные от официального, объяснения. Многие считают, что "деревнизация" — первый шаг на пути к коллективизации советского типа, и похоже, что это объяснение очень близко к истине. Другое объяснение — необходимость уменьшить крестьянскую поддержку оппозиционным повстанческим организациям. В деревнях крестьян легче контролировать, легче пресечь их контакты с повстанцами.

Сейчас в Эфиопии действует несколько повстанческих организаций, ведущих партизанскую войну с правительством. В их числе — Фронт освобождения Эфиопии, Эритрейский народный фронт освобождения, Народный фронт освобождения провинции Тигре, Фронт освобождения Западного Сомали и др. Любопытно, что большинство их (кроме, пожалуй, сомалийцев) — это марксистские группировки, ведущие борьбу против марксистского же правительства. Впрочем, многие из них пользуются сильной поддержкой как христиан, так и мусульман (в Эритрее). Эритрейская война длится уже почти 25 лет — с 1962 г.

Правительство утверждает, что крестьяне переселяются добровольно. Министр труда и общественных работ Берхану Байи говорит: "Сопротивления нет, ибо мы объясняем крестьянам, что "деревнизация" — в их собственных интересах. Многие недооценивают способность крестьян понимать, что хорошо для них, а что плохо".

Едва ли все обстоит так радужно. Крестьяне уже голосуют ногами. Только с начала этого года в соседнее Сомали бежало около 50 тысяч человек. Организация ООН, занимающаяся помощью беженцам, готовится к приему еще 60 тыс. Строятся лагеря для беженцев близ сомалийского порта Бербера. Все беженцы согласно рассказывают, что их принуждали покинуть свои насиженные места, нередко силой оружия. Такие же сообщения поступают и от западных гуманитарных организаций, занятых оказанием помощи Эфиопии.

Другая большая группа эфиопских беженцев находится сейчас в Судане. Их бегство вызвано еще одним грандиозным планом переселения, осуществление которого началось в ноябре 1984 г. Предполагается к концу нынешнего года переселить из северных провинций Тигре и Уолло около 1,5 миллионов человек и разместить их на юго-западе страны. К настоящему времени 600 тысяч человек уже переселено. Официальное объяснение — необходимость "выравнивания" населения: малоплодородные северные провинции все время становятся жертвой голода. Юго-Запад же менее населен и более плодороден.

Наблюдатели, однако, полагают, что истинная причина иная: граничащие с мятежной Эритреей провинции Тигре и Уолло всегда были надежной базой повстанцев. Удаление большей части населения из этих районов нанесет по оппозиции сильный удар.

Переселение осуществляется при помощи открытого насилия и обмана. Так, крестьян, назначенных к переселению, собирали вместе под видом предстоящей раздачи пищи сотрудниками Красного Креста. Многие явились к указанным пунктам, оставив дома детей, в уверенности, что скоро вернуться. Однако вместо раздачиков пищи их встречали солдаты, загонявшие их в автобусы и грузовики. Сопrotивлявшихся расстреливали. Затем крестьян везли в отведенные для них места.

Так, около 145 тысяч было переселено за 1000 км, в районы городов Гамбела и Асоса. Там их селили в заранее подготовленных деревнях. В новых деревнях обработка земли — уже коллективная (видимо, то же ожидает и тех, кого пока только "деревнизировали"). В личную собственность выделены лишь крохотные приусадебные участки. За отказ от работы на коллективных полях — избиение или арест. Ежедневно проводятся "политические занятия" для всей деревни. Не хватает пищи: на человека полагается в лучшем случае 500 г сорго в день.

Смертность в деревнях-лагерях и по пути к ним очень велика. Гуманитарная организация "Врачи без границ" сообщила, что в процессе переселения погибло от 100 до 150 тысяч человек. После этого заявления организация в полном составе была изгнана из страны.

Под давлением западных стран, предоставляющих Эфиопии значительную материальную помощь, правительство весной приостановило программу переселения. Однако в ближайшем будущем намечено переселить еще 600 тыс. человек.

ВЕСТИ ИЗ СССР

Двадцать седьмой съезд партии (все еще приходится о нем вспоминать) можно сравнить с брошенным в воду камнем: круги от него расходятся по всей акватории советской жизни. Съезд еще только провозгласил курс на ускоренное развитие, а писатели уже строчат романы о конфликте ускорителей с замедлителями, художники рисуют сверкающий всеми цветами радуги интенсивный путь, композиторы сочиняют кантаты по мотивам научно-технического прогресса, судьи... Что же делают судьи? "Всеи деятельностью, — говорится в постановлении пленума Верховного Суда СССР от 16–18 апреля, — суды должны способствовать реализации программных установок партии о переводе народного хозяйства на интенсивный путь развития на основе научно-технического прогресса, нравственному и правовому воспитанию советских людей, развитию их социально-политической и производственной активности, непримиримости к правонарушениям и другим недостаткам".

К сожалению, тут не все ясно. Почему, например, развитием производственной активности должны заниматься судьи? Вот правовое воспитание — это действительно их сфера. И кто, как не Верховный Суд, призван на конкретных примерах учить граждан уважению к закону, к правам и интересам человека?

Но об уважении — потом. Поговорим сперва о том, что именно надлежит делать судам для реализации новых "программных установок" XXVII съезда. Оказывается, суды призваны неукоснительно соблюдать требования законодательства о равенстве граждан перед законом "независимо от должностного положения и других обстоятельств".

Странный пассаж. Коль скоро вопрос поставлен так, невольно возникает подозрение, что до

сих пор дело обстояло иначе, что суды при вынесении приговоров учитывали и должностное положение обвиняемых, и "другие обстоятельства" — скажем, телефонные звонки.

Увы, есть много признаков того, что эти подозрения не напрасны. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные очерки в газетах, где вроде бы ясное дело принимает неожиданный оборот, и автор начинает долго и путано что-то нам объяснять. Тут даже неопытный читатель понимает: вмешались эти самые "другие обстоятельства".

Но дело не только в этих конкретных примерах. Все мы знаем, что судья любого ранга — всего лишь чиновник в ведомстве соответствующего масштаба: районного, областного, республиканского, союзного. Естественно, что в своей деятельности он целиком зависит от чиновников более крупных — прежде всего, партийных. Как же он может судить независимо от должностного положения и других обстоятельств? Никак не может. А еще говорят, что юристы — педанты. Какие там педанты, — фантасты и мечтатели...

Далее мы узнаем, что "пленум потребовал от судов обеспечить правильное и своевременное разрешение каждого дела о выпуске недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции. Обращено внимание судов на повышенную опасность противогосударственной практики приписок и других искажений государственной отчетности о невыполнении планов..."

Снова возникает вопрос: к чему эти указания, если закон и без того предусматривает уголовную ответственность и за выпуск недоброкачественной продукции, и за приписки? Да к тому, что закон есть, а ответственности практически нет. Несколько лет назад одна центральная газета попыталась получить данные о том, сколь-

ко людей в год привлекается к суду за выпуск брака. Оказалось, что сведения эти секретны. Однако в прокуратуре СССР журналисту неофициально намекнули, что число таких дел крайне невелико — единицы...

В чрезмерной мягкости советское правосудие не упрекнешь. И если по делам этой категории оно проявляет несвойственное ему добродушие, то ясно, что на это должны быть серьезные причины. И они есть. В силу многих факторов, объективных и субъективных, подавляющая часть продукции советских предприятий — либо брак, либо на грани брака. Строго говоря, по этой статье можно было бы судить почти всех, кто имеет отношение к производству.

Но это еще полбеды: количеством осужденных нас не удивишь. Однако что будет с производством товаров, с выполнением планов? В выполнении планов (или хотя бы в победных реляциях об их выполнении) заинтересовано все руководство страны, от начальника цеха до министра и генерального секретаря. Оттого и выпуск брака, и приписки всегда считались делом "домашним". Не так уж страшно. Конечно, проказнику полагается сделать отеческое внушение, иной раз не грех и выдрать. Но кто же будет наказывать его всерьез?

А теперь об уважении к закону и правам граждан. Тут тоже много интересного. В старину считалось, к примеру, что человек обладает неотъемлемым правом на объект своего творчества, что рукопись принадлежит писателю, картина — художнику, нотная запись — композитору. Скажем, Гоголь сжег второй том "Мертвых душ", и никто не привлек его к ответственности за порчу государственной собственности.

Коль скоро книга пишется для читателей, естественно предположить, что автор захочет ее опубликовать, заключив соответствующее соглашение с издательством. С каким именно и где — это его дело. С тех пор, как был изобретен печатный станок, государство в такие дела не вмешивалось. Случалось, что власти запрещали распространение книги, конфисковывали издание, даже преследовали писателя, но право собственности автора на созданное им никогда не оспаривалось.

По крайней мере так обстояло дело до 16–18 апреля нынешнего года. "Несоблюдение автором или его правопреемником, — гласит постановление пленума Верховного Суда СССР, — установ-

ленного порядка передачи неопубликованного произведения для использования за рубежом влечет за собой недействительность сделки со взысканием с ответчика в доход государства всего полученного и причитающегося по сделке".

Попробуем представить себе это конкретно. Допустим, я написал книгу — нет, не антисоветскую, упаси Бог (тем более что за такую предусмотрена специальная уголовная ответственность), а самую обычную. Допустим, далее, что советские издательства отказались ее напечатать. То ли сочли ее маловысокохудожественной, то ли недостаточно актуальной. Сейчас, допустим, актуальна тема ускоренной развития, а я пишу о замедленном, времен Анны Иоанновны. Что делать? И вдруг выясняется, что занзибарское издательство "Кол-о-Кол" охотно выпустило бы такую книгу, ибо у них, на Занзибаре эпоха Анны Иоанновны сейчас особенно популярна.

Подчеркнем, речь идет не о налоге с гонорара: налог — дело святое. Речь идет о всей полученной (или хотя бы причитающейся) мне сумме. Оговорка касательно признания "недействительности сделки" тут ничего не меняет. Новое постановление, принятое Верховным Судом означает, что право собственности на объект творчества отныне принадлежит государству и только оно полномочно решать, какие произведения передавать "для использования" за рубежом. Иными словами, отныне мы приравнены в статусе к домашнему животному, чей приплод естественным образом принадлежит хозяину.

Не станем делать круглые глаза. Борьба с авторами, "не соблюдающими установленный порядок передачи рукописей за рубеж", началась не вчера. В феврале исполнилось двадцать лет со дня позорно знаменитого процесса над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Видимо, власти решили по-своему отпраздновать этот юбилей. Отметим так, как они умеют: усилением репрессий. К мерам уголовного характера решено добавить гражданские: "Ты, значит, передаешь, а мы тебя, значит, рублем".

Тут уж неважно, сам ли злополучный автор переправил свою рукопись за границу или она попала туда из Самиздата, неважно какой гонорар он получил и получил ли вообще. Если не получил, компетентные органы сами определяют, сколько автору "причиталось" и

вызывают соответственно. При этом "пленум отметил, что авторское право строго охраняется законом".

Замечательно, что именно высший судебный орган страны преподал гражданам столь впечатляющий урок правового и нравственного воспитания. ●

А. Б.

СКОЛЬКО СТОИТ ЧЕРНОБЫЛЬ

В прошлом номере журнала мы уже писали в общих чертах об экономических последствиях катастрофы в Чернобыле. Сейчас появились первые количественные оценки потерь, которые понесла и еще понесет советская экономика в результате этой трагедии. 16 мая американская фирма PlanEcon, специализирующаяся на экономических прогнозах, опубликовала свой анализ, согласно которому народнохозяйственные потери от катастрофы на Чернобыльской АЭС составляют от 2,7 до 4,3 миллиарда долларов.

Реальный курс доллара (на официальный советский курс мировая экономика давно уже не обращает внимания) составляет 3–4 рубля. Это значит, что в пересчете на рубли общая сумма потерь равна 9–16 миллиардам рублей. Это составляет приблизительно от 2,5 до 5% всего государственного бюджета СССР.

Из чего складываются потери?

Прежде всего потеря самого энергоблока № 4. Строительство нового обойдется в 1 миллиард 40 миллионов долларов.

Далее идут операции по ликвидации последствий аварий на месте: "захоронение" реактора, дезактивация местности и т. п. Масштабы работ точно неизвестны, и стоимость их оценивается в пределах от 350 до 690 миллионов долларов.

Затраты системы здравоохранения также велики. Сюда входят и расходы на лечение лиц с тяжелыми поражениями, и расходы на профилактические меры и выявление возможностей заболеваний в будущем, санаторное лечение и т. п. Эти мероприятия в той или иной мере коснутся десятков тысяч, если не более, людей. Они обойдутся стране в 280–560 миллионов долларов.

Трудно оценить потери сельского хозяйства, ибо нет полных данных о величине и распространности радиоактивного загрязнения. Если предположить, что в этом году будет потеряно от 0,5 до 1% урожая и в будущем никаких потерь не ожидается, то в денежном выражении

это составит от 970 миллионов до 1 миллиарда 940 миллионов.

Затраты на переселение и разные административные расходы оцениваются в 70 миллионов долларов. По-видимому, это заниженная оценка. Со времени публикации отчета появились новые данные, из которых выясняется, что переселение 100 тысяч человек — мероприятие, далеко не кратковременное. Значительная часть переселенцев никогда не вернется назад, всех их надо теперь устраивать заново.

Много потеряет экспорт, причем не только сельскохозяйственный. Большое количество нефти и газа, покрывая энергетические потери, не будет продано за рубеж, а потреблено в стране. Потери твердой валюты составят 200 миллионов долларов.

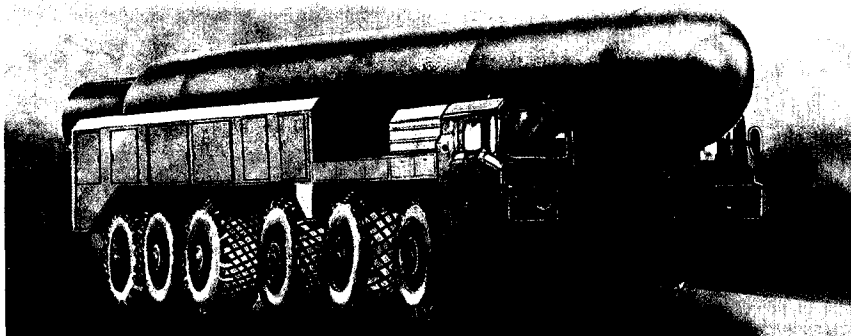
Наконец, временные потери энергии могут привести к некоторому уменьшению промышленного производства. Однако оценить эти потери в цифрах крайне трудно.

Отчет компании PlanEcon заканчивается словами: "Окончательные долговременные потери от чернобыльской катастрофы могут значительно превысить приведенные оценки". ●

ВОЗМОЖНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ РАКЕТНЫХ ВОЙСК

Серьезные перемены в высшем командном составе советской армии после прихода к власти М. Горбачева, по-видимому, совпали со сменой военно-стратегической доктрины СССР. Согласно новым стратегическим принципам управление сухопутными войсками и ВВС будет производиться не по родам войск, а по глобальным географическим районам — театрам военных действий (ТВД, см. "Страна и мир", № 8, 1985). Назначение Н. Огаркова (после краткой опалы при К. Черненко) на пост начальника штаба важнейшего Западного ТВД, включающего всю Европу, свидетельствует о том, что новая военная концепция получила окончательное признание — ведь Н. Огарков считается ее автором. Прежняя система родов войск и военных округов хоть как-то соответствовала идее о том, что первоочередной задачей советских вооруженных сил является оборона. Новая структура, открыто привязывающая к отдельным группам советских войск все районы земного шара как объекты удара, говорит сама за себя.

До недавнего времени в Советском Союзе ракетные войска стратегического назначения

Советская ракета SS-20 с ядерной боеголовкой на подвижной пусковой установке.

(РВСН) были выделены (с декабря 1959 г.) в особую группу вооруженных сил. Первый начальник РВСН главный маршал артиллерии М. Неделин был выбран на эту должность, по-видимому, потому, что РВСН представлялись тогда той же артиллерией, только большей дальности и разрушительной силы. Однако после гибели М. Неделина "при исполнении служебных обязанностей" в октябре 1960 г. (как полагают, при взрыве ракеты), начальниками РВСН назначались уже общевойсковые командиры. На высокий ранг РВСН указывало то обстоятельство, что их начальники носили титул главнокомандующего (наряду с начальниками сухопутных войск, ВВС и ВМС), звание маршала и занимали должность замминистра обороны. Кроме РВСН существует еще оперативно-тактическое и тактическое ракетное оружие, находящееся на вооружении различных родов войск.

Пока РВСН были невелики, их можно было рассматривать как резерв, находящийся в распоряжении политического руководства и ставки Верховного главнокомандования. Однако теперь они необычайно разрослись. По западным оценкам на июль 1985 г. СССР располагал более чем 1600 межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР), примерно тысячей ракет на подводных лодках, и 380 ракетами, установленными на бомбардировщиках. Все это — ракеты дальнего радиуса действия с ядерными боеголовками. В составе РВСН числилось на эту дату более 300 тыс. человек. При таком арсенале, намного превышающем ядерный потенциал возможного противника, возникает искушение перевести стратегическое оружие в ранг тактического, спокойно рассматривать варианты перехода от войны обычным вооружением к ядерной войне — в рамках ТВД или на глобальном уров-

не. Есть основания полагать, что советская военная доктрина сейчас меняется именно в этом направлении.

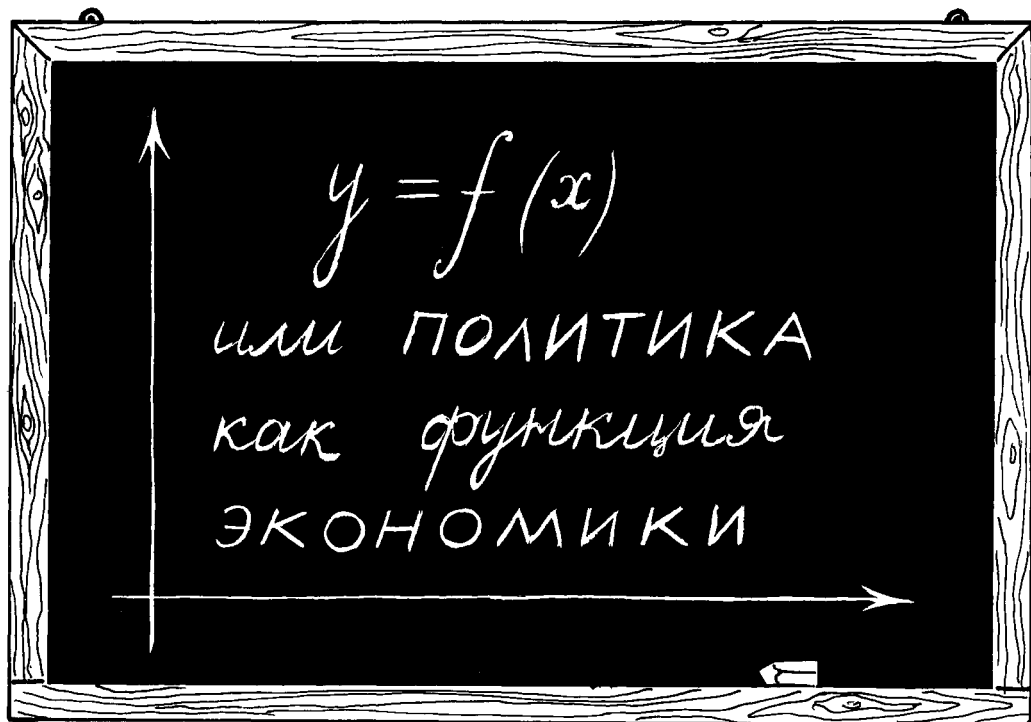
По-видимому, в отношении оперативных планов РВСН будут подчинены (или скоординированы на уровне подчинения) командованию различных ТВД и главнокомандованию (а не Министерству обороны). Видимо, поэтому сменивший маршала В. Толубко на посту командующего РВСН генерал армии Ю. Максимов не получил пока звания маршала и не был назначен замминистра обороны, несмотря на свои значительные заслуги (в должности командующего Туркестанским военным округом, а затем Восточного ТВД: он был ответственен за операции в Афганистане).

Искушение использовать РВСН на более низком, оперативно-тактическом уровне усугубляется сознанием того, что советское обычное вооружение все более отстает от западного (в особенности с появлением контейнерного оружия и новых видов химического оружия), что советские коммуникации уязвимы, транспорт работает плохо, организация тыла крайне ненадежна.

Наряду с включением ракетно-ядерных сил в структуру подразделений других родов войск задачей РВСН будет в ближайшие годы увеличение подвижности. Ракеты СС-16, СС-20, СС-25 могут использовать одинаковые автошасси и достаточно мобильны. Однако переброска МБР требует четкой работы железнодорожного транспорта.

Хочется надеяться, что хотя бы использование межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками останется в компетенции политического руководства. Конечно, мудрость его тоже вызывает сомнение, но все же это лучше, чем передать в руки военных право принятия решений, ставящих под угрозу все человечество. ●

Комментирует Э. Бахтатов

Рисунки Т. Кофьян

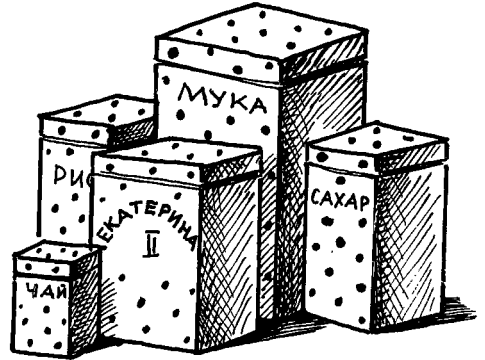
I.

Побочный продукт эпохи торгового капитала. — Зачем я ломлюсь в открытую дверь. — Хоровод причин и следствий. — Слабость теории или сила практики? — Чертова механика. — Ох, уж это сознание. — Ключ к истории. — Для чего нужна была власть.

В трилогии Фейхтвангера об Иосифе Флавии великому историку противопоставлен его друг и соперник Юст Тивериадский. В то время как Иосиф рассказывает об императорах и полководцах, живописует походы, битвы, кипение человеческих страстей, Юст пишет суховатые трактаты: конъюнктура рынка в Александрии, цены на пшеницу в Иудее, урожай фруктов в Риме. И хоть Иосиф Флавий знаменит, ему порой кажется, что, может быть, скучноватые выкладки соперника лучше объясняют внутренний механизм истории, чем его собственные красочные описания.

Трудно судить, каким был Юст Тивериадский в действительности, — его работы до нас не дошли. Очевидно, однако, что фигура эта в романе — дань увлечения писателя марксистской историсофией. Люди старшего поколения помнят М. Н. Покровского и его школу. Ту самую, которую высоко оценил Ленин и разогнал, когда она перестала

быть "созвучной", Сталин. Именно тогда и появился фельетон Ильфа и Петрова "Разговор за чайным столом". "Кем была Екатерина Вторая?" — "Продукт... Продукт эпохи нарастающего влияния торгового капита..." Не так уж важно, зачем понадобилось гению всех времен и народов осуждать вульгарный материализм Покровского: по части вульгаризации корифей мог дать кому угодно сто очков вперед. Важно, что схема, в которой политика выступает как прямая функция экономики, в самом деле превращает историю в подобие чертежной доски. Но столь же несомненно, что зависимость существует, ибо все мы — рабочие, императоры, генеральные секретари — все-таки люди. И какой бы далекой и опосредованной ни была наша связь с производством материальных благ, всем нам нужно есть, одеваться, иметь крышу над головой. И если история дает нам немало примеров того, что сознание людей определяется не только бытием, то бесспорно, что и роль бытия достаточна велика. Особенно, когда дело касается не отдельных личностей, чья профессия, круг интересов или социальное положение поднимают их над презренной действительностью, а массы людей, принужденных добывать хлеб в поте лица своего и прямо зависящих от результатов этой деятельности.

Мне скажут, что я ломлюсь в открытую дверь. Все эти (или похожие) истины, всю эту манную кашу наши сверстники глотали на страницах четвертой главы незабываемого "Краткого курса". Но, во-первых, так было лишь на одной шестой земного шара. На других пяти частях многие люди по-прежнему верили тому, что сказано в несколько более старой, однако, не менее популярной книге: "В начале было Слово". Там еще не забыли, говоря словами поэта,

...что осияно

Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.

А во-вторых, и это, пожалуй, главное, как раз на этой самой одной шестой жизнь шла вовсе не по тем правилам, которым нас учили. Возродилась надстройка без базиса. Создавались производственные отношения, не соответствующие производительным силам. Рождался диковинный зверь слонопотам — государственно-социалистический капитализм. В этом хаосе причин и следствий, в коловращении богов и идиолов не грех было усомниться и в изначальных истинах. В том, действительно ли производство определяет ход общественного развития, а бытие предписывает сознанию, каким ему быть.

Ученые мужи, коим ех officio полагалось читать не брошюрки и чьи-то конспекты, а труды Основоположника социалистического государства, силились отыскать логику в его причудливых построениях. С одной стороны — "политика — концентрированное выражение экономики", "экономика — лучшая политика", с другой — "политика не может не иметь первенства над экономикой", "мы не можем пренебрегать вопросом о том, какой ценой достигается хозяйственное улучшение". Что за чертовщина.

Слабость теории? Нет, сила практики. Жизнь навязывала Основоположнику действия (и выводы), которые не то чтобы не вытекали из теории, но прямо ей противоречили. Приходилось строить квазилогические конструкции, все более сложные, запутанные. И, что еще хуже, приходилось тратить нечеловеческие усилия, чтобы преодолеть

последствия того, что он наделал. Последствия, которые Основоположник должен был предвидеть, не мог не предвидеть, ведь они были естественным, неизбежным и абсолютно закономерным результатом его собственных действий.

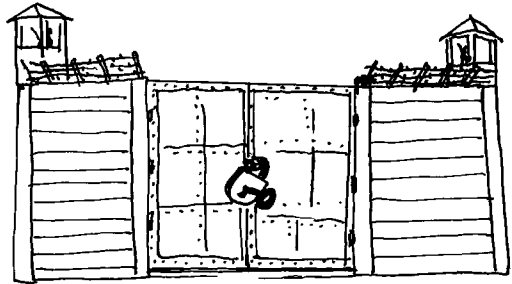

Самое странное, что в этой чертовой механике все по-своему поразительно логично. Переворот в экономически отсталой стране имел смысл лишь в том случае, если созданный новой властью экономический механизм будет способен обеспечить необычно высокие темпы развития производства. Лишь при этом условии под новую социалистическую надстройку можно подвести тот производственный фундамент, на который, по Марксу, ей надлежало опираться. Иначе говоря, новое руководство должно было стремиться к созданию механизма, обеспечивающего максимальное полное и быстрое развитие экономики.

Тогда что же это за цена, которую Ленин не хотел платить за хозяйственное улучшение? Это цена — политика. Уже сама постановка вопроса о первенстве означала, что между политикой новой власти и интересами развития экономики существует коллизия, что Ленин считает эту коллизия неизбежной и утверждает приоритет политики.

Пусть читатель не думает, что мы витаем в эмпиреях теории. Речь идет о практических и вполне конкретных вещах. Собственно, именно в этом ленинском тезисе следует искать ключ ко всей советской истории: к временным затруднениям и вечным проблемам, к коллективизации и концлагерям, к процессам над врагами народа и к первомайским призывам, к стахановскому движению, к крылатой песне "Я другой такой страны не знаю".

Конечно, все это пришло позже, отлившись в формы, которые сам Владимир Ильич, может быть, и не одобрил бы. Но если говорить не о внешности, а о сути, то истоки следует искать в первых годах революции. Именно в этот период вождям Октября надлежало ответить на важнейший, поистине фундаментальный вопрос: для чего они взяли власть? Для того, чтобы обеспечить экономическое процветание страны и ее народа — или во имя сохранения и упрочения самой власти? В первом случае было бы естественно подчинить политику задаче развития хозяйства, созданию оптимального экономического механизма; во втором — рассматривать все на свете, включая экономику, как средство, как инструмент господства, а значит спокойно жертвовать экономическими соображениями во имя политики, все той же политики сохранения власти.

Не так уж существенно, в котором, восемнадцатом или двадцатом году Ильич убедился, что хозяйственный механизм социализма неэффективен. Главное, что обнаружив этот печальный факт, он незамедлительно принял меры. Нет, меры эти были направлены не на изменение политики, не на создание механизма, отвечающего экономическим интересам страны, а на подавление силой того сознания, которое неизбежно должно было возникнуть (и возникло) у основной массы населения под влиянием навязанного ему бытия.

II.

Легендарная революция. — Вполне социалистическая мера царизма. — Человек, разрубивший сразу два гордиевых узла. — Если бы у бабушки были колеса. — Механизм против конъюнктуры. — Бог с ней, с арифметикой. — Красное и белое. — Стоит перечитать "Тихий Дон". — Зачем большевики создают трудности? — О значении ЧК. — Искусство брать взаймы. — И да, и нет.

Октябрьская революция — революция воистину легендарная. Одни сплошные легенды. Легенда о кровопролитных боях за Зимний, об историческом залпе "Авроры", сказание о Красной гвардии, разбившей в феврале 1918 года части немецкой кадровой армии... Ясно, что весь этот фольклор адресован школьникам и так называемым романтикам, не слишком искушенным в истории любителям революционной экзотики.

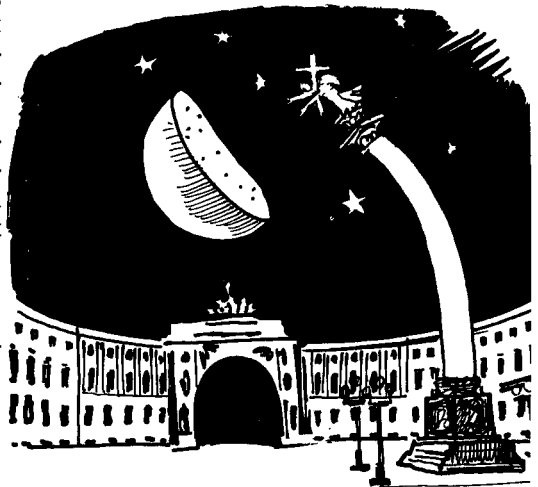
Но есть легенды и посерьезней, рассчитанные на специалиста. Легенда о жутком наследстве, которое получили большевики, — бедной, голодной, разоренной войной и царизмом стране. Легенда о яростном сопротивлении Октябрю, которое вынудило мягких и добросердечных победителей прибегнуть к террору.

Назначение этих сказаний понятно: доказать, что действия новой власти были продиктованы необходимостью, что и в экономике, и в политике у нее просто не было другого выхода. Легенды нужны не только правителям, но и народу, и они убедительны, ибо, как там не говори, они имеют под собой кое-какую фактическую основу. Вопрос, однако, в том, насколько верно факты отражают общую картину.

Свидетелям Февральского переворота казалось, что все дело было в тяжелом экономическом положении страны, прежде всего в нехватке хлеба в столице. "Краюха хлеба погрозила Александрийскому столпу", "пред трехкопечною булкой склонился ниц Санкт-Петербург", — писал современник. Подлинные причины революции, конечно, сложнее. Режим деградировал. Это сказало, между прочим, и в том, что власти не смогли обеспечить снабжение столицы хлебом, хотя в окрестных губерниях хлеба хватало. Любопытно, что перебоям способствовали вполне социалистические меры царизма: ограничение цен на хлеб. В результате крестьяне и торговцы стали хлеб придерживать; при общем повышении цен продавать им было невыгодно.

Мы знаем, что Февральская революция была практически бескровной — у старого режима оказалось мало защитников. И реформы, освободившие страну от остатков феодализма, не вызвали сопротивления: они давно созрели. Правда, кое в чем Временному правительству явно не доставало твердости и последовательности: например, оно бесконечно тянуло с решением вопроса о земле. Но подлинной трагедией и правительства, и государства была война. Страна не могла воевать дальше. И не могла (так, по крайней мере, казалось ее руководителям) выйти из войны, — это было бы грубым нарушением союзнических обязательств.

Разумеется, хозяйство России страдало от войны. Множество предприятий выполняло военные заказы, миллионы здоровых мужчин были в армии, женщины и дети еще не научились их заменять. Вполне вероятно, что и в семнадцатом, и в восемнадцатом году Россия оказалась бы не в состоянии экспортировать хлеб на Запад. Но себя-то про-

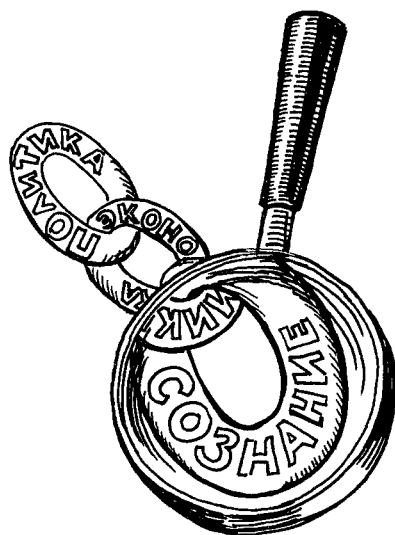
кормить она могла. Оттого немцы и рвались на Украину, что им нужен был хлеб. И были потрясены ее хлебными раздольями: блокированной, сидящей на голодном военном пайке Германии такое изобилие и не снилось.

Надо отдать справедливость вождю Октября: решительности у него хватало. Сомнения его не мучили. Приняв декреты о земле и мире, Ильич одним махом разрубил два гордые узла. С этой минуты подавляющая часть населения России была за большевиков или, во всяком случае, не собиралась с ними бороться. Легкость, с которой власть перешла в их руки по всей стране, очевидная тщетность и обреченность первых попыток свергнуть новую власть — ясное тому доказательство. А ведь сама эта власть была настолько слаба, что не выдержала бы даже одного мощного толчка. Скажем, наступлению немецких войск (к тому времени тоже изрядно ослабленных четырехлетней войной) ей просто нечего было противопоставить.

С прекращением военных действий сражаться с новой властью было некому. Солдаты получили долгожданный мир, крестьяне — еще более долгожданную землю. А главное, все устали. Даже офицеры, даже казаки не рвались воевать. Они хотели просто жить и работать. В конце концов, Бог с ней, с властью, только бы оставила в покое.

Я не любитель гаданий на тему о том, что было бы, если бы у бабушки были колеса. Все же общая тенденция очевидна: после войны экономика России развивалась бы стремительней, чем когда-либо. Отстающие страны (вспомним хотя бы Японию) вообще развиваются ускоренно. После войны — особенно. Крестьяне, получившие землю и соскучившиеся по привычному труду. Рабочие, которых ожидали хорошие заработки. Промышленники, которым были гарантированы рынок сбыта и высокая прибыль. Короче, оптимальная экономическая конъюнктура. Требовались экстраординарные усилия, нужен был специальный механизм, чтобы вогнать страну в разорение, нищету, голод.

И такой механизм был создан — военный коммунизм. Нет смысла сейчас заниматься унылой арифметикой, подсчитывать в процентах, какую роль в формировании этого механизма сыграла идеология, какую — страх потерять власть, тоталитарные импульсы, революционный энтузиазм и экономическая безграмотность. В совокупности все это и породило известную нам политику. Политику, которая нанесла экономике страны куда больший урон, чем царизм, мировая и гражданская войны, вместе взятые. Ибо она не только погубила тьму материальных ценностей (их можно восполнить), не только раз-

валила хозяйства и предприятия (их можно восстановить); нет, новой власти удалось сломать сам *механизм производства*: систему производственных отношений, регуляторы управления и стимулирования. Было сделано все, чтобы страна перестала работать — производить, торговать, обменивать продукты труда. И если она выжила, то лишь потому, что вопреки политике экономического механизма каким-то образом еще продолжал функционировать.

Разумеется, работал он тяжело, вяло, с перебоями. Дело дошло до невиданной засухи, не хватало всего: хлеба, одежды, топлива, жилья, транспорта, промышленных товаров. Эффект был тем нагляднее, что в соседних губерниях, занятых белыми, подобный всеобщий дефицит практически не ощущался.

Стало быть, бытие все-таки определяет сознание. Эту истину вожди революции учили не по Марксу, бряцанием боев она врывается в стих. И в прозу, добавим мы. Не революция, классовые интересы и ненависть буржуазии к светлым идеалам коммунизма создали массовую базу сопротивления и привели к гражданской войне, а нависшая над страной и народом экономическая катастрофа. Сомневающимся стоит перечитать хотя бы "Тихий Дон". Книга убедительно свидетельствует о том, что тихим Дон перестал быть огуном не в октябре 1917 года, а позже, когда казаки реально ощутили последствия "первенства политики над экономикой".

Однако в цепи политика-экономика-сознание большевиков больше всего занимало последнее звено. Они не желали знать, что именно вызвало сопротивление. Факт: сопротивление возникло и угрожает их власти. Что следовало делать в этих обстоятельствах? Разумеется, менять не хозяйственный механизм (это было бы уступкой, "проявлением слабости"), а политику. Сравнительно мягкую (если, понятно, сравнивать с последующей) политику надлежало заменить предельно жесткой, подлинно революционной. Западные наблюдатели задавали наивный вопрос: "Зачем большевики создают трудности?" Конечно же, не для того, чтобы на них любоваться.

Не следует думать, что В. И. Ленин и его соратники не ведали, что творят. Уже в начале декабря 1917 года была организована ВЧК — чрезвычайная комиссия не только (и даже не столько) по борьбе с контрреволюцией, сколько со спекуляцией и саботажем: власть ясно представляла себе последствия собственной экономической политики.

Да и как могло быть иначе: структура, известная под названием военного коммунизма, включала отказ от товарно-рыночных или денежных форм обмена, карточную систему на основные предметы потребления и услуги, рабочий контроль и уравнительную систему труда в промышленности, продразверстку в деревне.

Уравнивание зарплаты лишило людей стимула работать хорошо. "Рабочий контроль" (то есть отсутствие всякого контроля и руководства) означал, что работать, собственно говоря, необязательно. Продразверстка, построенная по принципу отбирать больше хлеба у того, кто больше собрал, стимулировала свертывание сельскохозяйственного производства. Забавно, что позднее Ильич жаловался на крестьян, которые не захотели "дать нам хлеб взаимы". Наверное, именно с целью взять "взаимы" и приходили в деревню вооруженные до зубов продотряды.

Уже в мае 1918 года председатель ВЦСПС М. Томский констатировал: "Падение производительности труда в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой (вернее, на которой) грозит полнейшее разложение и крах". Ленина это не смутило. Только в марте 1921 года, когда кронштадтский мятеж и волна крестьянский восстаний потрясли самые основы власти, ее создатель счел за благо уступить.

Был ли нэп победой экономики над политикой? И да, и нет. Да, — в том смысле, что наиболее прозорливые из советских руководителей поняли: за каким-то пределом политическое насилие над экономикой уже начинает угрожать самой политике, а значит, власти. И, напротив, политика, учитывающая имманентные законы экономики, способствует сохранению власти. Прошло неполных два года, и Ленин с некоторым даже удивлением заметил, что "серьезное недовольство" властью со стороны крестьян теперь "совершенно исключено". Как раз этим было продиктовано то состояние эйфории, в котором были сказаны слова об экономике как лучшей политике.

Отрезвление наступило быстро. Признание *приоритета экономики* означало *ограничение* власти определенными рамками, отрицание ее права безраздельно распоряжаться важнейшей сферой общественной деятельности — хозяйством. Между тем даже те (не очень серьезные) ограничения политического произвола, которые руководство вынуждено было ввести вместе с нэпом, вызвали яростное сопротивление людей, успевших вкусить прелесть неограниченной власти. В их глазах экономика и был тот главный приз, который причитался им за победу, и они были твердо намерены скроить ее сообразно своим интересам и вкусам.

Вот отчего уже с самого начала было ясно, что нэп — мера тактическая, победа экономики недолговечна и политика скоро возьмет реванш. Такое развитие событий предопределялось соотношением сил и интересов. Кто был заинтересован в нормальном развитии хозяйства? Крестьянин, рабочий, интеллигент, мелкий собственник — короче, *обыватель*, лишенный власти. А кому было выгодно превращение экономики в сферу приложения политики, в вотчину правящего слоя? Тому самому партийцу, которому принадлежала власть и который был намерен утверждать и расширять ее силой. Победителей мало интересовала экономика как таковая (они быстро поняли, что их собственное материальное положение совсем не обязательно должно зависеть от общего состояния хозяйства); им нужна была экономика политическая, наилучшим образом приспособленная к удовлетворению их нужд. И прежде всего, их главного интереса — создания системы неограниченной и всеобъемлющей власти.

III.

Спорно и бесспорно. — Мудрость вождя. — Мавр сделал свое дело. — Критерии политической экономики. — Феномен, который ждет истолкователя, или как мы посрамили Маркса. — Плод досужих измышлений? Как бы не так. — Соображения высшего порядка. — Что такое хорошо и что такое плохо? — Первый звонок. — Немножко об айсбергах.

Можно спорить о том, продуктом какой эпохи была Екатерина Вторая. Но бесспорно, что Иосиф Виссарионович был продуктом эпохи завершения строительства тоталитарной системы, превращения экономики в придаток политики.

Конечно, сами эти процессы достаточно сложны и противоречивы, ибо Сталин "отражал" не только коллективные интересы партруководства, но и собственные, личные. Эти интересы, не всегда идентичные в частности, совпадали в главном. Именно поэтому человек, уничтоживший больше партийцев, чем все белые генералы и атаманы вместе взятые, пользовался неизменной поддержкой основного руководящего слоя.

В чем же состояли эти общие интересы? Тут, по-моему, надо различать два аспекта: внутренний и внешний. К тому времени, когда Сталин прочно уселся в седле, новая

власть вполне утвердилась, в стране не было сил, которые серьезно могли бы ей угрожать. Казалось, в основном задача выполнена.

Но только казалось. Партийные вожди разного ранга вовсе так не считали. Более того, с их точки зрения положение было совершенно нетерпимым. Власть партии, их власть, была безраздельной, но отнюдь не полной. Существовали целые области жизни, где влияние партии и социалистического государства почти не ощущалось. Крестьян кормила земля. У ремесленников и мелких торговцев было свое дело. В литературе и искусстве царил отвратительный разброд. Даже государственные тресты руководствовались в своей деятельности не

столько ценными указаниями, сколько конъюнктурой рынка.

Возмущение подобным положением дел возникло еще до введения нэпа и с годами только усиливалось. Мудрость Сталина состояла в том, что он понял эту главную тенденцию и сумел улучшить момент. Нэп сделал свое дело, укрепил экономику, помог партии консолидировать власть. Теперь государство было достаточно сильным, чтобы покончить с этим нэпом и с относительной независимостью любых групп населения. Теперь речь шла уже не о защите власти, а о ее окончательном утверждении во *всех* сферах жизни. Таков внутренний аспект.

С внешним миром дело обстояло сложнее. Вопреки предсказаниям

Маркса и Ленина, мировой империализм почему-то больше не пытался уничтожить первое в мире социалистическое государство. Наоборот, к концу 20-х годов он примирился с его существованием: завязывались дипломатические связи, расширялась торговля. Если кто и совал нос в чужие дела, то никак не империалисты. А вот государство рабочих и крестьян очень даже интересовалось ходом дел в Индии, Китае, Иране, даже в Англии...

Но, конечно, возможности внешней экспансии в годы нэпа были скромны. С нынешними их никак не сравнишь. Экономика страны, в общем удовлетворявшая потребности внутреннего рынка, была совершенно не готова к серьезной войне. Тот факт, что реальной опасности войны еще не было, в глазах партийного руководства ничего не менял. Коль скоро Советский Союз в военном отношении слаб, значит внешняя угроза власти не ликвидирована. С другой стороны, слабость выражалась в том, что власть была вынуждена ограничиться рамками одной — собственной — страны. Подобное ограничение уже само по себе есть нонсенс, есть не что иное, как потенциальная угроза строю, ибо тоталитарный режим только тогда по-настоящему устойчив, когда его господство и влияние распространяется далеко за его границами. Автор "Краткого курса истории ВКП (б)" выразил эту мысль весьма выпукло: "Чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение". Лучше не скажешь.

Период, известный под названием индустриализации и коллективизации, достаточно сложен. Но можно попытаться выразить суть процесса в немногих словах. Задача состоя-

ла в отказе от обычной экономики и замене ее экономикой политической, всецело подчиненной главной цели — тоталитаризации власти внутри страны и ее постепенному распространению вширь на остальной мир.

Да, по тривиальным экономическим меркам выпестованная Сталиным система неэффективна. Упор на тяжелую и военную промышленность обрекал население на вечные нехватки, провоцировал недовольство. Планирование и жесткая централизация, разорвавшие изначальные связи производителя с потребителем, неизбежно должны были привести к застою, к технической отсталости, к плохому качеству товаров. Коллективизация сельского хозяйства подрывала самые основы земледелия, лишая крестьян стимулов к труду.

Перечень потерь можно продолжать и продолжать. Дело, однако, в том, что общепринятые экономические критерии к политической экономике неприменимы. У нее своя шкала ценностей. По этой шкале выполнение плана (то есть указаний вышестоящей инстанции) стоит неизменно выше, чем удовлетворение потребностей населения, экономия материалов или охрана природы.

Вы скажете, что такая система попросту нежизнеспособна. Ничего подобного. Население царской России в течение всех лет войны не знало голода, хотя снарядов и патронов для армии постоянно не хватало; уже в первые дни войны с Финляндией население СССР испытывало продовольственные затруднения, о войне с Германией нечего и говорить, зато производство оружия и боеприпасов из года в год росло. По этой части советская военная машина превзошла даже немецкую. Во что это обошлось населению — вопрос особый. Факт, однако, что ни к каким серьезным волнениям все это никогда не приводило. Оказалось, что пропаганда, да и карательный аппарат определяют сознание не хуже, чем это делает бытие. Феномен, который еще ждет своего истолкователя...

Вообще, если в мире существует система, серьезно ставящая под сомнение основной постулат Маркса о примате экономики, то это, несомненно, реальный социализм. Начинает казаться, что политика может навязать производству любые правила игры и производство будет им безропотно следовать. Неужто законы экономики — фикция, плод досужих измышлений?

Увы, не фикция. Просто действие экономических законов подчас проявляется не так явно, как физических. Иногда нужны годы, чтобы подбить итоги и понять, какую цену пришлось заплатить за победу над экономикой, этой второй гравитацией.

Не станем больше возвращаться к легендарным временам гражданской войны. В военном коммунизме намешано много всякого: экономики, идеологии, политики. Возьмем более спокойный и благополучный, единственный, быть может, благополучный период — нэп. Голод позади, страна возрождается, благосостояние растет, опасности восстаний, как признал сам Ленин, нет. Но почему-то именно в эти годы устраиваются показательные процессы над эсерами и меньшевиками. Зачем? Партии, вынужденной принять их экономическую программу, необходимо разгромить их политически. Это избавляет Ленина от необходимости отвечать на совершенно неуместный вопрос: почему большевики, чья экономическая политика с треском провалилась, не уступают власть тем, кто оказался прав?

Однако эти процессы — цветочки; ягодки впереди. В предыдущих заметках я уже упоминал о том, что подготовка к индустриализации и коллективизации (этому советскому *большому скачку*) велась исподволь. Подготовка эта включала меры не только экономические, такие как ограничение земельных наделов, увеличение налогов на частных и пр., но и политические, все менее отличимые от карательных.

В попавшем на Запад архиве ОГПУ Чернухского района Полтавской области за 1921–1927 гг. (некоторые любопытные документы из этого собрания публиковались в "Стране и мире", № 1–2, 1985) сохранилось немало сведений о ходе этой подготовки. Весьма сильное впечатление своим слогом, а главное, содержанием производит инструктивное письмо, датированное июнем 1925 г.: "ОГПУ в данное время вынуждено на, так сказать, некоторую пассивность, вызванную как Новой Экономической Политикой, а также и соображениями правительства — высшего порядка. О том, что такое положение временное, знает каждый из нас. И вот в связи с этим ОГПУ не должно упустить благоприятного момента для демаскирования наших врагов с тем, чтобы в подходящий момент нанести им сокрушительный разгром". В том, что "подходящий момент" был близок, сомневаться не приходится, — об этом свидетельствует майское (1926 г.) распоряжение председателя ОГПУ СССР Ф. Э. Дзержинского: все уволенные в свое время в запас сотрудники ВЧК должны вернуться на работу...

Спрашивается, при чем тут ВЧК—ОГПУ? А при том, что, как мы давно знаем, ОГПУ и его наследники — всегда *при всем*. Но все-таки: какое отношение эта организация имеет к большому скачку? Ведь уверяли же нас, что индустриализация и коллективизация имеют своей целью развитие народного хозяйства, рост благосостояния народа и больше ничего. Мало того, с цифрами в руках нам доказывали, что именно так и произошло, во столько-то раз выросли объемы производства, на столько-то процентов повысилась производительность труда.

Похоже, однако, что сами уверявшие плохо верили в эти великолепные достижения. Ведь если бы перестройка преследовала подлинно экономические цели, она должна была бы привести к росту жизненного уровня. А в этом случае властям нечего было бы бояться враждебной реакции населения. В конце концов, самый темный крестьянин не хуже нас с вами понимает, что такое хорошо и что такое плохо.

Но то-то и оно, что перестройка не могла не привести к тому, к чему она привела, — к совсем иным результатам, и мудрейший, самой собой, все это предусмотрел. Цифры цифрами, а убедить сограждан, что пустующие магазины, снижение зарплаты, чудовищный голод тридцать третьего года — это и есть свидетельства подъема, было не по силам даже ему. Но ведь перестройка — величайшее благо, не так ли? Почему же так все ужасно? На это должна существовать веская причина. И эта причина была названа — *враги народа*.

Понятно, враги существовали всегда. Но со времен гражданской войны они никогда не плодились в таких количествах. Первый звонок или, если хотите, удар колокола, возвестивший о новой эпохе, прозвучал в 1928 году: шахтинское дело. И пошло-поехало: вредители, саботажники, кулаки, подкулачники, двурушники, троцкисты, зинovieвцы, уклонисты, право-левацкие уроды, оппозиция, контрреволюция, ленинградское дело, врачи-убийцы, театральные критики, космополиты...

Я не хочу упрощать. В борьбе с *врагами народа* было всякое — в том числе и борьба за власть. Но, думаю, репрессии приняли такой массовый, поистине *всенародный* характер именно потому, что проходили на фоне снижения зарплаты, ухудшения качества товаров, усиления эксплуатации, постоянных временных затруднений.

Надо сказать, что сам вождь успехами отечественной экономики и энтузиазмом народа не обольщался. Уже в 1932 году в промышленности была введена сдельная оплата труда, та самая, которую Маркс клеймил как орудие капиталистической эксплуатации; под маркой стахановского движения были резко повышены нормы, а затем введено прикрепление работника к предприятию — промышленное крепостное право.

И систему массовых исправительно-трудовых лагерей нельзя рассматривать вне общего экономического контекста. В рамках нормальной экономики лагеря торчали бы как гость в горле: государство не может позволить себе роскошь оторвать от нормальной производственной деятельности миллионы людей. Но в созданной Сталиным политической экономике критерий эффективности отсутствовал. Поэтому рабский труд вполне уживался с социалистическим. Производственные отношения в СССР — еще одна тема, ждущая своего исследователя.

В капитальном труде "Коммунистическая партия Советского Союза" Леонард Шапиро (я на него уже однажды ссылался) так оценивает перемены в уровне жизни, которые принесла с собой перестройка: "Согласно весьма сдержанным данным, крестьяне голодали в 1932 и в 1936 годах, жили впроголодь в 1933 и 1935 годах и более или менее нормально питались в 1934, 1937 и 1938 годах. Рабочим, за исключением привилегированного меньшинства, жилось немногим лучше... По одному исчислению (в категориях индекса цен на продовольствие), валовой заработной работ рабочих составлял приблизительно половину уровня 1928 года в 1936 и 1937 гг., несколько больше половины в 1938 году и снова половину в 1940 году". Теперь ясно, почему столь ответственная роль во внутренней политике эпохи большого скачка отводилась ВЧК—ОГПУ—НКВД.

Но ближние последствия перестройки — лишь видимая часть айсберга. А была еще невидимая. Переход от смешанных форм собственности к единой государственной, уничтожение свободного рынка и конкуренции, полный отказ от экономических критериев в пользу политических привели к созданию экономики совершенно нового типа. Не так уж важно, как ее называть: социалистической или государственно-монополистической. Важно, что эта экономика *хронически неэффективна*. Фундаментальный факт, все последствия которого для внешней и внутренней политики СССР вряд ли поддаются учету.

IV.

Ладно, отобрали. — Маркс и мы с вами. — Необходимые звенья. — Трамплин. — Совсем как в сказке. — Уже на пограничной станции. — Почему горьки каирские финики. — К вопросу о сохранности души. — Копнув чуть глубже. — Бывают же парадоксы. — Кому ловить резидента при Баба-Ягинском райкоме партии. — В пределах видимой Вселенной. — Неисчерпанная тема.

Читателю, постигшему мудрость жизни в сети партийного просвещения, можно, наверное, и не объяснять, что учение о прибавочной стоимости есть, по исключительно меткому определению Ленина, "краеугольный камень экономической теории Маркса".

Собственно, основная цель пролетарской революции и состоит в том, чтобы отобрать у капиталиста прибавочную стоимость, которую он присваивает.

Ладно, отобрали. Но что происходит с этой стоимостью потом, при социализме? Как ни странно, в сети того же просвещения вопрос о дальнейшей судьбе краеугольного камня не рассматривается. А жаль, потому что его судьба очень интересна.

Маркс по своей наивности полагал, что после революции функции управления будут сведены к минимуму и, следовательно, основная часть прибавочного продукта останется у работника. Но мы с вами, умудренные опытом, знаем, что ничего подобного не произошло.

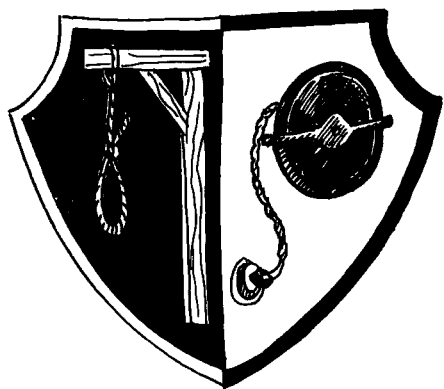
Напротив, аппарат управления неизмеримо разросся, пополнившись такими необходимыми звеньями, как парткомы, исполкомы и славные органы. Поскольку люди, состоящие на службе в этих организациях, сами ничего не производят, а питаются отнюдь не святым духом, логично предположить, что именно они и потребляют этот прибавочный продукт. Причем потребляют куда большую часть продукта, чем в свое время капиталисты, ибо советское государство — машина огромная и весьма дорогостоящая. Уже по одному этому трудно было ожидать, что уровень жизни в СССР будет чрезмерно высоким.

Но созданная в тридцатые годы хозяйственная система и не была рассчитана на удовлетворение потребностей населения. По экономическим критериям КПД этой системы был ужасающе низок. А это затрагивает уже не прибавочный, а валовой продукт — то есть всю массу товаров и услуг, которую предстоит распределить.

Естественно, что при общей нехватке распределение не могло быть равномерным. Преподержа власти не без основания полагали, что их многогранная деятельность неизмеримо важнее для государства, чем труд всех остальных слоев населения (в некотором смысле так оно и есть, ибо именно на власти держится государство). Значит, она, эта деятельность, должна и соответствующим образом вознаграждаться. В результате из общественного продукта, и без того достаточно скудного, изымается весьма значительная и лучшая часть. Внутри общенародной экономики пришлось построить особую — для избранных. Тем самым материальное благосостояние власть имущих было обеспечено и перестало зависеть от экономической ситуации в стране. С тех пор их интерес к результатам хозяйственной деятельности приобрел абстрактный характер. Для большинства этих людей производство — опытный полигон власти, трамплин, облегчающий прыжок к ее сияющим вершинам.

Смешно думать, что последователи Маркса забыли его основной тезис: бытие определяет сознание. Они не только трезво оценивают ситуацию, они ее даже переоценивают. Я не уверен, что Иосиф Виссарионович был корифеем всех наук, но в одной, в науке власти, он безусловно не имел себе равных. Ведь это он сформулировал классический принцип: с приближением к коммунизму классовая борьба обостряется. Совсем как в сказке: чем дальше, тем страшнее.

То обстоятельство, что его преемники этот принцип не рекламировали, ничего не меняет. Главное, что они ему следовали. При любых поворотах тактики стратегия оста-

валась неизменной. Основу политики всегда составляли два элемента: *пропаганда* и *устрашение*. Оба эти элемента не просто соседствовали, но тесно переплетались, дополняя и усиливая друг друга. Их общая цель состояла в том, чтобы убедить тех, кого удастся, что советский вариант бытия есть лучший (по крайней мере из возможных на земле); а кого не удастся, тех запугать, изолировать, наконец уничтожить.

Трудно представить себе, как много делается в каждом из этих направлений. Нам с детства внушали представление о двух мирах: белом у нас, черном — там. "Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна." Уже на пограничной станции герои романов и путевых очерков начинали тосковать по Родине ("В любом порту, в любой заморской гавани..."), а едва вернувшись, страстно лобызали "гранит на пристанях".

Любовь к родине, к земле, на которой вырос. Естественное, обыкновенное чувство. В чем же дело? Откуда этот надрыв, эта истерика, эти бесконечные уверения, что даже финики в Каире горьки, что герой, упаси Бог, не оставил за границей "души ни крошечки"? А почему, собственно? Что худого в том, что человек, любящий свою родину, полюбил еще и Париж, Лондон или, скажем, Малые Антильские острова? "На дне этой лагуны я оставил половину души", — писал английский путешественник. И представьте, никто не заподозрил его в измене родине...

Но это, так сказать, декорации, литература. Заглянув за размалеванную фанеру, мы обнаружим границы на замке, железный занавес, всеохватывающую систему секретности. А над всем этим — тотальную подозрительность, плохо скрываемую уверенность, что всякий, оказавшийся за границей, волей-неволей начнет *сравнивать* и, сравнив, придет к совершенно определенным выводам. Он, может быть, и вернется, но вернется — врагом режима.

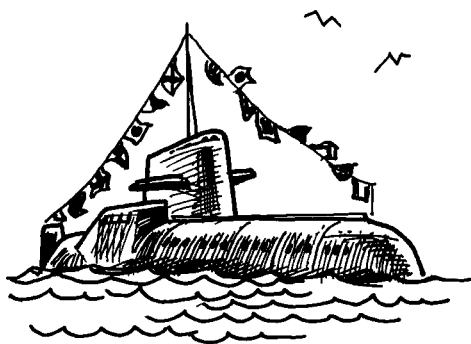
Как относились к этим *очевидцам* в былые времена, известно. Все, кто имел несчастье попасть в плен или оказаться на оккупированной территории, автоматически зачислялись в неблагонадежные; сравнение "студебеккера" или "форда" с "газиком" оценивалось десятью годами лагерей; рассказ об ухоженных немецких полях или магазинах досоветской Эстонии мог обойтись и в четверть века.

У меня был знакомый, которого в тридцать девятом году послали в нацистскую Германию в составе советской авиационной делегации. Когда делегация вернулась, его, в отличие от других, не посадили, — на свое счастье (бывают же парадоксы) он был евреем. Но никогда, ни в годы войны, ни позже, его близко не подпускали к самолету. А был он заслуженным летчиком и известным инженером, комбригом, близким другом Валерия Чкалова.

Сейчас времена другие, сам по себе факт поездки за границу уголовно не наказуем. И даже машину марки BMW можно похвалить. Но многим ли дозволяется эта

поездка за границу и какую систему фильтров надо для этого пройти? И есть ли уверенность, что имена и речи путешественников не оседают в некоем досье? Такой уверенности нет не только у рядовых граждан, но и у членов высоких делегаций.

Что касается машины подавления, то о чем говорить — она всегда составляла неотъемлемую часть повседневного советского бытия. Были времена, когда она работала почти открыто, перемалывая кости граждан при всем честном народе. Сейчас она больше на-

поминает подводную лодку в полупогруженном состоянии. Видна только рубка, но в том, что остальная часть существует и что именно там размещено самое страшное, сомнений нет. К примеру, несколько лет назад были воссозданы РО КГБ. Зачем? Вряд ли главное их назначение — выявление резидентов пуэрториканской разведки при Баба-Ягинском райкоме партии...

Сознайтесь, однако, что все это — полумеры. Потому что ни пропаганда, ни занавес (даже из титана) не могут скрыть того при-
скорбного факта, что капиталистическое окружение существует, а значит существует и

возможность сравнения. А стоит только начать сравнивать, как выявляются удивительные вещи, — впрочем, удивительные ли?

Экономист Игорь Бирман считает, что уровень жизни в СССР по меньшей мере в пять раз ниже, чем в США. Имеется в виду именно уровень, а не качество жизни (обслуживание, очереди, дефицит и т. п.). Качество жизни в обеих странах вообще несопоставимо. Бирман приводит данные о производстве продуктов питания на душу населения в год: мясо в СССР в 1960 году 40 кг, в 1983 г. 58,4 кг, а в Америке в 1976 году 118 кг; фрукты в СССР в 1960 г. 22 кг, в 1983 г. 44 кг; в Америке (1976 г.) — 103 кг. Примерно так же обстоит дело с жилищным вопросом: в Советском Союзе в 1983 г. на одного городского жителя приходилось в среднем 13,8 кв. метров жилой площади, в США (1976 г.) — 44 кв. м. Телефонов в частном пользовании на 1000 человек в эти же годы — в СССР 61, в США 529; протяженность автомобильных дорог на тысячу человек в СССР 2,9 км, в США 23,6 км. И так далее.

Конечно, в Соединенных Штатах довольно много миллионеров и миллиардеров, которые заняты исключительно тем, что строят лично для себя небоскребы, меняют автомобили как перчатки, целыми днями едят мясо и фрукты. Но все-таки и на долю рядовых граждан остается намного больше, чем в государстве рабочих и крестьян.

И так не только в Америке. Приятель-офицер рассказывал мне, какой в 1945 году, когда советская армия вошла в Манчжурию, вышел конфуз. В бедной, ограбленной японскими оккупантами колонии уровень жизни был куда выше, чем у нас в благословенном тридцать девятом. И сейчас солдаты советского "ограниченного контингента" с недоумением смотрят на афганские базары, и сейчас их гипнотизируют японские транзисторы и магнитофоны. Откуда они в этой нищей стране?..

Да, пока существует Запад (неважно где — на западе или на востоке), советское руководство не сможет спать спокойно. Армия, милиция, КГБ — все на месте, и граница на замке, однакож опасность "реставрации капитализма" (любимое выражение товарища Сталина, точнее, его кошмарный сон), увы, остается. Подлинное успокоение придет только тогда, когда на всем земном шаре (а еще лучше — в пределах видимой Вселенной) будет одна система: по-советски эффективная, производительная, брызжущая изобилием.

Допускаю, что и тогда не все будут довольны, человек существо ненасытное. Но жизнь выбьет у смутьянов, мечтателей, фантазеров почву из-под ног. Кто поверит, что физически возможен мир, где туфли не жмут и не разваливаются, в магазинах торгуют мясом, официантки не швыряют на стол тарелку с бурдой, а иногда даже улыбаются, мир, в котором номер в гостинице просто снимают, а не бронируют через ЦК КПСС, Совет министров или Президиум Верховного Совета СССР?..

А пока это счастливое время не пришло, нелепо и думать о том, чтобы перековать мечи на орала. Как сказал самый проницательный поэт нашей эпохи:

Мы твердо знаем, это будет:
 Не нынче, завтра грянет бой,
 Не нынче, завтра нас разбудит
 Горнист военною трубой.

Мне опять-таки скажут, что положение изменилось, что времена не те, что нынче сами советские руководители понимают — политическая экономика дальше существовать не может. Верно, не может. Последствия большого скачка, которые некогда были дальними, нынче стали близкими. Даже бездонная бочка имеет дно, даже тщательно засекреченная отсталость не перестает быть отсталостью, даже политическая экономика рано или поздно обнаруживает свое дальнейшее родство с экономикой нормальной.

Тут я, пожалуй, остановлюсь, ибо дальше мы вступаем в область собственно экономики: экстенсивный и интенсивный пути развития, качество продукции, производство и научно-техническая революция, промышленность военная и гражданская, сельское хозяйство... Обо всем этом я писал и, видимо, буду еще писать. Потому что политическая экономика на распутье — тема неисчерпаемая. ●

МЕЖДУ ПРОЧИМ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Знаменитая лондонская фирма "Сотсби", специализирующаяся на продаже с аукционов предметов искусства и исторических раритетов, недавно продала за 26400 фунтов экземпляр "Коммунистического манифеста" Карла Маркса (написанного в соавторстве с Фридрихом Энгельсом). Это — один из 13 сохранившихся до сих пор экземпляров первого издания "Манифеста" (1848 г.). В брошюре 23 страницы, первая страница порвана и сильно испачкана, обложка не сохранилась.

Брошюру приобрел фонд Вальмадонна, собирающий коллекцию редких документов еврейской культуры.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

КОММУНИСТ

Издается с апреля 1924 года. До октября 1952 года выпускался под названием «Большевик»

Теоретический и политический журнал
Центрального Комитета КПСС

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В 20 ДНЕЙ

7 (1287) МАЙ 1986

ЕЩЕ ОДНО

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Всякий документ, начертанный рукой В.И.Ленина, чем-то обогащает наше представление о многогранной личности вождя. Казалось бы, что особенного в недавно обнаруженной открытке, отправленной Лениным (тогда еще В. Ульяновым) немецкой книготорговой фирме 27 декабря 1889 года? Однако журнал "Коммунист" в № 1 за 1986 г. воспроизвел эти строки на первой странице и снабдил их торжественным предисловием. Нам сообщают, что публикуемый документ — "еще одно свидетельство", что он "характеризует..." и прочее.

Самое поразительное, что это правильно. Скромная открытка действительно говорит о многом. "Мне очень хотелось бы завязать непосредственные отношения с какой-либо немецкой фирмой для покупки немецких книг", — пишет Владимир Ильич. Далее он просит ответить на конкретные вопросы. Например, принимает ли фирма в уплату за книги русские ассигнации, есть ли у нее списки изданий, ввоз которых в Россию запрещен русской цензурой, сколько стоят такие книги, как сочинения К. Каутского, "Капитал" и "К критике политической экономики" К. Маркса, "Положение рабочего класса в Англии" и другие труды Ф. Энгельса... Вся эта литература, между прочим, отнюдь не была запрещена, и ее вполне можно было выписать, расплатившись русскими ассигнациями.

Теперь представим себе, что наш современник, свободный гражданин свободной страны, тоже решил завязать непосредственные отношения с зарубежным книгоиздательством и обратился туда с письмом. Что будет? Времена нынче либеральные, поэтому в лагерь его вряд ли упекут (как наверняка случилось бы в добрые старые времена). В психушку, по первому разу, тоже скорее всего не посадят. Письмо просто не дойдет. Конечно, цензуры у нас нет (за что боролись?), но это не значит, что всякий, кому не лень, туды его... может завязывать...

Но допустим на минуту, что случилось чудо и письмо дошло. И фирма с готовностью — почему бы и нет? — шлет заказанные книги. Разумеется, не подрывную литературу, не "Архипелаг ГУЛаг" и не книжки, выпущенные издательством "Страна и мир", а что-нибудь вполне диетическое; допустим, полное собрание сочинений Агаты Кристи на английском языке. Спрашивается, какими ассигнациями будет расплачиваться заказчик?

"Публикуемый документ, — сказано в предисловии, — еще одно свидетельство упорной работы молодого Ленина по овладению теорией марксизма". Нужно признать, что он-таки ею овладел. С той же естественностью, с какой Ленин завязывал связи, получал книги и платил за них, он и его ученики, овладев теорией, а там и властью, покончили со всем этим наследием проклятого прошлого.

Согласитесь, что даже пустяковый документик, открытка, которой грош цена, характеризует, обогащает и свидетельствует. ●

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана
5 мая 1912 года
В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

ВОТ ТЕБЕ, БАБУШКА, И ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Сообщение "Правды" от 30 мая под заголовком "Век бабушки Дуни" настолько трогательно, что его нельзя не процитировать:

"Тепло поздравили со столетним юбилеем жительницу села Хвастовичи Евдокию Васильевну Афонекину. Век бабушки Дуни, как ее величают, славен трудом. До 80 лет работала она в колхозе имени Димитрова, да и после назначения колхозной пенсии помогла хозяйству на сельских работах... Живет она сейчас вместе с приемной дочерью, тоже колхозной пенсионеркой. Чувствует себя хорошо..."

Бедная бабушка Дуня, как ее величают. Даже после восьмидесяти пришлось работать. И бедное "хозяйство", которое нуждается в помощи таких работников. ●

1986											
ЯНВАРЬ				ФЕВРАЛЬ				МАРТ			
1	8	13	20	27	3	10	17	24	31	7	14
2	9	16	23	30	4	11	18	25	4	11	
3	10	17	24	31	5	12	19	26	5	12	
4	11	18	25	1	8	15	22	29	6	13	
5	12	19	26	2	9	16	23	30	7	14	
6	13	20	27	3	10	17	24	31	8	15	
7	14	21	28	4	11	18	25	4	11	18	
8	15	22	29	5	12	19	26	5	12	19	
9	16	23	30	6	13	20	27	6	13	20	
10	17	24	31	7	14	21	28	7	14	21	
11	18	25	1	8	15	22	29	8	15	22	
12	19	26	2	9	16	23	30	9	16	23	
13	20	27	3	10	17	24	31	10	17	24	
14	21	28	4	11	18	25	4	11	18	25	
15	22	29	5	12	19	26	5	12	19	26	
16	23	30	6	13	20	27	6	13	20	27	
17	24	31	7	14	21	28	7	14	21	28	
18	25	1	8	15	22	29	8	15	22	29	
19	26	2	9	16	23	30	9	16	23	30	
20	27	3	10	17	24	31	10	17	24	31	
21	28	4	11	18	25	4	11	18	25	4	
22	29	5	12	19	26	5	12	19	26	5	
23	30	6	13	20	27	6	13	20	27	6	
24	31	7	14	21	28	7	14	21	28	7	
25	1	8	15	22	29	8	15	22	29	8	
26	2	9	16	23	30	9	16	23	30	9	
27	3	10	17	24	31	10	17	24	31	10	
28	4	11	18	25	1	8	15	22	29	11	
29	5	12	19	26	2	9	16	23	30	12	
30	6	13	20	27	3	10	17	24	31	13	
31	7	14	21	28	4	11	18	25	4	11	
32	8	15	22	29	5	12	19	26	5	12	
33	9	16	23	30	6	13	20	27	6	13	
34	10	17	24	31	7	14	21	28	7	14	
35	11	18	25	1	8	15	22	29	8	15	
36	12	19	26	2	9	16	23	30	9	16	
37	13	20	27	3	10	17	24	31	10	17	
38	14	21	28	4	11	18	25	4	11	18	
39	15	22	29	5	12	19	26	5	12	19	
40	16	23	30	6	13	20	27	6	13	20	
41	17	24	31	7	14	21	28	7	14	21	
42	18	25	1	8	15	22	29	8	15	22	
43	19	26	2	9	16	23	30	9	16	23	
44	20	27	3	10	17	24	31	10	17	24	
45	21	28	4	11	18	25	4	11	18	25	
46	22	29	5	12	19	26	5	12	19	26	
47	23	30	6	13	20	27	6	13	20	27	
48	24	31	7	14	21	28	7	14	21	28	
49	25	1	8	15	22	29	8	15	22	29	
50	26	2	9	16	23	30	9	16	23	30	
51	27	3	10	17	24	31	10	17	24	31	
52	28	4	11	18	25	4	11	18	25	4	
53	29	5	12	19	26	5	12	19	26	5	
54	30	6	13	20	27	6	13	20	27	6	
55	31	7	14	21	28	7	14	21	28	7	
56	1	8	15	22	29	8	15	22	29	8	
57	2	9	16	23	30	9	16	23	30	9	
58	3	10	17	24	31	10	17	24	31	10	
59	4	11	18	25	1	8	15	22	29	11	
60	5	12	19	26	2	9	16	23	30	12	
61	6	13	20	27	3	10	17	24	31	13	
62	7	14	21	28	4	11	18	25	4	11	
63	8	15	22	29	5	12	19	26	5	12	
64	9	16	23	30	6	13	20	27	6	13	
65	10	17	24	31	7	14	21	28	7	14	
66	11	18	25	1	8	15	22	29	8	15	
67	12	19	26	2	9	16	23	30	9	16	
68	13	20	27	3	10	17	24	31	10	17	
69	14	21	28	4	11	18	25	4	11	18	
70	15	22	29	5	12	19	26	5	12	19	
71	16	23	30	6	13	20	27	6	13	20	
72	17	24	31	7	14	21	28	7	14	21	
73	18	25	1	8	15	22	29	8	15	22	
74	19	26	2	9	16	23	30	9	16	23	
75	20	27	3	10	17	24	31	10	17	24	
76	21	28	4	11	18	25	4	11	18	25	
77	22	29	5	12	19	26	5	12	19	26	
78	23	30	6	13	20	27	6	13	20	27	
79	24	31	7	14	21	28	7	14	21	28	
80	25	1	8	15	22	29	8	15	22	29	
81	26	2	9	16	23	30	9	16	23	30	
82	27	3	10	17	24	31	10	17	24	31	
83	28	4	11	18	25	4	11	18	25	4	
84	29	5	12	19	26	5	12	19	26	5	
85	30	6	13	20	27	6	13	20	27	6	
86	31	7	14	21	28	7	14	21	28	7	
87	1	8	15	22	29	8	15	22	29	8	
88	2	9	16	23	30	9	16	23	30	9	
89	3	10	17	24	31	10	17	24	31	10	
90	4	11	18	25	1	8	15	22	29	11	
91	5	12	19	26	2	9	16	23	30	12	
92	6	13	20	27	3	10	17	24	31	13	
93	7	14	21	28	4	11	18	25	4	11	
94	8	15	22	29	5	12	19	26	5	12	
95	9	16	23	30	6	13	20	27	6	13	
96	10	17	24	31	7	14	21	28	7	14	
97	11	18	25	1	8	15	22	29	8	15	
98	12	19	26	2	9	16	23	30	9	16	
99	13	20	27	3	10	17	24	31	10	17	
100	14	21	28	4	11	18	25	4	11	18	

ВЫ ПРИЕХАЛИ В МОСКВУ

"Наш самолет подлетает к столице нашей Родины, Москве... Москва — крупнейший промышленный, научный и культурный центр страны. Здесь расположены..."

Пассажиры зевают. В перечне всего, чем замечательна Москва, нет упоминаний о гостиницах, где можно переночевать, — а именно это его больше всего интересует. Что касается театров, музеев, то все это не уйдет, сначала ведь надо приискать крышу над головой.

Но вот крыша есть (какая и какой ценой — не суть важно); теперь можно подумать и о достопримечательностях. Выбор большой, а времени мало. Человек предусмотрительный подготовится к этому моменту заранее, благо справочников и путеводителей хватает. Но можно просто полистать настенный календарь. Вы найдете там страницу, которая так и называется: "Вы приехали в Москву..." Что самое интересное в этом городе, что надо посетить в первую очередь, не откладывая?

Итак, культурная вершина номер один — Центральный музей В. И. Ленина. Допустим. Но уже достопримечательность номер два — музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса — настораживает. Насколько известно, жить в Москве основоположникам не довелось. Что же экспонировать музей? Их труды? Но, пардон, мы обзираем их со дня рождения. Стоило ради этого ехать в Москву?

Далее: музей "Подпольная типография ЦК РСДРП (1905—1906 гг.)"... Историко-революционный музей "Красная пресня", музей М. И. Калинина... Увлекательно, ничего не скажешь. Позвольте, а где же...? Наконец-то. В конце длинного списка достопримечательностей как нечто второстепенное (где уж им сравниться с музеем Калинина) фигурируют Третьяковская галерея и музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Хватит времени, зайдите, а не хватит — ничего страшного. Главное — не пропустить музей Калинина! ●

ИНФОРМАЦИЯ ШЕПОТОМ

28 мая 1986 г. ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР опубликовали очередные постановления под одинаковыми названиями: "О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами". Попросту, речь идет о воровстве — всех и всего, снизу доверху. Горбачевская кампания за исправление стиля руководства набирает силу.

Разворачивая эту кампанию, власти используют не только газеты и журналы, радио и телевидение, но и Самиздат. "Государственный Самиздат", как особое явление, существует, по-видимому, уже довольно долгое время. Возникновение его объясняется многими факторами. Во-первых, в условиях, когда уважение к официальной прессе подорвано окончательно и люди стараются читать преимущественно между строк, Самиздат является очень удобным средством распространения доверительной информации. Той же цели служат и "закрытые" лекции (проводимые "лекторами из ЦК", обкома и т. п.): причастность к тайне, сознание оказанного тебе особого доверия невольно вызывает у слушателя желание поверить сказанному!

Вторая причина появления государственного Самиздата — возможность контролировать размеры и характер аудитории, предотвращать "излишне" широкую гласность, распространение информации на Западе, где ею воспользуется "классовый враг". Информация и оглашена, и в то же время как бы и скрыта. К тому же, в случае чего от нее легко отречься, объявить клеветнической (так было в 60-е гг. с лекцией академика А. Аганбегяна в издательстве "Знание"). Что касается содержания, интерпретации и манеры подачи информации, то государственным Самиздатом можно манипулировать столь же легко, как государственной прессой.

Интересным примером государственного Самиздата, порожденным кампанией борьбы с коррупцией, является распространяемый в Советском Союзе в течение нескольких месяцев (есть основания считать, что с одобрения властей) конспект лекции, прочитанной 10 сентября 1985 г. в Доме политпросвещения при МГК КПСС старшим советником юстиции прокурором В. И. Чистяковым.

Нам не удалось найти сведения о личности лектора, о занимаемом им poste, — во всяком случае в официальных сообщениях о назначениях и перемещениях последних лет это имя отсутствует. Возможно, это ненастоящее имя лектора.

Мы сохранили название, данное тексту "государственным самиздатчиком". Оно характерно для такого рода материалов.

Государственный САМИЗДАТ
(Москва)

СТЯЖАТЕЛЬСТВО — БЕЗНАВРСТВЕННО И ПРЕСТУПНО

В нашей беседе, в качестве примеров падения человека в погоне за наживой — я бы сказал, сверхнаживой, — я приведу несколько дел, расследованных Прокуратурой СССР. Эти дела связаны с хищениями и взяточничеством. Характерно и очень печально то обстоятельство, что по каждому делу о крупном хищении проходит не один человек, а группа, то есть речь идет о групповых хищениях. Завязаны между собой лица, занимающие весьма солидные посты.

За последние пять лет в стране по крупным делам о хищении было привлечено 2 млн. граждан, возбуждено 1 300 000 уголовных дел.

Возрастает размер хищений. Средняя ежегодная сумма — 300 млн. рублей. Рекорд был достигнут в 1976 году: 386 млн. рублей.

За период с 1976 по 1984 г. из казны государства было похищено 1 млрд. 300 млн. рублей.

За последнее время, в связи с направленностью внутренней политики, проведены крупные процессы. Среди этих процессов на первом месте — так называемое "хлопковое дело" в Узбекистане. Следствие по этому делу закончено. Высшее руководство республики в течение многих лет занималось преступной деятельностью. Не выполняя план, делались приписки, брались деньги с государства за пустое место. К примеру, вместо положенных 10 прополок делалось 6, лишние деньги шли в кассу совхоза. На уборке хлопка положено кормить студентов 2 раза; на деле — не кормили вовсе, а деньги, отпущенные на питание, опять шли в кассу совхоза. Таким образом накапливались огромные суммы. Потом приходила пора сдавать хлопок. Вместе с собранным хлопком везли большие суммы денег — взятки. На пунктах сдачи хлопка за эти деньги получали квитанции о якобы огромном количестве сданного хлопка. Рапортовали, получали Героев социалистического труда, дважды Героям ставили бюсты, а хлопка не было.

Как же это было раскрыто? Началось с того, что в Москве были задержаны два "ходока" из Узбекистана. У одного из них оказалось 400 000 рублей, у другого — 700 000. Они приехали в Москву на комбинат, чтобы взятками возместить недостающий хлопок.

По этому крупному делу проходило более 200 человек. Полностью было арестовано Министерство хлопкообрабатывающей промышленности, а также все начальники главков. Организатор хищения — первый секретарь Бухарского обкома КПСС. В вину этому человеку вменяется получение взяток на сумму 3,5 млн. рублей. Взятки брались за назначение на должность, за хорошее отношение на службе. По этому же делу арестованы ряд секретарей обкомов и райкомов Узбекистана. Часть из них добровольно ушли из жизни, застрелились, не дожидаясь приговора. У одного из секретарей райкома при аресте было изъято 18 млн. рублей. В Кашкадарьинской области один из секретарей райкома при аресте выдал 600 000 рублей наличными и 500 000 рублей в облигациях "золотого займа"... Одна из его дочерей во время обыска пыталась вынести мешок, в котором оказалось 300 000 рублей.

Вся трагедия в том, что в это дело был вовлечен министр внутренних дел республики. Он покончил с собой, так же поступил и его заместитель. В настоящее время 27 человек в МВД Узбекистана находятся под стражей. Арестованы еще 4 начальника УВД. В республике продавались депутатские места, ордена, существовал обязательный налог вышестоящему начальству: 2—3 тысячи рублей в месяц. Если этот налог не выплачивался или выплата его задерживалась, начальник переставал здороваться с "провинившимися", а это означало потерю места в ближайшем будущем.

Другие примеры хищений материальных ценностей.

Арестован директор Бухарского продторга. Он совершил хищения на 2,5 млн. рублей, завышая государственные розничные цены. По этому же делу арестовано 73 человека. Общая же сумма денег, изъятых в Узбекистане, составила 300 млн. рублей.

После Узбекистана районами больших процессов являются Краснодарский край и Астраханская область. Борьба идет невзирая на лица. Крупные хищения совершались работниками мясо-молочной промышленности. Был арестован заместитель министра труда, скончался в тюрьме.

Из краснодарских дел о взятках возникло ростовское. В Ростове арестовано много работников управления торговли, в городе требуется 80 работников магазинов, однако желающих нет. По делу о хищениях и взятках в Ростове многие приговорены к расстрелу, приговоры приведены в исполнение.

Дело в рыбной промышленности. В центре обвинения — заместитель министра Рыков. С Дальнего Востока и из других мест продукты моря — икра, рыба — отправлялись в Ростов. Там существовала подпольная база. Чего там только не было! Шла икра и за границу. Пользовались рыбными продуктами определенные лица, по распоряжению Рыкова.

Большая зарплата, льготы, предусмотренные государством, — ничто не останавливает алчных людей. Находился под следствием Вишняков — бывший заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Брал взятки за квартиры и машины. За короткий период получил в виде взяток несколько сот тысяч рублей. Ему определен 15-летний срок тюремного заключения.

Большой процент процессов дает торговля. В Москве арестован начальник главка, привлечены к уголовной ответственности еще 130 человек — сотрудники Управления, директора универмагов.

Гастроном "Елисейский". Директор Соколов за хищения и взятки получил высшую меру. Здесь были замешаны все: от руководства магазином до работников прилавка.

Дело Амбарцумяна (плодоовощная база Дзержинского района Москвы). Группа из 17 человек во главе с директором за 5 лет разворовала государственного добра на сумму 100 000 рублей. Амбарцумян расстрелян.

Хищение, как зараза, расползается во все сферы и отрасли. Начальник Белокаменского управления Межколхозстроя за 10 лет присвоил 250 000 рублей государственных денег. Построил себе двухэтажный дом площадью 115 кв. метров, имел собственную "Волгу", дачу. Осужден на длительный срок.

Московское ателье № 14 (меха). Директор Резник за счет экономии при раскрое имел дополнительные меховые изделия, реализовал их через магазин, положил в карман свыше 600 000 рублей.

Московский завод по переработке вторичного сырья драгоценных металлов. Бесконтрольность, расхлябанность руководства привели к тому, что один из сотрудников, некий Лебедев, за 7 лет вынес через проходную серебряной стружки на сумму 350 000 рублей.

Куйбышевская кондитерская фабрика. Не имела элементарного забора. С фабрики выкатывались бочки со сгущенкой, выносились ящики с маслом. Во время внезапной проверки в холодильнике фабрики было обнаружено — в качестве резерва для нужных людей — масса шоколадных наборов высшего качества, ликеры, коньяки и прочее. Все это расходилось по рукам, а должно было поступать на прилавки магазинов, а деньги — поступать в казну государства. На фабрику обратили внимание потому, что резко упало качество знаменитых куйбышевских шоколадных конфет.

Дело по Ленинградскому заводу алкогольных напитков. При аресте директора завода у него дома было обнаружено несколько тысяч бутылок с коньяком, у главного технолога — несколько сот.

Дело на Куйбышевском заводе по производству сахара закончилось расстрелом директора, его заместителя и главного технолога. Все трое занимались хищением, все трое — грузины.

Воровство перестало у нас быть позорным делом. Взять то, что тебе не принадлежит, было когда-то большим грехом. Сейчас нет. На одной из мебельных фабрик началось с мелких безделушек, потом стали выносить журнальные столики, а кончилось дело хищением с территории завода двуспальных кроватей.

Растут хищения на транспорте. В пути следования взламываются пломбы, разворовываются товары. Анализ подобных хищений показывает, что 44% их совершают сами работники железнодорожного транспорта. Недавно к Генеральному прокурору СССР был приглашен министр железнодорожного транспорта, ему сделано предупреждение.

Хищения из вагонов порой приобретают массовый характер. Так, в одном из городов на рынке появилось множество японских платков. Цена их упала до 15 рублей, тогда как государственная цена — 80 рублей за штуку. Оказалось, что был разграблен вагон с японскими платками, который стоял на запасных путях.

В течение многих лет совершалось воровство импортных товаров работниками речных судов в Сурхандарьинской области. Через границу с Афганистаном к нам идут японские, индийские товары: тончайшие шелка, батист и т. д. Товары перегружаются на суда и по реке через Среднюю Азию доставляются в другие районы страны. На этом водном пути и проводились крупные хищения. Для хранения ворованных товаров группа жуликов использовала вырытые ямы, куда и складывались тюки с товарами. Во время следствия было обнаружено несколько таких тайников, до отказа забитых уже разложившимися, когда-то тончайшими шелками и тканями. Скольких людей они могли бы порадовать! Но все сгнило.

Жадность толкает и на предательство. Состоялся процесс по делу о военнослужащих-пограничниках. За взятки они пропускали за границу контрабандистов, даже освещали им пути прожекторами в определенных местах. Один из этих пограничников получил взятку в 50 000 рублей. 40 000 из них он запечатал в ящик для посылок, написал стоимость посылки — 15 рублей и отправил ее родителям в украинское село. Они получили ее, вскрыли, а там — пачки денег. Сначала они изумились, но потом решили: значит, трудно служить на границе с Афганистаном, если за эту службу государство платит такие деньги. Через границу было пропущено несколько караванов, в общей сложности 28 тюков с товарами.

Жажда наживы толкнула на путь предательства двух сотрудников нашего посольства в Афганистане. Это Раджабов и Саидов. Раджабов — бывший министр юстиции Таджикистана, Саидов — бывший секретарь посольства. Они вступили в контакт с афганскими купцами. Через них шли посылки с золотом из разных стран для передачи афганским контрреволюционерам. Дело было раскрыто случайно. Одна из таких посылок при проверке — таможенном досмотре в Шереметьевском аэропорту — была просвечена и вскрыта. В ней оказалось 23 килограмма золота на сумму 1 млн. рублей. Отправлена посылка из Саудовской Аравии в адрес Саидова для дальнейшей передачи афганским купцам, а те — контрреволюционерам. Это продельвалось годами, в то время как в Афганистане ежедневно гибнут советские солдаты. В течение года в Афганистане гибнет порядка 15 000 советских людей. Оба — и Саидов, и Раджабов — расстреляны.

Сотрудники импортно-коммерческой конторы, представители "Технопромэкспорта" Павлов и Смаляков при заключении контрактов получали с иностранцев — представителей фирм — взятки в размере 1% от суммы сделки. Взятки Павлов и Смаляков получали за то, что они подписывали контракты, более выгодные западным фирмам, чем нашему государству. Они заручались документами об "ослабленном досмотре" (оказывается, есть и такие документы), после чего везли через границу что хотели. За короткий срок они награбили таким образом приличные суммы. При аресте у Смалякова было изъято 115 000 рублей и на 300 000 рублей различных ценностей, у Павлова — 150 000 рублей. Оба расстреляны. Они нарушили приказ министра внешней торговли, согласно которому все подарки фирм должны быть занесены в протокол и сдаваться в пользу государства.

Что же делать? Как приостановить эту болезнь, именуемую алчностью, которая разъедает нашу страну? Вот еще один пример этой страшной болезни. Было совершено гнусное преступление — убийство вице-адмирала Холостякова и его жены. Холостяков — Герой Советского Союза, имел много наград, в том числе орден Суворова, орден Ленина, награды других государств. Ордена и послужили причиной посягательства. Убийца найден, хотя найти его было нелегко. Им оказался житель гор. Иваново некий Калинин, 1958 года рождения. Ему помогала его жена, 1964 года рождения, студентка строи-

тельного института. В целях обогащения они решили завладеть орденами Холостякова. Ведь на черном рынке орден Ленина стоит 7000 рублей, а орден Суворова — 12 000. Назвавшись корреспондентами, они пришли к Холостякову якобы для того, чтобы взять интервью. Старик растрогался, много рассказывал, показал свой парадный китель с орденами. "Корреспонденты" ушли, сказав, что придут еще раз, чтобы подробнее записать его воспоминания. Они пришли на следующее утро, вошли в квартиру, топором убили Холостякова и его жену и, забрав награды, скрылись. Случайно уцелела племянница Холостякова, которая спала в другой комнате. Калинин приговорен к расстрелу, его жена — к 15 годам заключения.

И, наконец, — дело бывшего министра внутренних дел СССР Щелокова. Что происходило в министерстве? По закону вещи, изъятые у преступников, должны поступать в государственную казну. Однако был создан специальный магазин, в котором сотрудники МВД покупали конфискованные вещи по ценам в 10 раз ниже государственных. Щелоков был арестован, добровольно выдал 160 000 рублей, в тюрьме умер. Привлечен к ответственности и находится под стражей бывший заместитель Щелокова Чурбанов. ●

Факты, которые сообщил в своей лекции В. Чистяков, поистине поразительны. При всем накале кампании против коррупции столь откровенных и концентрированных публикаций в советской прессе не появлялось.

Но и эта откровенность строго дозирована. О многом просто умалчивается, в ряде мест сообщается явная ложь. Называя, например, имя арестованного заместителя министра внутренних дел Н. Щелокова—Чурбанова, лектор умалчивает о том, что Чурбанов — зять покойного Л. И. Брежнева, который его и продвинул на этот пост (иначе встал бы естественный вопрос о связи нынешнего преступника с самим покойным вождем, тоже любившим "роскошную жизнь"). О Щелокове говорится, что он арестован и умер в тюрьме, но это неправда. Он лишь короткое время находился под домашним арестом и умер — видимо, покончил с собой — дома (см. "Страна и мир", № 12, 1984 г.).

В вину покойному Н. Щелокову ставится только создание специального магазина для продажи конфискованных вещей сотрудникам МВД по сниженным ценам (и наворовал-де он всего 160 тысяч!). Такой магазин действительно существовал в Москве на одной из улиц Соколиной горы. Но за Щелоковым числится и многое другое. Это он в немалой доле ответствен за превращение советской милиции в хорошо организованную мафию, практически выведенную из-под контроля закона. Это он санкционировал использование сети лагерей в качестве своего рода "подсобных хозяйств" для крупных чинов МВД. О роли МВД в попрании элементарных прав граждан мы уже не говорим, — ограничимся его "хозяйственным" значением.

МВД названо, по КГБ, конечно, нет. Между тем далеко не случайно право на проведение следствия по ряду преступлений, никак с "государственной безопасностью" не связанных, дано именно КГБ: например, крупные хищения, валютные операции и т. п. КГБ тоже хочет иметь кусок хлеба с маслом, а на ловле диссидентов не разживешься: эти люди, живущие на подачки мирового империализма, сионизма и ЦРУ, почему-то всегда бедны как церковные крысы. Поэтому и расследуется "антисоветская пропаганда" — для души, а "валютные операции" — для плоти. До 12% сумм, конфискованных у преступников, по существующим правилам получает в виде премии следственная бригада. Кроме того, членам бригады предоставляется право первой покупки при "реализации" конфискованных предметов роскоши через государственные магазины. Поскольку оценка этих предметов также зависит от следственной бригады, то ясно, что на облюбованный предмет легко заранее установить "доступную" цену.

Перейдем теперь от того, чего в лекции нет, к тому, что в ней есть. Лекция начинается с рассказа о колоссальных суммах хищений. Цель лектора — как и цель всей кампании против коррупции — довольно ясна: необходимо "поднять ярость масс" против тех, кто "мешает нам жить", найти ответственного за крах советской экономики. В 30-е годы этой цели служили "вредители", теперь — "стяжатели". В отличие от вредителей, стяжатели действительно существуют: коррупция и повальное воровство стали отличительной чертой социалистической системы.

Но, конечно, не из-за "стяжателей" уровень жизни советского человека ниже, чем в любой другой промышленно развитой стране. В. Чистяков сообщает, что в год сумма хищений составляет в среднем 300 миллионов. Но бюджет СССР в 1986 г. равен 392 миллиардам рублей. Это значит, что "стяжатели" урывают себе всего несколько сотых процента бюджета! Из-за них ли мы живем так плохо?

Мы узнаем из лекции, что за 5 лет по делам о хищениях привлечено к ответственности 2 миллиона человек. Похитили же они за это время 5×300 миллионов = 1 500 миллионов рублей. Значит, на каждого похитителя приходится в среднем... 750 руб. Если же исключить особо крупных хищников, вроде узбекского секретаря райкома с его 18 миллионами (это мало скажется на числе расхитителей, но сильно — на похищенной сумме), то окажется, что средний "стяжатель" сумел украсть за все время что-то около 300–400 рублей. Две-три зарплаты... Вспомнив знаменитое одесское проклятие: "Чтоб ты жил на свою зарплату!", опять зададим себе вопрос — по вине ли расхитителей мы живем так плохо?

Хищения — как бы возмутительны они ни были — это скорее симптом болезни всего общества, всей социальной системы, не способной обеспечить минимум достойного существования своим гражданам.

Любопытно, как часто в лекции В. Чистякова, когда он говорит о высоких партийных и государственных руководителей-расхитителях, встречаются слова: "умер в тюрьме" (до суда), "застрелился" (находясь под арестом, до приговора). С чего бы это? Уровень смертности в советских следственных тюрьмах невысок (после приговора — другое дело, да и то не в так называемых "прокурорских зонах", куда попадают бывшие шипки). Откуда такая смертность среди высокопоставленных воров? И откуда револьвер у подследственного? Да и вообще, почему револьверы имелись у секретарей райкомов? Ведь они — не чины МВД, которым оружие положено по службе! Может быть, дело в том, что наказывают лишь выборочно и "кого надо", и поэтому очень боятся, что будут вытянуты все нити? Не по той же ли причине столь редки открытые процессы по таким делам?

Все это фактически признает сам В. Чистяков. Оказывается, процессы по делам номенклатурных расхитителей стали проводиться... "в связи с направленностью внутренней политики"! Не для осуществления правосудия, которое не должно зависеть от колебаний политики, да и от власти вообще, а "в связи с направленностью". Завтра направленность будет другая, и можно будет вновь спокойно воровать. Для "направленности" же достаточно припугнуть кой-кого, заработать себе популярность, заодно избавившись от соперников, от членов мафии предшественника...

Лекция В. Чистякова примечательна не только своим главным пафосом, но и мелкими проговорками, которых он, по-видимому, и сам не замечает, но которые, тем не менее, касаются живых деталей советской жизни.

Например, выясняется, что в Узбекистане "продавались депутатские места". Чистякову кажется, что зло состоит лишь в том, что они продавались. К сожалению, главная беда в том, что их вообще можно продавать, и выборы тут ни при чем (что, впрочем, давно и хорошо известно). Ну ладно, завтра депутатские места перестанут продавать, будут раздавать бесплатно. Что изменится?

Или забавная проговорка: "на уборке хлопка положено кормить студентов два раза, на деле — не кормили вообще". Абсурдность и мрачный юмор этой фразы сродни старому анекдоту о пьяном, который жалуется на бескультурье прохожих, наступивших ему на руку. Почему вообще на уборке хлопка надо кормить студентов?

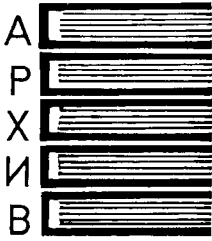
Читатель не пройдет также мимо якобы вскользь брошенного замечания, что все "участники" одного из дел о хищении — грузины. Для прокурора Чистякова это обстоятельство представляется важным. Наш журнал уже писал (1984 г., № 3) о том, что власти намеренно распространяют слухи об особо "роскошной" жизни нерусских народов СССР, якобы обкрадывающих и объедающих русский народ.

Очень интересно то, что сообщает В. Чистяков об Афганистане. Кажется, впервые официальное лицо сообщает цифру советских потерь: 15 тысяч в год. Если это верно, то получается, что за 6 с лишним лет в Афганистане погибло уже столько солдат, сколько их имелось во всем "ограниченном контингенте" в момент его ввода в эту страну!

Любопытно и сообщение о деле Саидова и Раджабова. Докладчик объясняет их действия корыстолюбием, хотя не упоминает о том, сколько же из пересылаемого через них золота они присвоили. Может быть, у обоих казненных (оба они таджики, близкие по языку и религии афганцам) были иные мотивы для того, чтобы снабжать золотом муджахидинов — борцов за свободу?

"Что же делать? — восклицает В. Чистяков. — Как приостановить эту болезнь, именуемую алчностью, которая разъедает нашу страну?" Он недоумевает, что даже "большая зарплата, льготы, предусмотренные государством, — ничто не останавливает алчных людей". Ему невдомек, что "льготы" не удерживают, а развращают...

Врачи лечат симптомы, а не болезнь, если не могут поставить диагноз. В данном случае диагноз хорошо известен.

ПРОСТОТА ХУЖЕ ВОРОВСТВА

Публикуемый ниже текст широко распространялся в Самиздате в 1969 г. и, возможно, даже несколько раньше. "Радиоинженер Викентий Герасимчук" — это, разумеется, псевдоним. Повод, по которому памфлет был написан (закрытие барахолки на Варшавском шоссе в Москве), давно уже забыт, но во всем остальном памфлет ни на йоту не потерял актуальности. Он мог бы быть написан сегодня. Поэтому мы и решили извлечь его из нашего архива.

Ссылки на Большую Советскую Энциклопедию автор дает по 2-му изданию. Цитаты из БСЭ и И. Сталина сверены с текстом (в оригинале были небольшие неточности).

Воровство как социальное явление — один из неизменных спутников капитализма. Все развитие капиталистического общества сопровождается огромным ростом имущественных преступлений (БСЭ, т. 9).

Московские власти сделали вполне объяснимый и естественный шаг: закрыта барахолка, где авто- и мотолюбители вступали друг с другом в рыночные отношения. Сперва эта барахолка была на Останкинском рынке, потом крохотный комиссионный магазинчик, возле которого вращались толпы любителей, был переведен в район Варшавского шоссе. Теперь пустырь, где кустары и владельцы железного лома раскладывали свое механическое барахло, засыпан кучами мусора, а по обеим сторонам дороги выставлены знаки, запрещающие движение транспорта.

Подобные попытки разогнать барахолку делались и раньше, но нельзя было завалить Останкинский рынок мусором. Теперь это стало возможным. Толкучка ликвидирована, и в отчетах Моссовета появится соответствующая галочка, свидетельствующая об очередных успехах в борьбе с мелкобуржуазной стихией, которая, как известно, непрерывно и систематически рождает капитализм и далее империализм как его высшую стадию.

Прозанческой подоплекой этой высокой политической борьбы является стремление хоть как-то пресечь воровство, ибо известно, что значительная часть товара, меняющего своих владельцев на автобарахолке, — ворованная. Да, дело обстоит именно так: автолюбители ненасытно поглощают ворованные запчасти, скупают краденое и тем самым становятся соучастниками преступления, наказуемого по ст. 208 УК РСФСР.

Среди них встречаются уважаемые и почтенные люди, доктора наук, врачи, инженеры... все они понимают, что делают, однако единственная возможность оживить автомобиль опрокидывает жалкие угрызения совести. Покупка краденого совершается без малейших колебаний, и счастливый обладатель тремблера или амортизатора радостно объявляет о своем приобретении беделалагам-сослуживцам.

Однако товарищи из Моссовета наивно заблуждаются, если думают, что завалив плац толкучки мусором, они тем самым ликвидируют воровство. Препятствия только изошряют энергию обеих сторон, спрос рождает предложение, а веяния времени века сервиса делают просто чудеса. Вчера к моему гаражу, где я готовил машину к летнему

сезону, подошел дядечка в синем плаще и предложил полихлорвиниловую ленту и самодельный выпрямитель для зарядки аккумуляторов. Торгующие организации повернулись лицом к потребителю, и для этого не понадобилось никаких постановлений! Возле бензоколонки вам предложат набор салников, а на любой подмосковной дороге вы получите бензин по стандартной цене черного рынка: 40 литров за рубль. Автору этих строк известен автолюбитель, который гордится тем, что за 11 лет езды на собственной машине он ни разу не заправился на бензоколонке. Он проехал на своем "москвиче" 130 тысяч километров, для чего требуется минимум 10 тысяч литров бензина!

Введение двухступенчатой продажи бензина и масла через талоны, создав дополнительные трудности для автолюбителей, только способствовало усилению левой торговли бензином. Ведь это только в кино — в фильме "Трудный рейс" — бензин сливают в пропасть, во всех остальных случаях его по дешевке продают. Если кому не нравится слово "воруют", то его можно заменить на "экономят", так как в наших условиях сплошь и рядом экономия оборачивается диким расточительством, делающим невинной забавой самое наглое воровство.

Известно ли уважаемым читателям, что в СССР могучим ключом народной инициативы бурлит и клокочет самое разнообразное воровство? Я утверждаю, что в той или иной форме ворует огромное количество сознательных граждан, кто помалу, а кто целыми вагонами. Воруют на разных уровнях и с разными целями, примитивно и волшебнo-остроумно, для друзей, для себя, с целью обогащения и для выпивки. Воруют мясо и масло, инструменты и лекарства, доски и полупроводники, двигатели и бумагу, саженцы смородины и цемент, кирпич и шифер, черта и дьявола...

Легче сказать, чего не воруют, — такого немного. Хотел написать: самолеты и танки, но вспомнил, что в Грузии рассказывают про вдову, поставившую на могиле мужа Т-34. Договорилась с кем-то женщина...

Отметим сразу, что здесь мы не будем касаться воровства с целью обогащения, мы также оставим в покое завмагов и поваров, кладовщиков и продавцов пива и мяса... Одним словом, мы не касаемся торговой сети и общепита. История хищений, обвешиваний и недоливов известна каждому, если не из печати, то по собственному опыту.

Мы обратимся к промышленным предприятиям, институтам и лабораториям, где работают инженеры, техники, лаборанты и рабочие. Крадут ли они? Что крадут? Как? Зачем? Почему?

На первый вопрос следует ответить совершенно утвердительно. Да, крадут. Впрочем, как правило, крадут по мелочам, так что их действия, будучи вскрытыми, будут квалифицироваться по ст. 96 УК РСФСР. Они крадут все, что попадает под руку, если то, что попадает, представляет для них интерес. Впрочем, часто бывает наоборот: интерес возникает из анализа использования возможных неблагоприятных приобретений.

Весьма способствуют развитию воровства популярные журналы: "Наука и жизнь", "Юный техник", "Техника молодежи", "За рулем" и т. д. Описания и чертежи увлекательных самоделок вызывают у каждого непреодолимое желание немедленно приступить к изготовлению лодки или полочки в ванную комнату. Свойственная нашему веку рассудочность, приходящая на смену энтузиазму, говорит, что вряд ли стоит втридорога покупать в "Детском мире" обрезки и затем заниматься рукоделанием на кухне в 5 кв. м., когда есть все возможности для изготовления нужных деталей на работе. Там есть электросварка и гальванический цех, а на кухне нет лабораторных весов, необходимых для приготовления эпоксидных композиций. Что же касается станочного парка, то какой американец — обладатель гаража с верстаком и дрелью — может мечтать о полном ассортименте обрабатывающих станков?

Как только эта мысль укрепляется в голове труженика социалистической промышленности, он превращается в Самоделкина и начинает употреблять драгоценное рабочее время, отведенное по трудовому законодательству для дальнейшего крутого подъема могучей социалистической промышленности, на занятие своим любимым хобби — изготовлением нужных для дома, для семьи предметов первой и последующих необходимости.

Самоделкина можно безошибочно отличить от прочих трудящихся по одному элементарному признаку: он работает. Если он конструктор, он чертит быстро и часто на-

ведьмается в цех, где на паях с друзьями клепают разборный уникальный аквариум с автоматическим обогревом и продувом. А если он работает в лаборатории, то меньше других обсуждает футбольные баталии и больше ковыряется у верстака. Так как начальник обычно слабо представляет себе работу своих подчиненных, то вечно согнутая спина Самоделкина отмечается похвалой, после чего последний может целиком переключиться на изготовление комбинированного телерадиоавтоматомагнитона совмещенного с миксером, вентилятором и кофеваркой. Упрочению служебного положения Самоделкина способствует его полная безынициативность в производственных вопросах, что очень нравится самолюбивому начальнику, чьи распоряжения никогда не подвергаются критике и модернизации, ибо голова Самоделкина всецело занята своим хобби.

Отметим, что все изделия Самоделкина отличаются духом творчества и качества, в то время как продукция предприятия, на котором он работает, не желает исправно функционировать даже под лозунгом "Советское — значит отличное".

Итак, Самоделкин наготовил целый письменный стол узлов, блоков, деталей. Пора приступать к сборке. Это лучше всего делать дома, отказавшись идти в прачечную. Надо все заготовки доставить домой, и Самоделкин вступает в увлекательнейшее единоборство с ВОХРой. Государственное добро уже почти личное, оно ошупано и вымерено, спяно и покрашено. Оно уже родное и необходимое, но на пути стоит вахтер с пистолетом. Миновав вахтера, Самоделкин юридически оформляет хищение — "умышленное завладение государственным, кооперативным, колхозным или иным общественным имуществом" (БСЭ, т. 46).

Вахтер, руководствуясь гениальным указанием Великого Сталина стоит на страже, памятуя, что "допустить воровство и хищение общественной собственности и... проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий, — значит содействовать подрыву Советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу" (Сталин, т. 13, стр. 209).

В этом единоборстве побеждает сильнейший, т. е. Самоделкин, ибо он несет домой свое добро, а вахтер охраняет "общественную базу", причем Самоделкиных много, а вахтер один. Настроение у вахтера вдобавок еще испорчено разговором с шофером, которому он недавно открывал ворота, когда тот вывозил со двора на свалку полную машину порубанных на части радиоблоков. Тогда еще вахтер заметил, что лучше бы все это добро не везти в мартен, а разобрать и снова пустить в дело. Шофер над ним посмеялся и... укатил.

Самоделкин же, напротив, настроен по-боевому, так как с утра был участником уборки, во время которой на помойку выкидывались такие ценности, по сравнению с которыми хобби его вообще ничего не стоит.

Так что оба субъекта похищения — вахтер и Самоделкин — морально вполне созрели, но приличия должны быть соблюдены. Долголетней практикой народная смекалка выработала несколько методов похищения общественной собственности.

Самый примитивный — к а р м а н н ы й, подкупает простотой и надежностью. Применение метода ограничено наблюдаемым размером карманной выпуклости. Рекомендуются для предметов, диаметр которых не превышает 50, а длина 200 мм. Небольшие размеры выносимого и простота метода обуславливают его широкое применение среди работников радиоэлектронной промышленности, где прогресс микроминиатюризации обесценивает ему блестящее будущее.

Весьма надежен так называемый н а п у з н ы й метод, который используется для более крупных предметов. Этот метод очень удобен для людей худощавых и высоких. В зимнее время и осеннее, когда ходят в пальто, применение напузного метода позволяет достичь рекордных показателей. Известен случай, когда из номерного института был унесен на пузе шлейфовый осциллограф. Напузный метод хорош при использовании некоторых приспособлений — широких и крепких поясных ремней, просторных свитеров и мятых брюк. Для транспортировки спирта, олифы, масел и красок применяются тонкие, изогнутые по форме туловища фляги. Через ушки фляг продевается поясной ремень. Оптимальная емкость фляги — 1,5 литра, толщина не более 30 мм, что позволяет пользоваться ею даже в летнее время. Подобный способ кражи классифицируется по ст. 89 УК РСФСР, как "кража с применением технических средств".

Разновидностью напузного метода является "паховый", весьма удобный для толстых людей, которым тоже хочется что-нибудь унести с работы. При использовании этого метода следует принимать меры предосторожности: известен случай защемления молотки блоком строчной развертки телевизора.

Н а с п и н и й метод тоже хорош для транспортировки широких, длинных и плоских объектов. Достоинства метода — возможность идти через проходную с грудью нараспашку. Желательно, чтобы сзади шли посвященные в затею друзья, которые громким говором должны отвлечь вахтера от желания посмотреть похитителю в спину.

Для резиновых шлангов, телевизионных кабелей и т. д. применяется метод обкручивания: похищаемое добро наворачивается на похитителя, как нитки на катушку. Метод действует круглогодично. При наворачивании следует следить за натяжкой нити, ибо при сильной натяжке может наступить затруднение дыхания и связанные с этим покраснение лица и покраснение глаз. Наворачивание происходит путем вращения туловища вокруг продольной и вертикальной оси. Если длина похищаемого кабеля 100 м, то при среднем объеме талии потребуется 140 оборотов, что может вызвать головокружение вращающегося. "Упаковка" похищаемого производится, как правило, с помощью товарища по работе, что может классифицироваться как грабеж — открытое похищение государственного имущества, совершенное без насилия.

Работу весьма оживляют частушки, поговорки, которые сопровождают упаковку и придают официальной атмосфере казенного учреждения непринужденность и товарищескую теплоту. Слесарь Коля Д., наматывая на себя бухту провода марки "гуппер", обычно приговаривал: "Хочешь жить — умей вертеться".

Предметы, имеющие *невыносимые* габариты, похищаются в основном двумя способами — легальным и нелегальным. (Честь ввода в жизнь термина "невыносимые" принадлежит авиаконструктору И. Ш., который испытывал большие трудности при выносе с предприятия двухметровых лопастей для изготовления на кухне вертолета. Лопасты в конце концов были вывезены на пожарной машине.) Этот пример иллюстрирует нелегальный способ, который имеет по крайней мере один недостаток: шоферу нужно ставить бутылку. Некоторые интеллигенты видят минус этого метода также в том, что считают неудобным вступать в контакт с людьми иного социального слоя. Находясь целиком под властью иллюзий, они боятся получить гневный отпор и тем самым похоронить вынашиваемую идею. Опираясь на богатейший жизненный опыт подобного рода, считаю необходимым заявить, что отказ водителя за скромную мзду помочь нуждающемуся сослуживцу, является почти невероятным. Но даже и в этом случае он всегда товарищески раскинет умом и направит просителя к своему коллеге, который через два часа будет ждать интеллигента в тихом переулке, где полностью передаст ему завернутое народное добро (ст. 89 УК РСФСР).

Легальный способ похищения предметов невыносимых габаритов может быть применен только в двух случаях: либо когда похититель является начальником подразделения с правом подписи документов витуренного обращения, либо когда начальник проявляют подлинное внимание к нуждам и чаяниям своих подчиненных. Для осуществления легального способа выписывается через бухгалтерию обычным порядком материальный пропуск, который будет беззвучно подписан главбухом и всеми остальными, если туда предусматрительно вписать фразу: "на испытания, с возвратом". При этом в графе "наименование" следует употреблять общие, а не конкретные термины. Вахтер, будучи человеком далеким от техники, не вникает в смысл термина, а только пересчитывает количество указанных в пропуске мест и сверяет вид упаковки. Известен случай, когда инженер Р. Б. вывез таким образом изготовленный по собственным чертежам катамаран с мотором оригинальной конструкции. В графе "наименование" было написано "плавсредства для юстировки дифферента".

Само собой разумеется, что никто никогда не проверяет, вернулось ли оборудование, отправленное куда-то на испытания. Применение легального метода подпадает под ст. 93 и 94 УК.

Тут мы вплотную подходим к ответу на два последних вопроса: "Зачем крадут и почему?"

Крадут потому, что это гораздо удобней, проще и выгоднее, чем сломя голову продирается через магазинные толпы осатаневших от постоянной нехватки чего-либо со-

граждан. Крадут потому, что кража у государства не считается предосудительной. Так уж мы воспитаны, что украсть личное добро пока еще считается позорным, а государственное — милой забавой.

С морально-этической точки зрения хищение государственной собственности оправдывается той несправедливостью, с которой государство распределяет между членами общества национальный доход.

Правящая элита ненасытно поглощает самые лакомые куски общего пирога, фари-сейски долдоня о личной скромности Ильича. Высокопоставленные чиновники и члены их семей без малейших угрызений совести пользуются всем тем, что они себе выписали по негласному табелю о рангах номенклатуры. Следует отметить, что номенклатурная элита бывает разных слоев.

Есть элита высшая. Образ ее жизни является государственной тайной, обслуживающий персонал предупрежден об этом и засекречен, надежность его молчания соответствующим образом оплачена. Однако шила в мешке не утаишь, и по стране ходит молва о даче на юге, окруженной глухим забором из бетона длиной в 2800 метров и о бассейне внутри, выложенном итальянским мрамором. И как это только стало известным, когда запрещен даже проезд к морю мимо этой неказистой избушки!?

Может быть, все это — преувеличение злопыхателей, как и слухи о кактусах, которые привезли из Мексики для украшения другой летней сараюшки? А что же делать с солдатами той военно-инженерной части, которая днем и ночью в свете прожекторов возводила новое бунгало в Крыму для крупного военачальника, получившего первый пост и решившего, что старый шалаш ему не к лицу?

Если высокий партийный руководитель спокойно уйдет на пенсию, а не будет разоблачен как антипартийный деятель или волонтарист, то его потомкам можно будет продолжать пользоваться этим и другими благами. Впрочем, вопросы подобного исследования — дело тонкое и неизученное. Гораздо больше известно о пайках разного тоннажа и назначения, разной стоимости и бесплатных... Как будто у нас сейчас — суровое военное время, как будто магазины не ломаются от обилия дешевых и доброкачественных продуктов, мяса, телятины, красной и белой рыбы, крабов, омаров, лангуст, угрей, артишоков, воблы и кормовой свеклы!

Однако вернемся к дачам. Известно, что эти дачи — далеко не единственное место, где могут однажды отдохнуть в кругу семьи или без оной члены высшей элиты. Те же злопыхатели рассказывают, что в каждой области есть резиденции для знатных гостей, которые охраняются, если там никто не живет. Имеются даже специальные охотничьи угодья, к которым проложены запрещенные для других асфальтированные шоссе...

Элита среднего слоя может только мечтать об этом. Для нее и труба пониже и дым пожиже. Дачи — только под Москвой (или возле соответствующих республиканских и областных центров), на юг — так только в санаторий, хотя и специальный, для узкого круга ведомственной принадлежности. Забор вокруг дачного поселка — общий, не то, что у высшего слоя, где он — индивидуальный. И палата в спецбольнице на двух или трех, а ведь кое-кто лежит в отдельных, или даже охраняемых больничных апартаментах.

Привилегий много, хороших и разных. Но все дифференцировано, никакой пошлой уравниловки, несовместимой с подлинным сервисом. Кому паек за полцены, а кому и дешевле, кому персональная машина, а кому — только дежурная. Но некоторым положена и семейная — для жены, тещи и деток. Кто летит на уик-энд к Черному морю, а кто катит на автобусе в закрытый пансионат под Москвой. Иван Петрович набивает шкаф подарками иностранных высоких гостей. А Петр Иванович только премию получает в сертификатах и бежит в валютный магазин за иностранным барахлом... По Сеньке и шапка. Но одного не может простить средняя элита высшей: вопиющей несправедливости при эвакуации в случае ядерной угрозы. Ведь члены высшего круга отправятся в путь с чемоданами и домочадцами, а деятели более низкого ранга помашут своим родным из окошек лимузинов! И поэтому нет на планете более последовательных и принципиальных борцов за мир, чем наша родная элита!!!

Однако шутки в сторону. Все это было бы очень смешно, если бы не было столь грустно. Очень жаль мне нашу элиту, которая никак не может слиться со своим вели-

ким народом, никак не может дорваться до очередей, в которых так приятно проводить свободное время. А сколько радости она получила бы в тесном слиянии с народом в переполненном лучшем в мире метрополитене им. Ленина, бывшем им. Кагановича. Да мало ли простых радостей в нашей жизни, о которых не может и мечтать перегруженная созидательным трудом элита! Отметим хотя бы радость Самоделкина, сэкономившего не один рубль своей постоянно растущей зарплаты своим совершенствующимся хобби.

А далее я считаю необходимым отметить следующее. Полностью сознавая или только ощущая вопиющую несправедливость в распределении национального дохода, каждый обыкновенный гражданин не считает зазорным взять на предприятии то, что ему нужно. Дополнительное оправдание он находит в дороговизне и низком качестве того, что можно купить в магазинах. Узкий ассортимент продаваемых товаров также понуждает его к хищению или покупке краденого.

И если несколько лет тому назад среди рабочих имели равное распространение две концепции: "Не брать того, что можно купить" и "Не покупать того, что можно взять", то сейчас обе вытесняются девизом — "Брать все, что возможно!"

Осуществление этого девиза приводит к более равномерному распределению национального дохода. А сомнителен он не более, чем правомочность тех постановлений и правил, которыми определяется держащийся в секрете (и поэтому нелегальный) уровень потребления элиты. ●

Викентий Герасимчук, радиоинженер

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

НИЩИЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ

Приступила к работе организованная по постановлению президиума Моссовета специальная комиссия по борьбе с нищенством. В задачу комиссии входит борьба с злостным нищенством. Комиссия направляет нищих профессионалов в гор. Сергиев, в трудовой дом, имеющий ремесленные мастерские. Комиссия оказывает денежную помощь лицам, временно впадшим в нужду, и способствует желающим работать получить на бирже труда работу в первую очередь. Не связанных с Москвой и случайно вступивших на путь нищенства комиссия отправляет за казенный счет на родину.

"Известия", 4 июня 1926 г.

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

УЛЫБКИ ШИРЕ, ЧЕМ ГДЕ-НИБУДЬ

Дорогой товарищ Сталин! С чувством великой радости и бесконечной благодарности обсудили мы проект закона о запрещении абортов, о помощи роженицам и т. д. Этот проект есть еще один вклад в Вашу величайшую заботу о наших детях. И недаром в нашей стране звонче, чем где-нибудь, смеются наши дети, шире чем где-нибудь, улыбки наших детей. Потому что нет ни одной страны в мире, где были бы так счастливы матери, где так велика забота о детях.

Новый закон вселяет в нас еще больше бодрости и желания дать много хороших крепышей-богатырей нашей счастливой стране Советов. Мы обещаем Вам, товарищ Сталин, что мы с честью оправдаем звание советской матери. Да здравствует наш родной, любимый Сталин!

*Письмо жен слушателей и преподавателей
промышленной Академии им. Кагановича.
"Правда", 2 июня 1936 г.*

ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ В США

29 апреля на нью-йоркской бирже резко понизились акции американских компаний, владеющих атомными электростанциями. Колебания биржевых цен не всегда поддаются однозначному объяснению. Но тут сомнений не оставалось: причиной была катастрофа в Чернобыле, о которой, после тщетных усилий сохранить ее в секрете, советские власти впервые сообщили накануне вечером. Держатели акций мгновенно сообразили, что для американской атомной энергетики наступают трудные времена.

Впрочем, и прежде времена были нелегкими.

Неподалеку от Нью-Йорка, в городке Шорэме на острове Лонг-Айленд компания Лилко соорудила новую атомную электростанцию, затратив на строительство 4,5 миллиарда долларов. Этот огромный капитал пока что заморожен. Уже два года владельцы Шорэмской электростанции тщетно добиваются правительственной лицензии, которая необходима, чтобы ввести в действие ее реакторы. Лонг-Айленд густо заселен, и жители опасаются, что в случае ядерной аварии местных дорог будет недостаточно, чтобы немедленно эвакуировать всех людей из опасной зоны. Они не желают подвергать жизнь и здоровье своих семей хотя бы малейшему риску. Петициям, митингам протеста, демонстрациям не предвидится конца.

Согласно принятым в Соединенных Штатах правилам эксплуатации атомных электростанций, администрация обязана представить детальный план эвакуации населения с территории, прилегающей к АЭС, радиусом в 10 миль. Прошлой зимой компания Лилко попыталась провести пробную эвакуацию, чтобы доказать, что составленный ею план реален. Но ни местные жители, ни официальные лица округа Суффолк, где расположен Шорэм, ни власти штата Нью-Йорк в этом мероприятии не участвовали. Против ввода в действие Шорэмской электростанции резко выступает губернатор штата Нью-Йорк Марио Куомо. Он считает, что установленная инструкциями десятимильная граница условна и в случае радиоактивного заражения атмосферы под угрозой окажется все население Лонг-Айленда.

Теперь, после чернобыльской катастрофы, у противников АЭС появились новые аргументы. "До сих пор, — говорит Нора Брендес, административный координатор "Коалиции противников Шорэма", — проблемы экстренных мер в случае возникновения ядерной опасности выглядели отвлеченно. Но трагедия на Украине показала, что может случиться самое худшее. Местное население, если ему не даны исчерпывающие гарантии безопасности, не должно допускать присутствия ядерных реакторов вблизи своих жилищ".

Распорядители компании Лилко вынуждены признать, что их дело попало в долгий ящик. Назревший конфликт, по всей вероятности, будет решаться в суде. А пока дело пахнет разорением. Коль скоро компания Лилко разместила свои реакторы так, что жизнь и здоровье людей подвергаются хотя бы и малейшему риску, — сказал Марио Куомо в своем выступлении по телевидению, — вся тяжесть ответственности ложится на нее".

У ядерной энергии скверная репутация. "Есть нечто в радиации и атомной технологии, — писал Сэмюел Формен в книге под названием "Экзистенциальные радости инженерии", — делающее их особенно зловещими в глазах людей. Когда разбивается самолет или случается утечка вредных веществ на химическом предприятии, мы склонны говорить: "Ничего не поделаешь, такова жизнь". Но когда катастрофа связана с ядерными процессами, опасность представляется в ином свете. Она не только неотвратима, но и коварна. Мы узнаем об угрозе, которой подвергаются дети и беременные женщины. Мы слышим о том, что отравой может оказаться молоко. Нам сообщают, что пагубные последствия могут действовать десятилетиями, оставаясь при этом незаметными". Современный человек осведомлен о том, что мирное использование атомной

энергии основано на том же принципе, что и бомба, взорванная в Хиросиме. Поэтому противниками атомных электростанций оказываются те же люди, которые выступают за прекращение гонки ядерных вооружений.

В Соединенных Штатах работает сейчас 83 атомных электростанции, которые производят 16% электроэнергии страны. Это больше, чем в Советском Союзе, где введено в действие 40 атомных электростанций, производящих 11% электроэнергии, но гораздо меньше, чем, например, во Франции, где атомная энергетика составляет почти 65 процентов. Однако у французов нет своей нефти, а США, как и Советский Союз, могут пока еще позволить себе роскошь не идти без нужды на риск, связанный с эксплуатацией атомной энергии.

Еще позапрошлой зимой газета "New York Times" отмечала, что уже более десятилетия ввод в действие каждого вновь построенного ядерного реактора на том или ином этапе тормозится. Главная причина этого, по словам газеты, — все новые и новые требования по соблюдению безопасности, которые выдвигаются американским населением, а затем формулируются федеральным правительством в Вашингтоне и местными властями. Принятые на этот счет инструкции настолько требовательны и детальны, что у строителей атомных электростанций не хватает средств, чтобы довести строительство до конца или добиться разрешения на эксплуатацию уже готовых предприятий. Следствие — застой в американской ядерной энергетике.

Выступая 14 мая по советскому телевидению, М. Горбачев позволил себе утверждать, будто правительство Соединенных Штатов всего лишь на десятый день уведомило конгресс об аварии на атомной электростанции, расположенной на Трехмильном острове в штате Пенсильвания. Авария эта произошла, как известно, в 1979 году. Нельзя понять, на что рассчитывал генеральный секретарь ЦК КПСС, когда рассказывал эту небылицу, зная наперед, что о ней услышат миллионы американцев. Об аварии на Трехмильном острове уже через несколько часов знала вся страна. На место происшествия слетелись сотни корреспондентов — и американцы, и иностранцы. Событиям на Трехмильном острове были посвящены программы телевизионных новостей на протяжении нескольких дней.

При этом на Трехмильном острове произошла именно авария, а не катастрофа, как в Чернобыле. Ни один человек не погиб, никто вообще не был облучен, утечка радиоактивности в атмосферу была незначительной и никак не отразилась на других странах. Так что, будь у него такое желание, американское правительство вполне могло бы скрыть это происшествие. Могло бы... если бы средства массовой информации в Америке не были независимы от правительства. Но еще задолго до событий на Трехмильном острове общественное мнение Америки было весьма детально осведомлено об опасностях, связанных с развитием ядерной энергетике.

В Соединенных Штатах есть сторонники и противники ядерной энергетике. В горячие для них дни, последовавшие за чернобыльской трагедией, сторонники использования атомной энергии в Соединенных Штатах с цифрами и фактами в руках доказывали, что американские реакторы несравненно безопаснее советских. Профессор Ричард Лихи, заведующий кафедрой ядерной инженерии Политехнического института города Трой (штат Нью-Йорк), подчеркивает, что в отличие от американских советские атомные реакторы построены с неоправданно высокой степенью риска. Их создатели пренебрегают безопасностью ради экономии денег. Вокруг реакторов нет защитных стальных контейнеров; ненадежна система охлаждения; в системах безопасности мало используются компьютеры; отсутствуют планы эвакуации населения в случае аварии; ядерные реакторы размещаются в густо населенных районах; строительство и эксплуатация их производятся без общественного контроля. По оценке американских специалистов, техника безопасности на советских атомных электростанциях — худшая в мире. Она хуже, чем в развивающихся странах или даже в других странах советского блока.

Но все эти аргументы отнюдь не обезоруживают американских противников АЭС. Борьба общественности вокруг атомных электростанций Америки, усилившаяся после Чернобыля, разрастается. С точки зрения Горбачева все это лишь очередная вспышка антисоветской истерии. Для американского народа — серьезная экономическая и экологическая проблема, которую надо решать сообща. ●

КТО НЕ БОИТСЯ АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ

Работу над этой статьей я начал за несколько месяцев до трагедии в Чернобыле. Задним числом было бы очень удобно объявить или хотя бы намекнуть, что подобное развитие событий я предвидел и даже собирался предсказать. Нет, не предвидел. Думаю, что и никто не предвидел. Если бы аварии на ядерных станциях можно было предсказывать, их предотвращали бы. И делали бы это, конечно, советские специалисты, а не тот, кто находится за тысячи километров от Чернобыля. И ядерные специалисты, а не экологи вроде меня.

Однако, нисколько не преувеличивая, я могу сказать, что с самого начала я выбрал темой своей статьи тревожные тенденции в развитии ядерной энергетики СССР. Тенденции, обнаруженные вовсе не мной; о большинстве этих проблем уже писали советские газеты или научная печать. Самые разные пороки отечественной науки и техники сфокусировались волею случая в чернобыльском реакторе № 4: так фокусируются в линзе тепловые лучи — и вспыхивает пламя. События в Чернобыле наверняка станут предметом детального изучения. Специалисты тщательно проанализируют технические технологические, операционные и прочие ошибки и постараются извлечь уроки на будущее. Но достаточно ли этого? Удастся ли преодолеть не случайные промахи, а тенденции, складывавшиеся годами и прочно связанные со всей социалистической системой экономики и политики?..

I. От Обнинской "печки" до Атоммаша

Советская печать постоянно напоминает читателям, что наша страна — пионер в строительстве атомных электростанций. Но о том, что на протяжении следующих двадцати лет — с 1954 до 1974 — Советский Союз уступил лидерство не только американцам, но Франции, Швеции и Японии, даже Тайваню и Аргентине — об этом знают лишь специалисты. Иначе говоря, пока нефть и газ были дешевы и запасы их казались безграничными, работы в области "мирного атома" преследовали главным образом пропагандистские цели. В середине семидесятых, в разгар энергетического кризиса Соединенные Штаты производили на атомных станциях несколько больше 10% всей электрической энергии, Франция и Швеция — около 30%. А СССР — 2%!

Однако кризис сыграл свою роль. Именно с этого момента в СССР всерьез занялись проблемами использования ядерного горючего. И сразу же, как водится, были разработаны грандиозные планы. К концу 1985 г. АЭС должны были обеспечить 14% всей электроэнергии, вырабатываемой в стране, и 24% выработки в ее европейской части. На практике результаты оказались куда менее впечатляющими: 10% и 18% соответственно.

Ну и что тут особенного? Такой ли уж это редкий случай, что советская экономика не выполняет план? Нет, конечно. Но тот, кто думает, что этот срыв должен беспокоить только Горбачева, Рыжкова и прочих вождей, глубоко ошибается: "напряженка" со строительством АЭС затрагивает, увы, не только руководителей, но и массу рядовых советских граждан. Чтобы разобраться в опасностях ядерных реакторов для населения и

окружающей среды, нам придется вернуться к печке, той, от которой танцуют. Эта печка — знаменитый обнинский реактор, самый первый в мире, о котором столько писала советская печать.

По типу обнинский реактор принадлежит к категории водно-графитовых канальных. К числу главных достоинств таких реакторов советские специалисты относят простоту изготовления. Это значит, что его основные элементы можно производить на обычных машиностроительных заводах. Но вот любопытный момент: не уставая восхищаться простой конструкцией, специалисты одновременно подчеркивают, что при его изготовлении должны соблюдаться особые "стандарты качества", повышенные требования, обязательные для реакторов как канального, так и корпусного типа.¹

Обычные машиностроительные заводы и особое атомное качество — не кажется ли вам, что в этом сочетании есть явная неувязка? По крайней мере академик Н. Доллежал придерживается именно такого мнения. В своей единственной статье на эту тему, опубликованной в широкой печати ("Коммунист", № 14, 1979), он так долго и подробно говорит о необходимости строжайшим образом соблюдать эти особые "атомные стандарты качества", что невозможно отделаться от ощущения: соблюдение их — весьма серьезная проблема. Иначе зачем так упорно повторять, что забота о здоровье народа — одна из первейших забот партии и правительства?..

До конца семидесятых годов АЭС в Советском Союзе строились преимущественно на базе реакторов такого канального типа. К их числу относится ныне печально знаменитая Чернобыльская АЭС, а также Смоленская и пока крупнейшая в мире Ленинградская АЭС. Правда, в ИгнаLINE, в Литве, к 1990 г. должно быть завершено сооружение еще более мощной станции на 6000 МВт. Однако сейчас там действуют лишь два из четырех блоков общей мощностью в 3000 МВт.

Мощности, как видим, растут, количество ядерного горючего в каждом из реакторов — тоже. Пропорционально растут и масштабы потенциальной опасности, если — не приведи Господь! — случится еще одна авария...

Надо сказать, что ни один реактор канального типа Советский Союз за границу не продал, только корпусные. Учитывались ли тут соображения надежности или что-то иное (например, доводы военного характера) — судить не берусь. Бесспорно, однако, что для изготовления элементов корпусных реакторов обычные машиностроительные заводы не пригодны. Поэтому для выпуска таких реакторов в Волгодонске было построено специальное предприятие — Атоммаш. Но беда в том, что качество реакторов, выпускаемых этим гигантским и сверхсовременным заводом, с самого начала вызвало нарекания в центральной печати. Летом 1983 г. в Волгодонск была направлена комиссия ЦК КПСС, которой было поручено "навести порядок". К тому времени в "Правде" и в "Социалистической индустрии" был напечатан целый ряд критических статей. Они касались не только самого завода, но предприятий-поставщиков, которые, например, снабжали его сталью не тех марок и не в том количестве...

Перечислять множество причин, в силу которых советская продукция "не дотягивает" даже до среднего западного уровня, думаю, нет смысла, — они достаточно хорошо известны. Важно другое: оказывается, ситуация в атомной промышленности мало отличается от того, что мы знаем о мебельной или обувной... Впрочем, на Атоммаше была одна особая причина — экологическая.

Самым серьезным дефектом в работе Атоммаша были неточности при сборке реакторов. Неточности выражались в том, что допускались большие отклонения в стыковке деталей, которые в идеале не должны были бы превышать нескольких микрон.

¹ Полное название этих реакторов: водно-графитовый канальный и водно-водный. Однако для простоты я буду придерживаться терминологии академика Н. Доллежала, автора проекта первой станции в Обнинске. Он называет их просто: канальный и корпусной реакторы.

Для завода эти отклонения оборачивались миллионными убытками, поскольку на устранение недостатков приходится тратить недели и месяцы. Но еще большие убытки несли энергетики: задерживался пуск строящихся АЭС...

После целой серии забракованных реакторов главную причину брака удалось найти. Пол! Пол, в прямом и неассоциативном смысле слова. Дело в том, что пол огромного здания сборочного цеха перекошило на несколько миллиметров под давлением некоторых частей реактора. Их вес достигал сотен тонн, и под этой нагрузкой пол осел, а контрольные приборы почему-то этого не "заметили"...

Об этом досадном недоразумении советские специалисты рассказали своему американскому коллеге, мистру Гордону Хелбергу, президенту одной из крупнейших компаний по производству ядерного оборудования. Услышав об этом от мистера Хелберга, я осторожно спросил: "А почему просел пол, этого советские товарищи не сказали? — Нет, — ответил он. — Но из контекста я понял, что там неладно с грунтовыми водами".

Других разъяснений не требовалось. Атоммаш построен неподалеку от Цимлянско-го водохранилища. Не сомневаюсь, что при выборе площадки для сборочного цеха проводились самые тщательные исследования грунта: геологическая экспертиза, предшествующая началу строительства, проводится в Советском Союзе обязательно, и, как правило, высоко профессионально. Столь же ясно, однако, что предвидеть поведение грунтовых вод в этом районе ученые не могли, не хватало данных. Цимлянское море, как известно, создавалось руками заключенных в самом начале пятидесятых годов. То есть в эпоху, когда даже думать об отрицательных последствиях преобразования природы было опасно. Поэтому гидрологи не знали точной картины того, что было до разлива моря. Не проводились систематические исследования и позже.

Море разлилось шире, чем намечали, — при этом были размыты дополнительно тысячи гектаров прекрасных черноземов. Землю, конечно, жалко, но пожалели и — делать-то нечего! — списали... А детально изучить за двадцать лет динамику подземных и поверхностных вод в районе водохранилища не успели. Надо было спешно приступать к очередной стройке коммунизма...

По экологическим, а скорее по другим причинам основа станции, ее сердце — реактор — изготавливается по советским стандартам качества. Это относится как к реакторам канального типа, которые теперь, вероятно, всегда будут именоваться "чернобыльскими", так и к реакторам корпусным. Корпусные реакторы, изготовленные на Атоммаше, сейчас действуют на десяти АЭС.

Конечно, не каждая авария на реакторе приводит к утечке радиации, не каждая кончается пожаром и взрывом. Будем надеяться на лучшее. Однако не следует забывать, что низкое качество оборудования — не единственная проблема советской ядерной энергетики. Есть и другие. Например, общая нехватка энергии в европейской части страны. Нехватка, которая создает "напряженку" во всех отраслях энергетики, включая атомную.

Тут придется объяснить, откуда этот дефицит, поскольку официальная советская статистика свидетельствует о ежегодном росте производства электроэнергии на 5—11%. Это прирост солидный, превышающий показатели всех других отраслей, кроме, пожалуй, добычи газа. Но проблема в том, что электричество во многие промышленные центры европейской части приходится транспортировать издалека. А кроме того, потребление энергии крайне неравномерно: если в ночные часы и в выходные дни энергии в избытке, то в рабочее время ее не хватает.

Этот дефицит и имел в виду заместитель министра энергетики и электрификации Г. Шашарин, когда писал, что только с помощью дюжины мощных АЭС можно выравнять графики производства электричества и обеспечить им всех потребителей даже в пиковые периоды суток и недели. Отсюда следует, что "напряженка" в строительстве

ядерных станций будет продолжаться еще долго, что высокое начальство и далее будет понукать и поторапливать проектировщиков и строителей, требовать от специалистов заключений о "готовности" блоков или частей станций.

II. Когда страна быть прикажет героем

В середине семидесятых, когда в Советском Союзе взялись за атомную энергетику всерьез, ведущей фигурой в этой области стал академик Михаил Стырикович. Помнится, в 1978 г. на физфаке МГУ проводился семинар молодых ученых по проблеме загрязнения среды ядерными отходами. Пригласили и Стыриковича. Сам академик не пришел, но прислал двух своих сотрудников, молодых кандидатов наук. Гвоздем семинара был доклад Сергея Паршинкова, секретаря Комиссии по безотходным технологиям Академии наук СССР. Паршинков построил, в частности, математическую модель рассеивания радиоактивного йода, вылетающего из труб АЭС. Модель свидетельствовала, что даже при нормальной работе станции концентрация йода в воздухе может превысить допустимые пределы.

"Ребята" Стыриковича оказались в трудном положении: возразить было нечего. Поэтому они просто заявили, что у них есть другие данные, согласно которым величина радиоактивного загрязнения гораздо ниже, а вероятность аварии на АЭС ничтожна.

Что это за "данные", каков математический смысл этого "ничтожно"? Тоном и многозначительными жестами молодые кандидаты намекали, что речь идет о закрытых исследованиях, сомневаться в достоверности которых бестактно...

После семинара Паршинков с горечью сказал, что дело не в личной обиде — хотя он работал над докладом несколько месяцев, — а в том что его выводы не удостоили даже серьезного профессионального обсуждения и нет надежды опубликовать работу в самом заухудалом научном журнале. Бог с ним, с докладом, но кто гарантирует безаварийную работу станций, если все проекты и расчеты проверяются лишь очень узким кругом специалистов. Любое же критическое замечание со стороны, каким бы веским оно ни было, просто игнорируется.

Впрочем, в те времена сторонних критиков было немного: все работы институтов Комитета по атомной энергии считались секретными и значит, были недоступны основной массе физиков, химиков, экологов. Паршинков — один из немногих, кто имел право получить исходные данные о работе реактора и рассчитать разгрязнения. Да и то атомщики всегда могли заявить, что данные оппонента — это некие средние, а вот в конкретном случае с Н-ской станцией параметры несколько ниже, и это меняет всю картину. Пойди проверь!

Нечто подобное, хотя и по другой бюрократической схеме, наблюдалось в области охраны вод. В том же 1978 г. я присутствовал на заседании Комиссии по охране водных ресурсов Академии наук СССР. Среди прочих там обсуждалось сообщение о проблеме водооборота на проектируемой в то время Южно-Украинской АЭС. Проблема состояла в том, что Гидропроект, ответственный за "водную часть" станции, не соглашался на замкнутый цикл водного охлаждения. Закон об охране природы, принятый на Украине в начале семидесятых годов, недвусмысленно требовал введения замкнутого цикла на всех предприятиях, где это технически возможно.¹

Технические возможности на АЭС были, но республиканский закон не распространяется на такие стратегически важные объекты, как крупные электростанции. Они экстерриториальны. Ни Украина, ни прочие союзные республики не участвуют в проектиро-

¹ В 1974 г. аналогичное законодательство вступило в силу в США. К 1983 г. все крупные электростанции страны перешли на замкнутый цикл охлаждения.

вании АЭС. О будущей станции одесские экологи узнали лишь тогда, когда у них запросили данные о гидрологии района Южного Буга.

Экологи запротестовали. Республиканский комитет по охране природы, хотя и не знал всю подоплеку дела, все-таки рискнул и поддержал позицию ученых. "Обычный цикл водоохлаждения приведет к большим потерям воды на испарение и кроме того он более опасен в смысле радиоактивного заражения в случае аварии", — было отмечено в письме руководства комитета в Госплан.

Нельзя сказать, чтобы Госплан вовсе игнорировал мнение украинских товарищей. Состоялось специальное заседание одной из госплановских комиссий. На нем представители Гидропроекта изложили свои аргументы: замкнутый водооборот увеличит сметную стоимость минимум на 12%, а переделка проекта отодвинет срок ввода АЭС в действие на полтора года.

Что могли возразить на это одесские и киевские экологи, когда у них не было возможности ни проверить эти данные, ни изучить запроектированную систему охлаждения реактора — секретно!

Госплан предпочел поверить на слово Гидропроекту и стоящему за ним Комитету по атомной энергии. Незамкнутый цикл охлаждения был утвержден. На Южном Буге появилось еще одно большое водохранилище, слизнувшее 2000 гектаров черноземов. Возникла очередная цепочка экологических проблем для нынешнего и будущих поколений.

Но могли ли вообще советские ученые добиться, чтобы власти прислушались к их мнению? Если все засекречено, если вся печать проходит жесткую цензуру, существует ли возможность сказать правду об опасностях атомной энергетики, о пороках советского пути ее развития?

Я думаю, да. Прежде всего, это могли сделать ядерные физики и конструкторы реакторов. Конечно, все они связаны допусками, секретностью. Но разве подпись на допуске означает, что с этого момента ученый несет ответственность только перед первым отделом и освобождается от обязательства перед людьми и историей?

Как это пели в тридцатые годы: "Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой..." Так, кажется? Если говорить всерьез, требования, которые страна предъявляла своим гражданам, имели мало общего с истинным героизмом. По крайней мере, после 1945 г. От ученых, как и от всех прочих, требовалось подчинение. И еще молчание — даже в тех случаях, когда по всем законам, человеческим и Божеским, ученый был обязан кричать, предупреждая сограждан о грозящей опасности. Оказалось, увы, что быть "антигероем" куда проще и спокойнее...

И все-таки по меньшей мере одна серьезная попытка предупредить об опасности известна. Академик Николай Доллежаль наверняка был связан в своей работе многочисленными допусками. Он принадлежал к числу тех немногих физиков, которые занимались разработкой самих основ управления ядерной энергией и в теории, и на практике. Доллежаль и его сотрудник, доктор наук Ю. Корякин написали статью, в которой проанализировали создавшуюся ситуацию. В статье всего девять страниц, но, как говорят, эти страницы "дорого стоят". И потому, что таково мнение крупных специалистов, и потому, что это редчайший пример опровержения официально распространяемой лжи.

Прежде всего, статья содержит прозрачные намеки на то, что качество советских реакторов и другого оборудования для АЭС не отвечает жестким требованиям безопасности. К примеру, авторы акцентируют внимание на опыте США, где за последние десять лет стоимость строительства ядерных реакторов возросла в семь-восемь раз. Из-за чего? Из-за возросших требований к их защите. Поскольку об аналогичной тенденции применительно к советским реакторам авторы умалчивают, это не может не настораживать. Тем более, что затем они подробно объясняют, что "экологическая емкость" европей-

ской части страны, от которой зависит размещение новых АЭС, быстро исчерпывается.¹ Не в пример всем другим советским публикациям на тему ядерной энергетики, в статье Доллежаля и Корякина говорится и о "радиации, сопутствующей и самим станциям и перевозкам радиоактивных грузов".

В ближайшем будущем, пишут они, резко возрастет как число станций, так и протяженность путей транспортировки опасных отходов и ядерного горючего. Между тем "по ряду объективных причин перевозка отработанного топлива АЭС может производиться только мелкими партиями. Вероятность аварии на единицу расстояния транспортировки оценивается ничтожной величиной. Тем не менее для ожидаемого уже в недалеком будущем роста масштабов развития ядерной энергетики и, следовательно, масштабов перевозок... с этой вероятностью нельзя не считаться". Короче, вся структура развития АЭС и система транспортировки отходов в европейской части страны создает ситуацию, которая экологически недопустима.

Кроме радиоактивности, Доллежаль и Корякин отмечают опасность теплового загрязнения среды. В АЭС, согласно их данным, на единицу полезного тепла приходится две-три единицы тепла, отводимого вовне. Если учесть, что средняя площадь охлаждающих водоемов на современных АЭС составляет 20–25 квадратных километров, то становится понятно, что тепловое загрязнение угрожает изменением климата целым регионом. Решение, которое ученые предлагают, таково: вместо разрозненных станций в густонаселенных районах, создавать комплексы АЭС на дальнем Севере, подальше от населения и поближе к центрам производства урана. Однако такая постановка вопроса как раз и свидетельствует о несостоятельности всей официальной программы...

Статья Н. Доллежаля и Ю. Корякина была напечатана в журнале "Коммунист" (№14, 1979 г.). Как это получилось? Мне рассказывали, что авторы готовили ее для "Вестника АН СССР", самого солидного научного журнала страны. Но там статья застряла. Больше года редакция тянула с ответом. Сказать просто "нет" одному из старейших членов Академии редакция, понятно, не могла. А печатать боялись. Не знали, что делать и "кураторы советской науки" из ЦК КПСС. Прошло еще полгода, и на Старой площади нашли совсем не глупое решение. Доллежалю уговорили передать статью в "Коммунист": там она прозвучит сильнее. Конечно, предварительно ее надо переработать, сделать более популярной, то есть убрать некоторые цифры, данные и сложные научные аргументы.

Видимо, в ЦК правильно оценили положение. Если бы статью зарезали, она могла бы попасть в "самиздат", а затем и в "тамиздат" — это уже было бы серьезно. А такой вариант был возможен: Доллежаль — человек с характером.

Думаю, что публикация статьи именно в "Коммунисте" диктовалась и другими соображениями. Видимо, некто, ответственный за ядерную энергетику и осведомленный о всех ее слабостях и непорядках, для того и дал статью "зеленый свет", чтобы потом, если что случится, иметь право сказать: мы сами били тревогу. Указывали. Своевременно предупреждали. И не где-нибудь — в центральном партийном органе. Почему на критику не реагировали? Но это обязанность комитетов и министерств, а не партии...

Естественно, что никаких практических результатов публикация статьи не дала. Изменилось бы положение, если бы статья Доллежаля попала в самиздат и в западную прессу? Полагаю, что да. Атомная опасность, угрожающая жизни сотен тысяч или даже миллионов людей, — тема взрывная. Такого рода предостережения советской власти было бы куда труднее игнорировать, чем, скажем, разоблачения нарушений прав человека. Доллежалю могли поддержать и те западные ученые, которые демонстративно сторонятся политики, ведь его выступление было бы профессиональным.

¹ Во Франции, площадь которой составляет менее 20% площади Европейской части СССР, уже сейчас действуют больше АЭС, чем во всем Советском Союзе. И никто не говорит об "экологической исчерпанности" Франции. Не говорит этого и Доллежаль. А вот о советских АЭС он это пишет.

Все это, понятно, домыслы и предположения. В реальной жизни Доллежал не поднялся до уровня Сахарова, оставшись в пределах "здоровой критики". А критику власти спокойно могут игнорировать. Кто-то сказал, что несчастна нация, которая не может нормально существовать без героев. К сожалению, героев не так уж много.

III. Сплошная зона безопасности

Я уже говорил, что статья Доллежала и Корякина ничего не изменила. Между тем к концу 70-х годов в Европе, особенно в Западной Германии, борьба против строительства АЭС приобрела форму организованных движений. После аварии на американской станции на Трехмильном острове в Пенсильвании демонстрации, марши протеста "зеленых" стали мощным фактором политической жизни. Под их давлением был заморожен или аннулирован целый ряд проектов новых АЭС в США и в европейских странах. Многие действующие станции были реконструированы — на дополнительные защитные меры тратились сотни миллионов долларов.

Противники АЭС на Западе, говорящие о "смертельной опасности" ядерной энергетики, ссылаются (основательно или нет — вопрос другой) на исследования западных ученых. Эти исследования свободно печатаются и распространяются. Никто из их авторов не совершает при этом героических актов, и никому не приходит в голову усматривать в самом факте публикации нечто выдающееся. Более того, общественные организации и группы собирают пожертвования и заказывают специальные исследования о степени опасности радиации. Для этой цели приглашаются специалисты, которых противники АЭС считают наиболее солидными, полностью независимыми от правительства или "большого бизнеса".

События на Западе в какой-то мере повлияли на обстановку в СССР. Разумеется, не на действия властей и не на ход работ на стройках АЭС. Повлияли на советскую пропаганду. Статьи в печати, показ по телевидению демонстраций протеста против АЭС и ядерного оружия не могли не вызвать у советских граждан сомнений. С чего это немцы и прочие вполне цивилизованные народы боятся атомных электростанций? А если они опасны там, то так ли они безобидны здесь?

Понятно, в Советском Союзе не могло быть и речи о демонстрациях или иных формах массовых протестов. Даже в жилых массивах, непосредственно граничащих со стройплощадкой новых АЭС (скажем, в Горьком или Воронеже) не было проблемы пустующих квартир. При острейшей нехватке жилья всякая квартира была счастьем.

И все-таки люди стали задавать вопросы. В тех местах, где действовали или строились АЭС, редакции газет получали сотни писем с просьбой разъяснить проблемы безопасности. В республиках Прибалтики, где население имело возможность смотреть передачи западного телевидения, немецкие "зеленые" вошли в моду, особенно среди молодежи. Стали появляться группы людей, которые не только носили эмблему "природы, чистой от ядерных станций", но и организовывали семинары, лекции и воскресники охраны природы. Они явно ориентировались на программу "зеленых".

Это вызвало у властей тревогу — они боялись утратить контроль над взглядами населения хотя бы в одной сфере жизни. Поэтому с начала 80-х годов пропаганда выгоды и надежности ядерных источников энергии резко усилилась.

К заверениям Михаила Стыриковича присоединился академик Иван Емельянов, конструктор ядерных реакторов. На экранах телевизоров зрители часто видели этого простецкого человека, выходящего из деревни. Его простая, далекая от академической манера разговора явно была рассчитана на широкие массы. А для интеллигенции "Литературная газета" поместила несколько более серьезных статей — в том числе интервью с академиком Шейдлиным. Но всего этого властям было мало. К кампании подключился

сам президент Академии наук СССР А. П. Александров. В 1983 и в 1984 гг. была выпущена двумя изданиями книга "Ядерная энергетика, человек и окружающая среда". На ее титуле указано: под редакцией академика А. П. Александрова. На годичном собрании академии в марте 1984 г. президент особо остановился на проблемах строительства АЭС. Вопреки общепринятым нормам, Александров не ссылаясь на конкретные исследования. Он просто заявил, что безопасность советских атомных электростанций гарантирована.

Интересно, что сам президент — человек, достаточно известный и уважаемый западными коллегами, сам никогда не занимался вопросами конструирования реакторов или системами защиты от радиации. То обстоятельство, что он ядерный физик, тут ничего не меняет. И конструирование реакторов, и защита от радиации давно превратились в самостоятельные области знания, достаточно далекие от сферы деятельности президента. Его имя в этих публикациях служило лишь ярлыком, "знаком качества", гарантией высшей научной достоверности. И книгу, где он значился редактором, писал не он, а рядовые доктора и кандидаты наук. Однако газеты, радио и телевидение постарались убедить, что это сам президент Академии наук СССР свидетельствует: рядом с АЭС можно жить, и такое соседство абсолютно безопасно и для взрослых, и для детей...

Тем не менее книгу "Ядерная энергетика" с полным правом можно считать изложением советской официальной концепции развития АЭС. Что же сказано в этом труде о защите населения от радиации? "Одна из мер радиационной безопасности, — утверждают авторы, — это снижение дозы излучения в окружающей среде до возможно низкого уровня". Спорить трудно. Однако определения того, какой уровень радиации считать низким, в книге нет. Не найти его и ни в каком другом открытом, доступном публике, советском издании.

Единицей измерения дозы радиации является *рентген*. Когда говорят о биологическом воздействии радиации, то пользуются иной единицей — *бэр* (биологический эквивалент рентгена). При пользовании этой единицей учитывается, что радиация бывает разного "качества", по разному поглощается тканями (гамма-излучения, бета-излучения, рентгеновские лучи и т. п.). При дозе облучения в 1 бэр (1000 миллибэр) человеческий организм не получает каких-либо непосредственных повреждений. Подсчитано однако, что среди миллиона людей, получивших дозу в 1 бэр, число заболевших лейкозом будет на сто больше, чем среди необлученного миллиона. При дозах ниже 1000 миллибэра даже такой "статистической" опасности выявить не удалось, хотя не исключено, что и эти дозы могут повредить некоторым людям или их потомству. Не стоит забывать, что мы всегда жили и живем в некоем природном радиационном поле. Природный уровень радиации в пересчете на биологический эквивалент равен 120—150 миллибэр в год. Каждый рентгеновский снимок добавляет к этому 20—30 миллибэр.

До какого же уровня снижать излучение в районе АЭС? Понятно, что при этом придется учитывать фактор экономический, ибо защитные меры стоят очень дорого, и может наступить момент, когда электричество АЭС станет не по карману любому потребителю.

Доза радиации, допустимая в Соединенных Штатах, такова, что, говоря языком популярной брошюры, "человек, сидящий круглый год на заборе атомной станции, получит не более 1 миллибэра сверх природной нормы".

А какая доза считается допустимой в СССР? Эта норма немного выше американской уже по той причине, что стандарты для окружающей среды прямо связаны с общими стандартами безопасности для самих работников АЭС. А годовые нормы облучения для работников АЭС в США — 8 миллибэр, в ФРГ — 60, в СССР — 500 миллибэр! Вот уж действительно — "что русскому здорово, то немцу (или янки) — смерть!"

Почему же советские специалисты уверены, что для русского такие дозы не опасны? Причин тут несколько, и одна из них раскрыта в той самой книге под редакцией А. П. Александрова.

Основная мысль авторов: снижать радиацию до "экономически оптимальной", а людям, находящимся в зоне повышенного риска, компенсировать ущерб, причиненный их здоровью в каждом конкретном случае. При этом, в отличие от практики западных стран, в круг лиц, имеющих право на компенсацию, входят лишь работники станций! Заметим, что, например, в США компания, владеющая АЭС, обязана выплатить огромную компенсацию любому, кто докажет, что его заболевание раком по всей вероятности связано с излучением АЭС. В каждом таком случае речь идет о многих миллионах долларов, так что подобная система стимулирует особые защитные меры для снижения радиации в окружающей среде.

В Советском Союзе все проще. Компенсация сводится к несколько повышенным окладам у работников АЭС. И это все. Впрочем, сюда можно еще добавить улучшенные условия лечения заболевших раком. Это относится и к работникам станции, и к тем, кто живет по соседству.

Вторая причина связана с тем, как устанавливался стандарт допустимой радиации. Советские стандарты предельно допустимых концентраций для загрязнителей воды и воздуха в 50-е годы считались образцом для подобных же стандартов во всем мире. Особенно с точки зрения научной методики их определения. Однако, когда возникла надобность установить допустимые нормы облучения, известных гигиенистов, работавших в институте им. Сысина, не пригласили даже для консультации. Все делалось "закрытыми" специалистами Комитета по атомной энергии. Как именно, на основании какой методики? Неизвестно. Советский человек должен верить "компетентным органам". Точка.

Но если бы советскому человеку и сообщили допустимые нормы радиации, что он мог бы сделать практически? Приборы для измерения радиации в магазинах не продаются. Их не выдают даже работникам станций. К чему? Есть штатные измерители и медики, которые проводят измерения на всех участках станции и сообщают результаты главному врачу. О тебе заботятся, за тебя решают, что полезно для твоего здоровья, а что нет. Еслихватишь лишку радиации, тебя известят. Зачем тебе поглядывать на счетчик Гейгера, работай спокойно...

Зная норму для работников АЭС (500 миллибэр), я склонен верить, что непосредственного вреда здоровью советские стандарты не несут. Иное дело — вред генетический. Ведь не с потолка взяли американские специалисты утверждение, что даже несколько миллибэр сверх природной нормы увеличивают риск генетических дефектов у потомков. Что же говорить о десятках и сотнях миллибэр? Где доказательства, что облучение по советским нормам не приведет к генетическим нарушениям у следующих поколений?

Может, американцы просто перестраховываются? Сами американцы такой возможности не исключают. Однако до тех пор, пока не накопились данные хотя бы за несколько десятков лет, они не хотят рисковать. По-моему, они правы.

Советские люди не знают и того немногого, что я пишу об американском подходе к проблеме. Их никто не спрашивал, что они предпочли бы: риск или перестраховку. А когда человека "оберегают" от правдивой научной информации, остаются слухи...

Говорят, сам академик Александров живет в районе института им. Курчатова, где находится большой реактор и счетчик Гейгера там щелкает — только держись! И ничего, все здоровы!

Но, с другой стороны, говорят, что Юлий Израэль, который долго занимался нормами радиации в атомной промышленности, а теперь стал председателем Комитета по гидрометеорологии и контролю природной среды, отсоветовал своему родственнику строить кооператив в районе курчатовского института...

И вот житель Курска, Запорожья, Ровно, Калинина, Ростова, Куйбышева, которому "подселили" атомную электростанцию, начинает взвешивать: какой из слухов более до-

стоверен? До меня тоже дошел один слух... Западных специалистов крайне удивила советская тенденция последних лет: строить АЭС и АТС (атомные теплостанции) у самой городской черты, без всякой промежуточной зоны, которая смягчила бы излучение в случае аварии. При посещении Нововоронежской АЭС президент американской фирмы по производству реакторов спросил у директора станции:

— Ну хорошо, я знаю, что вы не боитесь низких доз радиации, с вашей точки зрения это о'кей. Но вдруг появятся какие-нибудь террористы с самодельной ракетой? Как же это можно — совсем без зоны безопасности?

— Зона безопасности? — переспросил директор АЭС и уверенно ответил: — Это нам ни к чему. У нас вся страна — зона безопасности!

Если поверить заявлению директора (а я лично весьма склонен ему верить), то будущее ядерной энергетики в СССР видится отнюдь не в розовом свете. Можно ли рассчитывать на серьезное повышение надежности и безопасности советских АЭС до тех пор, пока все прочие порядки в "зоне безопасности" останутся прежними?.. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

КАК ЖАЛЬ, ЧТО ЗИНОВЬЕВ НЕ ДОЖИЛ ДО НАШИХ ДНЕЙ!

Как жаль, что до наших дней не дожили Энгельс, Маркс и Ленин, которые все глаза проглядели, ища ключа к английскому рабочему движению. Долгое время этот ключ не давался в руки. Теперь этот ключ найден, он в руках коммунистической партии, в руках левого меньшинства английских союзов, которые будут расти. Чем бы ни кончилась борьба в Англии в данный момент, она открывает новую эру для этой страны и всей Европы, она показывает, что тактика мировой революции, намеченная Коммунистическим Интернационалом, есть единственно правильная реальная, верная тактика. Каждая стачка, каждый гул орудий, каждый грохот событий, который доносится до нас, подтверждает нашу правоту. Тактика Коммунистического Интернационала, кажущаяся многим нашим врагам фантастической, неверной, есть единственно правильный, разумный, реальный путь международного пролетариата к победе!

*Г. Зиновьев о бастующих горняках Англии
"Известия", 5 июня 1926 г.*

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

ВОЕНИЗАЦИЯ ЗА ТРИДЦАТЬ РУБЛЕЙ

Ввиду того, что стрелковый спорт является одним из наиболее верных средств военизации населения страны, а также для изжития недостатка в стрелковом оружии соответствующими органами сделано распоряжение о беспрепятственном ввозе в СССР малокалиберных винтовок под патроны бокового огня 22/100. Любой гражданин СССР имеет право получить посылкой или ввезти в пределы СССР винтовку указанного образца. При получении оружия из таможи требуется специальная виза административного отдела Московского Совета, который следит за тем, чтобы оружие шло не для спекуляции, а для личного потребления. Малокалиберную винтовку лучше всего выписывать из Германии, — с завода "ГЕКО". Винтовка вместе с пересылкой и пошлиной обходится около 30 рублей.

"Известия", 5 июня 1926 г.

ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ

Двадцать лет назад журналист Дэвид Биндер был корреспондентом журнала "The New York Times Magazine" в Болгарии. И вот теперь он отправился туда снова, как он пишет, "довольно неохотно". Он до сих пор не забыл неприязненного отношения болгарских властей, не скрывавших свою враждебность к американцам, ставшую частью государственной политики. Правительство Болгарской Народной Республики дважды изгонило Д. Биндера из страны; причиной было недовольство властей его репортажами.

Разумеется, за прошедшие годы я нашел в Болгарии много перемен, начиная с большей доступности продуктов, одежды и жилья и кончая значительным улучшением обслуживания иностранных корреспондентов (что делает теперь за особую плату специальное агентство). Даже обстановка отеля стала гораздо комфортабельней, чем прежде, и ресторанная пища вполне приемлемой. (Не говоря уже о том, что вино "Гамза" — просто великолепно!)

Столицу Болгарии Софию (болгары ставят ударение на первом слоге), расположенную в большой, красивой долине, местные жители считают самым зеленым городом Европы. И действительно, все ее прямые, как стрела, улицы окаймлены рядами деревьев.

София была основана во II веке римским императором Траяном на месте бывшего фракийского поселения, и остатки древних крепостных сооружений сохранились и тщательно охраняются до сих пор. Архитектура города — гармоничное сочетание византийского, турецкого и венецианского стилей.

Византийский стиль чувствуется и в болгарской политической жизни. София, с ее ядовито-желтыми такси, разбитыми дорогами и тысячами убогих цыганских лачуг, кажется местом, весьма подходящим для старомодных заговоров и международных интриг, но едва ли там могло планироваться столь сложное и замысловатое предприятие, как покушение на папу римского.

Тем не менее в этом обвинили в 1982 г. именно Болгарию — когда турок, пойманный на месте преступления с оружием в руках, Ахмед Али Агджа, заявил, что существует заговор, главой которого был начальник отделения авиакомпании "Балкан" в Риме Сергей Антонов и, кроме него, еще два болгарина. Разумеется, болгары тотчас отвергли предъявленные им обвинения, как "абсолютно нелепые". Кто прав — предстоит решить суду, который вскоре должен закончиться в Риме. Однако независимо от исхода суда Болгария уже запятнала себя не одним преступлением.

Таким, например, было убийство в 1979 г. в Лондоне болгарского эмигранта, журналиста Георгия Маркова, известного своей критикой болгарского вождя Тодора Живкова. Его прикончили на улице, уколов зонтиком, в котором содержался смертельный яд. Г. Марков скончался через 4 дня в возрасте 49 лет.

Затем выяснилось, что самая крупная экспортная компания Болгарии "Кинтэкс" занималась продажей оружия. Замминистра иностранных дел Любен Гоцев, у которого я брал интервью, сказал:

– Да, были такие отдельные случаи, когда оружие от "Кинтэкса" попадало в руки людей, враждебно относившихся к Соединенным Штатам...

Это были арабские террористы из Ливана и Ливии.

Далее было установлено, что болгарское правительство укрывает международных торговцев героином и другим наркотиками, доставляя их морским путем со Среднего Востока в Северную Европу.

А что происходит сейчас внутри самой Болгарии? Правительство проводит широкую, беспощадную кампанию, чтобы сделать страну "однородной", хотя испокон веков Болгария была многонациональным государством: в ней, помимо болгар, жили турки, цыгане, армяне и, в меньшем количестве, албанцы, греки, румыны и македонцы.

Как писал член Политбюро Болгарии Станко Тодоров, цель принудительной "болгаризации" – превратить Болгарию в однонациональное государство (какого Восточная Европа не знала за 3 тысячи лет своего существования!). В последней кампании по "болгаризации" этнического турецкого меньшинства погибло не менее двухсот гражданских лиц и военнослужащих (Amnesty International приводит даже цифру 500).

При всем том болгарское правительство (опять византийский стиль!) весьма болезненно воспринимает критические замечания по поводу проводимой им политики. Заминистра иностранных дел Гоцев собрал при помощи службы информации 4033 статьи из американской прессы, касающиеся Сергея Антонова, ныне находящегося под судом в Италии. Гоцев возмущается:

– Вина Антонова еще не доказана, а нас уже называют террористами и убийцами!

Боян Трайков, официальный представитель С. Антонова, принял меня в своем кабинете в Софии и повел туманный рассказ о том, что пребывание Агджи в Болгарии ровно ничего не значило – он, дескать, просто, по пути из Турции в Западную Европу хотел проездом поглядеть болгарский народ, города, отели и рестораны...

"А вся последующая кутерьма, – продолжал, улыбаясь, Гоцев, – была направлена не против Болгарии, а против Советского Союза. Она способствовала укреплению мнения о Болгарии, как о верноподданном сателлите Советского Союза.

А ведь наша страна совсем не так велика, чтобы поднимать вокруг нее такую шумиху во всем мире. И конечно, вся эта кампания была нацелена на СССР и социалистическую систему... Как на бильярде – бьешь по одному шару, чтобы он стукнулся о другой".

Действительно, эта страна с населением в 9 миллионов человек представляется наиболее надежным союзником Советского Союза, как была она надежным союзником России. В ее столице высятся памятники не только царю Александру II и собор Александра Невского, воздвигнутые в знак благодарности за освобождение Болгарии от турок в 1878 г., но и огромные монументы в честь Советской армии и статуи Ленина. Многие улицы названы в честь русских. Хотя в Болгарии нет ни советских войск, ни ракет, но в советском посольстве служат более пятисот человек, и западные дипломаты полагают, что большинство из них – военные и политические советники.

Советизация Болгарии началась в 1944 г., сразу же после вступления в страну армии маршала Ф. Толбухина. Болгарская коммунистическая партия, насчитывавшая тогда менее 11 тысяч членов, слепо верившая в силу советского оружия, показала себя самой жестокой, самой беспощадной партией из всех коммунистических партий, захвативших власть в Восточной Европе. Менее чем за год в Болгарии было вынесено 2138 смертных приговоров.

В конце 1945 г. самый знаменитый коммунист Болгарии Георгий Димитров был избран генеральным секретарем партии и премьер-министром Болгарии. Сталин, однако, быстро низвел его до уровня своей политической марионетки. В 1949 г. Димитров умер в Барвихе под Москвой, и ему наследовал его шурин Вылко Червенков, сталинист, вышколаченный в СССР.

В 1954 г., через год после смерти Сталина, в Болгарии появился свой собственный "домашний коммунист", политическая программа которого была не советской, а болгарской — Тодор Живков, бывший в последние годы Второй мировой войны политическим комиссаром партизанской бригады.

В настоящее время Т. Живков — самый старый коммунистический правитель в Европе. Он, находясь в партии на высших руководящих постах с 1945 г., пережил Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко и начало правления Горбачева. (А также попытку военного переворота в 1965 г.)

Дабы упрочить свое положение, Т. Живков не скупился в своих публичных выступлениях на такие высокопарные заявления, как: "Советский Союз и Болгария дышат одними легкими, и в их жилах течет одна и та же кровь!" В 1968 г. он без всякого зазрения совести присоединился к военной оккупации Чехословакии.

И все же утверждать, что Болгария является преданнейшим советским сателлитом было бы преувеличением. В 1984 г. уже давно запланированная поездка болгарского генсека в Бонн была неожиданно в последнюю минуту блокирована М. Горбачевым. Это, конечно, не могло не оскорбить болгарского лидера, который в отместку за унижение ответил рядом незапланированных визитов главам правительств Румынии, Финляндии, Франции и Японии, показав свою "независимость" от Москвы.

В октябре М. Горбачев сам посетил Болгарию в качестве главы коммунистической партии Советского Союза и в частной беседе сказал Т. Живкову, что больше не намерен терпеть, что Болгария продает в СССР всякую заваль, тогда как высококачественная продукция отправляется на Запад. Говоря о дальнейшем развитии отношений между обеими странами, М. Горбачев пригрозил урезать снабжение Болгарии нефтью.

Западные дипломаты утверждают, что Советский Союз никогда не считал Болгарию надежным союзником. Несомненно, Москва относится к Болгарии со смешанным чувством недоверия и зависти. Она не забывает, что это славянское государство в двух войнах оказалось на стороне Германии, а, приняв советскую систему, значительно усовершенствовала ее, так что сельское хозяйство, а также некоторые отрасли промышленности в Болгарии значительно более продуктивны, чем в СССР.

Советское правительство, по-видимому, не одобряет национальную политику Болгарии, направленную против нацменьшинств, боясь, что вызванное ее репрессиями напряжение может не понравиться мусульманам СССР, которых в Советском Союзе становится все больше. Так называемая болгаризация этнических меньшинств в стране — наиболее трагический эпизод правления Тодора Живкова. По словам некоторых болгарских политических деятелей, эта кампания была намечена еще в 1971 г. и лишь теперь начала проводиться в широких масштабах. Впрочем, по переписи 1946 г. в стране значилось около 250 тысяч болгарских македонцев, а в 1974 г. не было зарегистрировано ни одного. Уничтожены или внесены в графу "Прочие национальности"?

Не довольствуясь простым сокращением за последние 4 года количества зарегистрированных представителей национальных меньшинств, правительство принудило около 5 тысяч этнических албанцев, а также несколько тысяч цыган и армян поменять свои имена и фамилии на болгарские. Албания заявила по этому поводу официальный протест.

Наибольшего размаха кампания болгаризации приняла в августе 1984 г. на пороге всеобщей переписи населения. Правительство стремилось сделать страну этнически чистой, без каких-либо примесей разнородных культур. В декабре 1984 г. оно сосредоточило особое внимание на миллионе болгарских этнических турок, начав репрессии с южного района Кырджали. Турки оказали яростное сопротивление городской милиции и специальным отрядам, предназначенным для подавления сопротивления нацменьшинств. В городе Момчилграде дело дошло до кровопролития. Погибли десятки людей. В начале

января 1985 г. репрессии распространились на север страны. Целые районы были закрыты для иностранцев.

Обычно вооруженные отряды окружали селение и под угрозой оружия заставляли подписывать ходатайства об изменении имени и фамилии. Один иностранный турист, остановившийся на шоссе возле селения Яблонов и услышав стрельбу, спросил у какого-то солдата, что там происходит. Тот откровенно рассказал, в чем дело и добавил, что там уже убито около 30 человек — турок и солдат.

Правительство закрыло все турецкие школы (в 1951 г. их насчитывалось 1199), ликвидировало турецкую газету "Yeni Isik", прекратило радиопередачи на турецком языке и запретило разговаривать по-турецки в общественных местах. Началась массовая эмиграция турок в Румынию и Грецию.

В 1964 г. Тодор Живков заявил, что "турецкому меньшинству предоставлены все возможности для развития своей культуры и языка", а в 1984 г. в комиссии ООН сообщил, что в Болгарии процветают национальные меньшинства. Но в марте 1985 г. член Политбюро Станко Тодоров выступил в турецком поселении Новачево со следующей речью: "С конца 1984 г. и по настоящее время в нашей стране идет спонтанный и мощный процесс по восстановлению у наших соотечественников, носящих арабско-турецкие имена и фамилии, их истинных, болгарских имен. Эти наши соотечественники, изучив свое происхождение, осознали свои болгарские корни и принадлежность к болгарской нации. Этнические турки могут гордиться тем, что, наконец, дознались до истины — что они являются потомками болгар, насильственно "отуреченных" в эпоху, когда Болгарией правила Оттоманская империя".

Конечно, далеко не все были согласны с этой новой и для многих неожиданной версией своего происхождения. Начались протесты, даже террористические акты. Турки организовали крушение поезда на станции в Пловдиве в августе 1984 г. Это событие держалось в секрете, и только в мае 1985 г. главный прокурор республики Костадин Лютов подтвердил, что это действительно был террористический акт. Он также сообщил о взрыве поезда 9 марта 1985 г. Известно еще о нескольких взрывах бомб в универмагах, трамваях и отелях... Виновниками этих диверсий считают турок, и ненависть к ним в народе возрастает.

— Всех турок надо повесить, — сказал мне в кафе один студент. — Тем более, что они размножаются куда быстрее нас, коренных жителей.

По-видимому, "коренные болгары" начисто забыли, что сами-то они тоже тюркского происхождения; они появились на Балканах с востока.

*

Однажды Боян Трайков, тот самый, с которым я обсуждал дело Антонова, сказал мне:

— Нас считают тоталитарным, полицейским государством, где ни одна птица не пролетит незамеченной, где якобы все телефонные разговоры прослушиваются и за всеми иностранцами ведется слежка. В действительности ничего подобного у нас нет.

Тем не менее, разъезжая в автомобиле западногерманского дипломата, я убедился, что за мною следовали машины без номерных знаков — машины Государственной безопасности. А что касается подслушивания телефонных разговоров, то со мною произошел такой случай. Я позвонил из отеля в турецкое посольство и договорился о встрече в архиве на бульваре имени Толбухина. Посольство охранялось помимо милиционера, рослым парнем в форме с кожаным ремнем и кобурой. Это был член специального отряда, созданного для подавления турецкого населения. Я прошел в здание беспрепятственно, но на следующее утро меня разбудил телефонный звонок, и мужской голос произнес только два слова:

– Бульвар Толбухина.

– Что "Бульвар Толбухина"? – переспросил я.

– А то... "Бульвар Толбухина"... – и трубку повесили.

Мне стало не по себе. Ясно, что это было предупреждение.

Через несколько дней я поехал в горы, чтобы встретиться там с несколькими этническими турками. Турок я нашел без труда, но все они были крайне запуганы. Это были строительно-дорожные рабочие, и один из них рассказал, что в прошлом декабре все его односельчане были вынуждены изменить свои имена на болгарские. Некоторые сопротивлялись, произошла стычка, один человек был убит, а других "неподдающихся" отправили в лагерь для политзаключенных на остров Белену на Дунае.

Один из турок показал мне свой новый паспорт с болгарским именем и фамилией. Другой рассказал, что их бригадир – болгарин предупредил всех рабочих-турок о том, что им запрещено общаться с иностранцами. Замеченные в нарушении запрета будут немедленно уволены. Когда мимо нас по горной тропинке проходил кто-нибудь, все сразу же умолкали.

Но все же они успели рассказать о многих своих невзгодах, о том, что все мечети закрыты, о том, что этнические турки, вероятно, не будут допускаться в высшие учебные заведения, что туркам будут платить за работу меньше, чем болгарам. А на мой вопрос, чем они объясняют такие репрессии, мне ответили:

– Правительство боится, как бы мы не потребовали федерации.

Я спросил:

– А вы эмигрировали бы, если бы вам разрешили?

– Нет, – ответили несколько человек, – мы здесь родились и здесь умрем...

Тодор Живков похвастается, будто превратил Болгарию в "Балканскую Японию". Это, конечно, большое преувеличение, но все же тот, кто побывал в Болгарии 20 лет назад, не может не заметить происшедших за это время огромных перемен, особенно в сельском хозяйстве.

В настоящее время Болгария производит 25% электроэнергии на атомных электростанциях, а к 2000 г. запланировано довести эту цифру до 50%. На улицах больших городов полно автомобилей, часто бывают даже заторы. Витрины магазинов заполнены товарами и продуктами. Несомненно, это результат многих лет напряженнейшего труда – известно, что болгары прекрасные и дисциплинированные работники. Это отразилось и на повышении жизненного уровня населения.

Средняя зарплата в Болгарии – около 250 левов в месяц (240 долларов по официальному курсу). Но обычно в семье работают двое или более.

Чрезвычайно суровая зима 1984–85 гг. нарушила электроснабжение и создала нехватку продуктов. "Она выбила нас из колеи", – сказал один болгарин. К сожалению, болгарская социалистическая система с ее маниакальным стремлением к выполнению планов, не принимает в расчет капризы погоды и стихийные бедствия. Поэтому прогноз на предстоящую зиму довольно мрачный, и уже с осени ежедневно на два часа прекращается подача электроэнергии.

Один западногерманский инженер, который колесит по всей Болгарии, обслуживая наиболее сложную заводскую технику, сказал:

– Они отстали от Запада на 15–20 лет, и еще долго останутся на этом уровне, потому что у них нет возможности развить собственную индустрию современных сложнейших средств производства.

Он объясняет отсутствие побудительных мотивов для развития и усовершенствования производства тем, что болгарские инженеры зарабатывают ненамного больше, чем рядовые рабочие. Но он с восхищением отзывался о предприятиях, на которых "такая же чистота и порядок, как на штуртартских заводах. И работают люди прекрасно".

Относительно процветающее сельское хозяйство Болгарии основано на крупных агроиндустриальных комплексах, специализирующихся на выращивании винограда, фруктов и овощей, а также на животноводстве. Болгарская сельскохозяйственная продукция проникает на западные рынки, хотя почему-то лучшие вина не экспортируются.

Около 28% сельскохозяйственной продукции производится на 13% земли, сдаваемой государством фермерам внаем. В плодородной долине реки Струмы я часто видел крестьян, возделывающих по воскресеньям свои частные наделы мотыгой. Однако многие приезжают на свои участки в автомобилях (большой частью советского производства), что для болгарских крестьян является совершенно новым видом передвижения. Поддержке частного землепользования крестьяне отчасти обязаны Т. Живкову.

Тодор Живков стал Генеральным секретарем болгарской компартии в 1954 г., возможно, благодаря тому, что особенно яростно осуждал "культ личности" своего предшественника, Вылко Червенкова. Однако теперь постепенно возникает культ личности самого Т. Живкова. Так, Правец, в котором он родился, из заурядной деревушки превращен в современный город с новой многоэтажной школой, отелем, заводом, производящим компьютеры, и образцово-показательной молочной фермой. А в сквере напротив Дворца культуры установлен бюст самого удачливого из обитателей бывшей деревни, Тодора Живкова. В музее Дворца культуры — ряд фотографий, отражающих важнейшие эпизоды из жизни вождя. Выпущен уже 29-й том собрания его печатных трудов, хотя дошли только до 1979 г.

Т. Живков мало похож на того человека, каким я его видел примерно 20 лет назад на похоронах одного из румынских вождей в Бухаресте. Тогда Анастас Микоян и прочие коммунистические лидеры болтали между собой, шутили и смеялись, а Тодор Живков сидел отдельно от них у стены, и никто с ним не заговаривал. Поскольку я только что был выслан из Болгарии, у меня тоже не было ни малейшего желания общаться с ним.

Дочь Живкова Людмила закончила в 1966 г. университет, после чего отец сразу же ввел ее в партию. В 1975 г. она возглавила Государственный отдел культуры, через 4 года была избрана в Политбюро, и некоторые политические наблюдатели полагали, что она продолжит династию Живковых. Но в 1981 г. было сообщено, что Людмила погибла в автомобильной катастрофе. В народе же распространились слухи, — что естественно для страны, в которой отсутствует свободная пресса, — будто Людмилу отравили советские врачи за ее склонность к национализму. Ее память увековечена "Национальным Дворцом культуры им. Людмилы Живковой" — одним из самых высоких и самых безобразных зданий в стране.

Мне хотелось бы снова вернуться к неистовому национализму, царящему в Болгарии. Один западный дипломат, чей сын учился в болгарской школе, рассказывал мне, что на занятии по военному делу преподаватель-офицер заявил ученикам, показывая карту Болгарии:

— Вот здесь — наша родина. А если бы не военная угроза со стороны НАТО, мы все жили бы вот тут... И развернул карту средневековой "Великой Болгарии", охватывающей большую территорию современной Греции, Югославии и Албании.

*

И все же, справедливости ради, следует отметить, что большинство молодых болгар, с которыми мне довелось встречаться, не разделяют крайних националистических взглядов. Подобно своим сверстникам во всем мире, они очень интересуются рок-музыкой и джинсами, все чаще употребляют иностранные слова вроде "чао" и "мерси". В церквях на праздники много молодежи.

Поэтому невольно задаешь себе вопрос — как долго сможет правительство Тодора Живкова проводить в жизнь атаквистический национализм, доходящий до принуждения граждан изменять свои имена на болгарские? Почему государство, стремящееся пробиться в ряды технически высокоразвитых стран, не боится международного осуждения (чтобы не сказать — позора), занимаясь торговлей оружием и наркотиками, а также различными политическими интригами?

Отчасти ответ на это может дать история Болгарии. Ведь в Средние века границы Болгарии простирались от Черного до Эгейского моря, а в IX и XIII столетиях даже до Адриатики. Современная столица Югославии Белград была тогда просто одной из болгарских крепостей, такой же, как греческий город Салоники. Однако в течение пяти из шести последних столетий Болгария перестала существовать как независимое государство, превратившись в часть Османской империи. Как писал великий болгарский писатель Иван Вазов, страна очутилась "под турецким игом". Движение за освобождение началось только в 1878 г., когда в страну вошли русские войска.

— Болгары никогда не смогли бы сами добиться свободы, — заметил один македонец из Югославии. — Даже после того, как русские их освободили, они сумели выиграть лишь одну короткую войну в 1885 г.

— История Болгарии чрезвычайно причудлива, — продолжал он, — в трех войнах они неправильно выбирали своих союзников. И потому потерпели поражение и во Второй Балканской войне, и в Первой и Второй мировых войнах. Им не следовало объединяться с Германией...

В три критических исторических момента, менее чем за три десятилетия, болгары делали ложные шаги... Кто знает, правильно ли они поступают в настоящее время, заключив союз с Советским Союзом? — закончил македонец.●

ЧАУШЕСКУ ПРИ ЖИЗНИ И ПОСЛЕ СМЕРТИ

Румынский прогноз

Сколько еще проживет диктатор? Газеты разных стран единодушно предрекают больному Николае Чаушеску скорый конец.

Пророчества эти, по всей видимости, поспешны. Судя по сообщениям из Бухареста, несменяемый генеральный секретарь и президент еще довольно крепко держится на ногах. Вообще же здоровье коммунистических властителей, как известно, — сугубая государственная тайна. Самое понятие брэнности применительно к собственной персоне эти земные боги усваивают с великим трудом. А представителю клана долгожителей (отец Н. Чаушеску дожил до 90 с лишком) гипотеза бессмертия тем более покажется правдоподобной. Откуда же такое напряженное внимание к телесному состоянию отнюдь не древнего — всего 68 лет — хозяина? Прежде всего из-за катастрофического положения страны. По-видимому, никогда за всю свою далеко не идиллическую историю, даже в периоды многочисленных войн, бушевавших на ее территории, Румыния не переживала подобной драмы. Сейчас там шутят: "Если бы немножко больше еды, освещения и отопления, совсем было бы как во время войны". Мы не будем описывать в подробностях неслыханный экономический, культурный и социальный крах, к которому привели Румынию два десятилетия правления Чаушеску. Остановимся на еще одной причине повышенного интереса зарубежной прессы к румынским делам — проблеме преемника. Кто возьмет в свои руки власть после смерти Чаушеску? Все ключевые посты в государстве правитель распределил среди своих многочисленных родственников (и родственников жены). Он основал первую в Европе и вторую в мире коммунистическую

династию (пример подала Северная Корея, где наследником Ким Ир Сена официально провозглашен его сын.)

Здесь нет возможности излагать все гипотезы о судьбе Румынии, высказываемые западной печатью. Ограничимся кратким анализом нескольких наиболее аргументированных сценариев.

Сценарий 1. Народное восстание. Доведенные до крайности многолетними лишениями, полицейским террором, отсутствием элементарных свобод, широкие массы румынского населения стихийно поднимутся, чтобы сбросить клан Чаушеску. Восстание будет поддержано Западом.

На наш взгляд, это — романтическая, полностью оторванная от действительности греза, стремление выдать желаемое за действительное. К сожалению, те, кто помышляет об этом, склонны игнорировать объективные, да и субъективные факторы, от которых зависит поведение масс. Прежде всего не учитывается то, что у румын почти не развиты традиции массовых движений. Кажется, что это одна из наименее беспокойных наций Центральной и Восточной Европы. Революционные движения в этой стране были редки и мимолетны. Единственное сравнительно недавнее исключение — крестьянское восстание 1907 г., во время которого погибло 11 тысяч человек. Но и в этом случае столь большое число жертв объяснялось не столько размахом движения, сколько жестокостью, с которой оно было подавлено.

У румын нет воинствующей и стойкой церкви и мощной, активной профсоюзной традиции, как например, в Польше. Нет здесь и фронта сопротивления интеллигенции типа чехословацкой "Хартии-77" или сплоченной группы воинственно-критических писателей и художников, как в Венгрии. Немногие "протестанты" из среды творческой интеллигенции: Паул Гома, Йон Карайон, Вирджил Тэнасе, Дорин Тудора — эмигрировали из страны либо по доброй воле, либо по принуждению. Других вольнодумцев судьба предусмотрительно убрала с дороги румынских властителей. Землетрясение 1977 г. унесло Анатоля Баконски, А.Ивасюка. В начале 80-х годов при странных обстоятельствах умер Марин Преда. В Румынии нет диссидентского движения, а следовательно, нет и таких представительных личностей, как Андрей Сахаров, которые способны повести за собой других. Не имеют хождения машинописные тексты, хотя бы отдаленно напоминающие "самиздат". Это невозможно еще и потому, что в последнее время введена обязательная регистрация всех пишущих машинок с образцами шрифта. Сейчас такой учет проводится дважды в год. Все это не означает, что мы разделяем широко бытующее мнение о "врожденной" или "исторической трусости" румынского народа. Правильнее было бы говорить об исторической пассивности, которая ныне усугубляется еще и скепсисом — все помнят о горьком опыте ближайших соседей. Ни во время событий в Венгрии в 1956 г., ни во время удушения "чехословацкой весны" в 1968 г., ни при разгроме "Солидарности" в Польше активной помощи никто не оказал. Симпатии Запада всегда оказывались платоническими. Заявления о сочувствии не подкреплялись конкретными и эффективными мерами. Румыны внимательно следят за происходящим и отлично понимают, что для их страны, со всех сторон окруженной коммунистическими государствами, единственный результат, к которому может привести массовое восстание, — это вооруженное советское вмешательство.

И, наконец, полицейский террор, безжалостное подавление любого протеста, даже не проявившегося (достаточно напомнить случай инженера Г.Урсу, зверски замученного в конце прошлого года службой безопасности за неопубликованный дневник), поощрение доноительства как патриотического долга и все прочее оружие из арсенала диктатуры сталинского типа делают столь же невозможным массовое движение в Румынии 80-х годов, как это было в СССР 30—50-х годов.

Сценарий 2. Дворцовый переворот. Осознав глубину катастрофы, до которой

Чаушеску довел Румынию, политические противники из ближайшего окружения диктатора организуют заговор с целью отстранить его от власти.

Возможность такого поворота событий опровергают человеческие и политические особенности окружения Чаушеску: и партийно-правительственного аппарата, и вооруженных сил, и репрессивных органов. Все высшие сановники страны обязаны своей карьерой и положением либо самому Чаушеску, либо его супруге, либо его сыну Нику, либо всей этой троице. Общеизвестно, что здесь выбирают сотрудников **п р е д а н н ы х**, даже если они и **б е з д а р н ы**. Мы позволим себе утверждать, что предпочтение заведомо отдается и **п р е д а н н ы м**, и **н е с п о с о б н ы м** в равной мере, потому что ими легче манипулировать. Николае и Елена Чаушеску постоянно напоминают своим ставленникам об их бездарности в самой резкой форме: грубыми окриками в повседневном обращении, публичной критикой (даже если в своих выступлениях Чаушеску не называет неугодившего по имени, он упоминает возглавляемое им учреждение, что делает идентификацию весьма легкой). С особенным шумом происходят смещения, когда неугодных снова повергают во тьму безвестности, откуда их в свое время извлекал прихоть господина.

Румыния держит абсолютное европейское, а возможно, и мировое первенство по частоте смены руководящих партийных и правительственных кадров. Нигде продолжительность активной жизни политического лица или продолжительность его функционирования в одной и той же должности не является столь краткой, как в стране, управляемой "Николае I". Все три члена этой семьи со страстью предаются шахматной игре, в которой перестановки и выбрасывание фигур совершаются с головокружительной быстротой. Возведенная в принцип "ротация" получила обоснование в речи Чаушеску на рабочем совещании ЦК в сентябре 1979 г. Эта карусель премьеров, министров, партсекретарей всех рангов, мэров, военачальников, директоров учреждений и т.д. якобы предотвращает "рутинизацию". Действительная цель, конечно, иная. Семейство Чаушеску опасается, что длительное пребывание одного и того же лица на высоком государственном или партийном посту может привести к возникновению у него фундамента власти; образуются связи и в результате появится группа, поддерживающая данного руководителя. Это Чаушеску считает в высшей степени опасным для себя и своих наследников. Но, может быть, не менее важно и другое соображение. Играя — в прямом смысле слова — профессиональными и политическими судьбами своих сотрудников, Семейство демонстрирует им и всему румынскому народу, что высшие чиновники — всего лишь пешки. Клан Чаушеску в любой момент может их убрать с доски, поставив другие. Орвелл ввел некогда термин "non-person" для обозначения **б ы в ш и х** политических фигур, вышедших в тираж, ставших как бы несуществующими, даже если их физическое существование продолжается. Чаушеску обогатил это понятие: в сегодняшней Румынии, исключая членов семьи Чаушеску, даже **н ы н е ш н и е** политические фигуры лица не имеют, словно тыняновский подпоручик Кижэ. Они лишены индивидуальности и поступков. В ежедневной печати, на демонстрациях, плакатах и пр., можно видеть только два портрета — Его и Ее. В газетах и журналах и без того редкая информация о деятельности премьер-министра, министра иностранных дел и других ответственных лиц никогда не содержит в заголовке их имен: они затеряны в тексте сообщения. В недавно вышедшем томе "Румыния, 1965—1985", который представляет собой хронологию важнейших событий двух последних десятилетий, **н е н а з ы в а е т с я** ни одного имени, кроме Николае, Елены и Нику Чаушеску. В тех редких случаях, когда упоминаются и другие правительственные и партийные функционеры, формулировки звучат примерно так: "Такого-то числа премьер (министр иностранных дел) СРР посетил..." А имя деятеля остается неизвестным.

Не приходится удивляться, что ни один из приближенных Семейства не пользуется никаким доверием у румынского общественного мнения; более того, он для него

почти не существует. Да и сами сановники понимают, что их судьба неразрывно связана с судьбой клана Чаушеску. Это обстоятельство может сыграть решающую роль, когда возникнет проблема преемственности. Не представляя самостоятельной ценности, не пользуясь авторитетом, полностью скомпрометированные катастрофической хозяйственной, социальной и культурной политикой вождя, — какую платформу могут занять эти приспешники диктатора, когда он физически исчезнет? Любой "внеклановый" преемник, а тем более противник Семейства, немедленно сбросит его с занимаемых постов, а то и призовет к ответу. Единственный шанс политического выживания или хотя бы спокойного существования — продолжение династии.

И, наконец, существование мощного аппарата репрессий фактически исключает гипотезу дворцового переворота. Когда один брат властителя возглавляет безопасность, а другой — армию, шансы заговора близки к нулю. Сама его подготовка невозможна без некоторой свободы действий, а о ней нет и речи в нынешних условиях. В Румынии при каждом ставленнике режима имеется телохранитель, а у дверей дома — часовая. Теоретически их назначение — охрана высокопоставленного лица и его семейства. В действительности же это неприкрытая форма слежки. Каждый сановник знает, что его охрана докладывает, с кем и где он встречался, как долго продолжалась беседа, как часто бывают подобные встречи. Ему известно, что в кабинете и дома установлены подслушивающие устройства, а все телефонные разговоры тоже прослушиваются. Не случайно специалисты по Румынии в своих прогнозах до последнего времени не называли потенциальных "внеклановых" преемников. Правда, в последнее время появились на горизонте два имени, но об этом ниже.

Сценарий 3. Вмешательство СССР. По каким-либо причинам СССР воспользуется смертью Николае Чаушеску, чтобы отстранить от правления его родню. Догадки на эту тему довольно многочисленны. Приписываемая Кремлю мотивация весьма разнообразна, начиная с недовольства Москвы "независимой политикой" Чаушеску и кончая обеспокоенностью драматическим положением румынского народа. Одна из самых недавних и самых причудливых теорий — появившееся в январе нынешнего года исследование сотрудника радиостанции "Свободная Европа" Владимира Сокоора (журнал "Lupta", № 55, 22 марта 1986). В.Сокоор полагает, что "новое кремлевское руководство, действующее в направлении экономической децентрализации и большей автономности решений, может потребовать десталинизации Румынии", что представляется "наихудшим вариантом для Запада". Неясно, однако, почему Горбачев, который пока не торопится с десталинизацией Советского Союза, вдруг поспешил бы дать ход этому процессу в Румынии. А случаев, когда СССР прибег бы к смене руководства в странах-сателлитах, движимый заботой о благе их населения, вообще нельзя припомнить. Наоборот, не исключено, что советское руководство не без скрытого удовлетворения следит за экономическим провалом Румынии. Дело в том, что в 1964 г., когда правители этой страны проявили свой "норов", опубликовав "Декларацию", претендующую на самостоятельность политики и свой собственный путь к коммунизму, вина за послевоенную отсталость страны полуофициально возлагалась на Советский Союз. Сегодняшние беды уже трудно взвалить на соседа — сами дохозяйничались! А как известно, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Мы не видим причин, по которым СССР вмешался бы в процесс смены правителя Румынии. Перспективы национального восстания маловероятны. Протесты, которые могут иметь место, окажутся настолько изолированными и локальными, что румынская служба безопасности легко справится с ними, не доставляя хлопот Москве.

Кроме того, в случае Румынии, о чем тоже уже говорилось, СССР не рискует оказаться с "прорванной" линией фронта, как это могло произойти в случае Венгрии, Чехословакии и Польши. Румыния со всех сторон окружена странами коммунистического блока, и даже Югославия не вступит в конфликт с Москвой из симпатии к Бухаресту.

Не менее важно, что когда речь шла о Венгрии, Чехословакии, Польше, для Кремля существовала реальная угроза серьезных отклонений от марксистской ортодоксальности в политике, экономике, в области трудовых отношений. Движение И.Надя к плюрализму, А.Дубчека — к "социализму с человеческим лицом", воинственность польской "Солидарности" и католической церкви — все это причины, которые действительно могли мобилизовать политические, дипломатические и военные силы Советского Союза.

Представляется ли Чаушеску советскому руководству еретиком, вставляющим палки в колеса восточноевропейского коммунистического блока? Едва ли. Во внутренней политике бухарестский режим даже превосходит советский своей ультраортодоксальностью. Бравлируя же "самостоятельностью", правящее Семейство привело Румынию к медленной, но верной реинтеграции в советский блок. Участие в Варшавском договоре было недавно продлено на 20 лет, так же, как и двусторонний договор с СССР о сотрудничестве и взаимопомощи. В августе 1968 г. Чаушеску осудил было вторжение в Чехословакию, но почти сразу же замолчал, а сегодня он уже лобызается со ставленником Советского Союза Гусаком. Если вначале Румыния неодобрительно отнеслась к советскому вмешательству в Афганистане, то ныне в ее печати нет даже робких намеков на присутствие там советских войск. В тех редких случаях, когда появляются упоминания об этой стране, высказываются лишь самые общие фразы о том, что Румыния — "против любого вмешательства извне". Если еще в 1983 г. Чаушеску среди причин напряженности на Ближнем Востоке отважился упомянуть и усиление советского военного присутствия в этом районе, то теперь он предпочитает помалкивать. Его отношения с военной диктатурой Ярузельского носят самый сердечный характер.

Исторический опыт показывает, что СССР не вмешивается в дела наследования власти, когда коммунистические лидеры мирно заканчивают свой век. Даже когда речь шла о таких отщепенцах, как Мао или Энвер Ходжа, их кончина не сопровождалась попытками СССР навязать своих ставленников, хотя тут выигрыш был бы несравненно больше, чем в случае Румынии.

Ни у Москвы, ни тем более у самих румын нет подходящей кандидатуры и нет группы, которую можно было бы посадить на место Семейства. Правда, с недавних пор в западных газетах стали мелькать имена бывшего министра иностранных дел Штефана Андрея и еще одного деятеля — Йона Илиеску. Трудно оценить обе эти кандидатуры. Штефан Андрей ныне — секретарь ЦК РКП, занимающийся мелкими инспекциями в провинции. Что касается Йона Илиеску, то его прочат в преемники Чаушеску только на том основании, что он якобы учился вместе с Горбачевым. В настоящее время Илиеску возглавляет техническое издательство. Вряд ли он сможет сразу перескочить с должности директора издательства на пост генерального секретаря. И даже если Илиеску — личный друг Горбачева и взыскан его милостью, это еще недостаточное основание для советского лидера назначить его на высокий пост в румынской иерархии, а тем более, заранее открыть карты, подвергнув Илиеску опасности.

Самым реальным вариантом представляется продолжение правления Семейства и после Чаушеску: оно располагает всеми ключевыми позициями в партии и правительстве, включая и аппарат подавления. Ему не придется иметь дело с сильной оппозицией ни среди населения, ни из числа бывших и нынешних политиков. Оно почти не рискует встретиться с враждебностью Советского Союза.

Возможно, власть вначале перейдет к Елене Чаушеску. Уже сегодня она все более откровенно играет роль соправительницы мужа. Придворные барды подчеркивают, что в прошлом румынские женщины "трудилась рядом с мужьями или вместо них..., сражались с ними рядом или вместо них, если те гибли в борьбе" ("Lucaferul", 4 января 1986). Вопрос о том, получит ли сын Нику свою долю пирога, решит время. Пока же на вопрос: "Кто после диктатора?", мы ответили бы парафразой известной формулы: "Чаушеску умер, да здравствует Чаушеску!" ●

В. Догмарова, Н. Аурелиу

Иржи и Вирджиния ВАЛЕНТА
(Майами, США)

САНДИНИСТЫ У ВЛАСТИ

Революционная среда

Географическое положение Никарагуа, его история, социально-экономические условия — все это создало питательную среду для возникновения в этой стране партизанского движения. Это государство расположено очень близко к США. Американские государственные деятели по традиции считали Никарагуа стратегически важным для себя районом. Поэтому они были склонны вмешиваться в дела Никарагуа как прямо, так и косвенно, для защиты, как им представлялось, их собственных интересов. Вмешательство США привело к возникновению в Никарагуа определенной "американофобии", смягчавшейся, правда, взаимной симпатией, существовавшей между двумя этими народами. Малонаселенный северо-восточный горный район Никарагуа по традиции служил убежищем для партизанских отрядов, будь то силы националистов генерала Аугусто Сезара Сандино в конце 20-х гг. или Фронта Национального Освобождения в 60-х и 70-х гг. Созданная Сандино Армия защиты национальной независимости, состоявшая в основном из никарагуанских крестьян, но пополнявшаяся добровольцами из других стран Латинской Америки, в 1927—1933 гг. проводила партизанские операции против американских морских пехотинцев, несколько раз вводившихся в страну, начиная с 1909 г., и вернувшихся в Никарагуа в 1927 г.

Сам Сандино, хотя Фронт Национального Освобождения (СФНО) и пытался задним числом подправить его образ, не был ни ленинцем, ни марксистом, ни социалистом. Не был он и просоветски настроенным "антиимпериалистом". Основной целью Сандино было добиться изгнания из Никарагуа американских морских пехотинцев. После того как они в 1932 г. покинули страну, он заключил с проамериканским правительством Никарагуа мир. Коминтерн, правда, пытался извлечь выгоду из борьбы Сандино и "наставить его на путь истинный", — для чего воздействовал на него с помощью его личного секретаря, Аугустино Фарабундо Марти, основателя коммунистической партии Сальвадора. Однако в 1930 г. Сандино порвал все отношения с Коминтерном и вывел Марти из своего окружения. Коминтерн осудил это "предательство". Перед своей казнью в 1932 г. сам Марти заявил: "Сандино не желал принимать мою коммунистическую программу. Он поднял лишь знамя независимости, освобождения, в то время как моей целью было социальное восстание".

Тем не менее, СФНО впоследствии оживил и отретушировал образ Сандино, превратив его в воплощение антиимпериалистической революции. Основатель Фронта Карлос Фонсека и другие лидеры, такие как Серхио Рамирес, спасли писания Сандино от забвения, а Эрнесто Карденал украсил миф о Сандино эпической поэмой "Час О", в которой рассказывается о смерти Сандино от рук национальных гвардейцев Анастасио Сомосы.

Главными катализаторами повстанческого движения СФНО явились слабое социально-экономическое развитие страны и политические репрессии режима династии Сомосы. Никарагуа унаследовала от испанского колониального владычества резкое классовое расслоение. Авторитарная политическая традиция, в которой демократические тенденции не могли пустить корней, поддерживалась в первую очередь привилегирован-

ным меньшинством, состоявшим из крупных помещиков, хозяйство которых было ориентировано на экспорт. Первый Сомоса управлял страной, опираясь на поддержку Национальной гвардии, коррупцию в рядах которой он поощрял; он тесно сотрудничал с правящей либеральной партией, дружественно настроенными бизнесменами и помещиками, умело манипулировал внутренней оппозицией. Ему на смену пришел его сын Луис, управлявший сравнительно мирной страной в 50-х и 60-х годах.

Династия начала приходить в упадок в 70-х гг. при наследнике Луиса — его брате Анастасио (Тачито) Сомосе, выпускнике американской военной академии в Вест-Пойнте. Как заметил Режи Дебре, "лучшим союзником Фронта сандинистов был сам Сомоса". Тачито, такому же продажному, как и его предшественники, не хватало их искренности политическими манипуляциями. Это наглядным образом проявилось в том, как Сомоса справлялся с последствиями землетрясения в Никарагуа в 1973 г., унесшем 10 тысяч жизней. Созданные после этой трагедии фонды помощи бессовестным образом разворовывались, в то время как столица лежала в развалинах. Сомоса продолжал эксплуатировать экономику Никарагуа для собственной выгоды, фальсифицировал свое переизбрание в 1974 г., пренебрежительно относился к самым насущным социальным нуждам народа; все это в значительной степени подорвало законность режима, восстановило против него большинство населения, посеяло семена революции.

Дорога к власти

После победы СФНО в 1979 г. в США и Западной Европе было модным рассматривать никарагуанских революционеров в качестве националистов или, в худшем случае, запутавшихся социалистов-радикалов. Тщательное изучение существующих материалов позволяет, однако, предположить, что СФНО уже с момента образования возглавляли убежденные революционеры ленинской ориентации, с давними связями в кубинской компартии и в меньшей степени — в КПСС. Хотя СФНО временами приходилось туго, а в начале 70-х гг. он едва не был уничтожен, ему в конечном итоге удалось преодолеть фракционную борьбу, и он утвердил себя в качестве "авангарда" ленинской ориентации — иными словами, элитарной организации, работающей под единым командованием в соответствии с принципом демократического централизма. Прагматический СФНО, стремившийся к союзу с различными антисомосовскими элементами, последовательно использовал ошибки Сомосы и добился успеха, превратив едва тлевшую партизанскую борьбу в успешное народное восстание.

Сам Сомоса тоже ошибочно расценил СФНО и его руководство. Для него "все это началось" только в 1963 г., когда СФНО расширил свою деятельность в северо-восточном районе Никарагуа. Однако появление организованной ленинской партии в Никарагуа на самом деле следует отнести к июню 1944 г., когда была создана Социалистическая партия Никарагуа (СПН). В соответствии со сталинской военной стратегией объединенного фронта СПН поддерживала режим Сомосы, выступая в то время вместе с Соединенными Штатами как участник антифашистского блока. Карлос Фонсека, один из создателей СФНО, активно действовал тогда в Союзе социалистической молодежи Никарагуа — организации, созданной СПН среди студенчества. Фонсека и его друг Томас Борхе организовали коммунистическую группу среди студентов университета в никарагуанском городе Гранада. Фонсека и Борхе были недовольны слабым и консервативным руководством СПН, которая все еще считала Сандино мелкобуржуазным националистом; впрочем, нет свидетельств, что они открыто критиковали советскую внешнюю политику, определявшую позиции СПН. Напротив, Фонсека примкнул к советской линии, когда под эгидой Социалистической партии он принимал участие в Шестом Международном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 г. После пребывания в СССР Фонсека изложил свои просоветские взгляды в книге "Никарагуанец в Москве", в которой он назвал Советский Союз страной, где существует свободная печать и полная свобода религии.

Успех кубинской революции 1959 г. дал новую пищу для критики со стороны Фонсеки и Борхе ненасильственной стратегии СПН. К этому времени Фонсека, Борхе и их друг, бывший активист СПН Сильвио Майорга, полностью разочаровались в "патристской линии" этой партии. Все трое встретились в 1961 г. в столице Гондураса Тегусигальпе и создали там партизанскую организацию, построенную по модели, разработанной Кастро и Геварой. Первоначально организация называлась просто Фронт Национального Освобождения; прилагательное "сандинистский" было добавлено год спустя. Не все первые члены Фронта были коммунистами или даже марксистами — к примеру, полковник Сантос Лопес, ветеран армии самого Сандино, был включен в состав Фронта не по идеологическим соображениям, а из-за своего знания партизанской тактики. Фронт, число участников которого сократилось до нескольких десятков в результате сражений с национальными гвардейцами в ходе кампаний у реки Коко (1963) и в районе Панкасан (1967), в 60-е годы оставался небольшой организацией без массовой поддержки. Деятельность Фронта показала, насколько трудно выходцам из среднего класса с университетским образованием добиться поддержки крестьян в стране с резко выраженной классовой структурой. В середине 60-х годов в ОФНО вступили Даниэль и Умберто Ортега — сыновья ветерана армии Сандино.

Руководители Фронта, видя, что их романтически-революционные попытки приносят скудные плоды, начали искать более реалистическую стратегию. Фонсека, в частности, призывал выработать "четкую марксистско-ленинскую идеологию". В области тактики к 1969 г. движение разработало новую программу, основанную на концепции "затяжной народной войны". Эта программа предусматривала продолжительные восстания в сельской местности, сходные с теми долгими партизанскими войнами, которые предшествовали победам революционеров во Вьетнаме и Китае. Главными стратегическими целями Фронта были вооруженный захват власти и установление "революционного правительства, базирующегося на союзе рабочих и крестьян".

Чтобы укрепить дисциплину, руководители Фронта, которые к тому времени определенно считали себя "организацией авангарда", образовали в 1969 г. Национальное руководство; оно должно было руководить всем движением. Генеральным секретарем Национального руководства стал Фонсека, который провел некоторое время в Советском Союзе и на Кубе. Среди других членов были Борхе, получивший офицерское образование в военном училище на Кубе (вероятно, в 1968—1970 гг.); Генри Руис, учившийся два года в Московском университете им. Лумумбы, а затем получивший подготовку на Ближнем Востоке на базе Организации освобождения Палестины; молодой Умберто Ортега, также проходивший подготовку на Кубе.

Почти полное уничтожение вооруженных сил СФНО национальными гвардейцами в 1975 г. дискредитировало линию "затяжной народной войны" и укрепило позицию другой фракции внутри Фронта — "пролетарской тенденции". Возглавлявшаяся Хайме Уилоком (ныне членом Национального руководства и министром сельскохозяйственно-го развития и аграрных реформ) и Луисом Каррионом (в настоящее время заместителем министра внутренних дел), эта фракция выступала за то, чтобы проводить более ортодоксальную политику идеологической обработки пролетарских масс в городах Тихоокеанского побережья и отказаться от курса на революцию "азиатского" типа в сельских районах центрального региона. Лидеры этой фракции утверждали, что деятельность СФНО должна определяться объективными историческими силами, такими, как уровень экономического развития, и что обладающий большей классовой сознательностью пролетариат должен идти в авангарде.

Фонсека и Борхе осудили Уилока и Карриона, назвав их "мелкобуржуазными элементами", и исключили их в октябре 1975 г. из СФНО — в соответствии с классическим духом ленинского демократического централизма. Несмотря на исключение, руководители фракции "пролетарской тенденции" продолжали отстаивать направлен-

ную против диктатуры Сомосы организацию среди городских масс. Их попытка оказалась успешной и заложила основы для окончательного наступления СФНО в городах в 1979 г.

Во внутренних спорах Национального руководства в 1975 г. принимала участие и третья фракция: "повстанческая тенденция", или "тенденция третьего пути". Эта фракция, возглавляемая Умберто Ортегой (сейчас он министр обороны и член Национального руководства), поддерживаемая его братом Даниэлем и старым другом, мексиканцем Виктором Тирадо Лопесом, в некоторых отношениях была самой "ленинской". Ее члены верили, что в Никарагуа в 1975 г. социально-экономические и политические условия в стране созрели для того, чтобы поднять и быстро провести восстание против Сомосы, опирающееся на народные массы и возглавляемое отборным авангардом (Фронтом Национального Освобождения); борьба должна была проходить в основном, хотя и не исключительно, в городах. Подобно Ленину, они верили, что полный решимости авангард может ускорить созревание объективных исторических условий для революции. Позиции СФНО и в особенности его "повстанческой тенденции" еще более укрепились, когда повстанцам удалось в декабре 1974 г. в результате блестящей операции захватить 30 правительственных заложников; в обмен на них сандинисты добились освобождения арестованных членов СФНО (в том числе и Даниэля Ортеги), выкупа в миллион долларов и возможности выступить со своим революционным посланием по никарагуанскому радио.

Члены фракции "третьего пути" отстаивали идею антисомосовской коалиции, в которую должны были входить не только рабочие и крестьяне, но и представители среднего класса, в особенности интеллигенции, студентов, мелкой буржуазии. Разговоры о широкой коалиции, составленной из представителей различных слоев общества, вызвали симпатию у многих никарагуанцев, а также у посторонних наблюдателей. Никто из них не сумел рассмотреть тактической и временной природы предложенного союза. Западные наблюдатели были склонны рассматривать "третий путь" как умеренную фракцию, воодушевляемую социал-демократическими и христианско-демократическими идеями. Эта точка зрения получила подкрепление, когда Эден Пастора, легендарный партизанский командир, по убеждениям христианский демократ, выдвинулся на переднюю линию борьбы сандинистов, возглавив захват Национального Дворца в августе 1978 г.

Несмотря на фракционную борьбу, различные группировки, входившие в СФНО в 1976—1979 гг., по-прежнему видели перед собой общего врага, и каким-то образом сумели сохранить плодотворное разделение труда. Режи Дебре писал в связи с этим: "Именно противоречия, иногда яростные, привели к тому, что фракции, в конце концов, оказались взаимно дополняющими. Деления Фронта сандинистов оказались умножением, и каждое такое деление не уменьшало, а наоборот, увеличивало возможности СФНО".

Сомоса, сам того не желая, помог "повстанческой фракции", введя в 1975—1979 гг. военное положение и прибегнув к репрессиям, в ходе которых Фонсека был убит, а Борхе захвачен в плен. В мае 1977 г. эта фракция захватила контроль над "обезглавленным" Национальным руководством и приняла новую политическую платформу СФНО, автором которой был в основном Умберто Ортега. Эта программа была еще более ленинской, и менее марксистской, чем первоначальная программа Фронта 1969 г. В новом документе борьба сандинистов рассматривалась как продолжение исторического революционного процесса, начатого "славной Октябрьской революцией" в России. Ленинский отборный авангард Фронта, а не марксистский пролетариат, должен был возглавить революционный процесс.

Целью объявлялось создание "революционного народно-демократического правительства", что вызывало в памяти этап народно-демократических правительств, через который короткое время проходили все восточно-европейские коммунистические го-

сударства в послевоенный период. Фронт должен был вступить в "тактические и временные" союзы с никарагуанскими массами, сохраняя в то же время "политическую гегемонию", а также "расширить борьбу сандинистов, не расширяя ряды СФНО". Движение должно было использовать классические ленинские организационные принципы: "сознательная политическая дисциплина... демократический централизм... рациональное разделение труда и коллективная ответственность... критика и революционная самокритика".

Попытки сандинистов расширить антисомосовский союз были подкреплены впечатляющим нападением на Национальный Дворец в августе 1978 г. Это нападение, которое возглавил Пастора, привело к захвату более чем полутора тысяч видных заложников, (за них был уплачен выкуп в размере 500 тысяч долларов) и освобождению пленных членов Фронта (в том числе и Борхе). Кроме того, СФНО получил возможность использовать средства массовой информации для пропаганды своих взглядов. Когда партизан и освобожденных заключенных везли по улицам Манагуа в аэропорт, многие никарагуанцы приветствовали их — уже тогда стало очевидным, что дни Сомосы сочтены.

В течение следующих двух лет попытки Сомосы справиться с Фронтом были беспорядочными и в конечном итоге выгодными для сандинистов. Политика ограниченной демократизации позволила партизанам и их сторонникам пользоваться большей свободой передвижения и создания ассоциаций. К 1978 г., когда СФНО начал широкое наступление в ряде крупных городов, борьба против Сомосы практически превратилась в гражданскую войну.

Победе Фронта содействовали и некоторые внешние факторы. Нежелание администрации Картера поддержать Сомосу подорвало власть диктатора, опиравшуюся в основном на предполагаемые особые связи Сомосы с Вашингтоном. С 1978 г. Фронт получал военное снаряжение с Кубы, из Венесуэлы и Панамы, а также от частных лиц в Соединенных Штатах. В соседних странах — Коста-Рике и Гондурасе — партизанам-сандинистам предоставлялось убежище. Умберто Ортега признал, что решающую роль в заключительной кампании сыграли два фактора: широкие поставки оружия и способность Фронта организовать систему радиопередач, которыми руководствовались повстанцы. Возможно, еще более важным фактором была настойчивость Фиделя Кастро, заявившего, что он будет продолжать помогать Фронту, только если тот будет единым. Это привело к объединению фракций сандинистов, во главе которых встало состоящее из девяти человек — по три представителя от каждой фракции — Национальное руководство, и к объединению всех партизанских отрядов под единым руководством. Так достигнутое с помощью Кубы в декабре 1978— марте 1979 гг. объединение командных и контрольных органов оказалось решающим фактором в окончательном победоносном наступлении против Сомосы.

Укрепление власти

Движение сандинистов, пришедшее к власти летом 1979 г., представляло собой более опытную и прагматическую группу, чем романтическое движение 26 июля, захватившее в 1959 г. власть на Кубе. И в отличие от Кубы, решения принимались коллективно, а не единолично харизматическим лидером. Тем не менее, явно выделяется один член коллективного руководства — старейший, самый опытный, наиболее индивидуалистически настроенный лидер Национального руководства — Борхе. Некоторые даже думают, что властолюбивый Борхе еще может стать руководителем движения. Умберто Ортега, главный стратег СФНО, министр обороны и координатор комиссии обороны и безопасности, держится в тени, но обладает такой же властью.

Стремление превратить партизанскую организацию СФНО в ленинскую революционную партию было ясно с самого начала. В 1980 г. Борхе заявил, что целью движения является превращение СФНО в "революционную партию, организованную и руководимую согласно научным принципам, реалистичную, гибкую партию, вдохновляемую принципами интернационализма". Недавно он откровенно объяснил: "По-моему, было бы несерьезно, и даже нечестно, говорить, что у нас не упоминают о марксизме-ленинизме. Я полагаю, мы все — марксисты".

Президент Никарагуа Даниэль Ортега во время интервью с западными журналистами проявляет больше осторожности — во всяком случае, когда он говорит о своих личных взглядах. На вопрос, является ли он марксистом, он обычно отвечает: "Мы сандинисты... с христианским воспитанием, ... знакомые как с Христом, так и с Марксом". Однако в речи, обращенной к Социалистической партии Никарагуа, член Национального руководства, и координатор политической комиссии СФНО Баярдо Арсе подтвердил намерение Фронта перейти к однопартийной ленинской системе и поддерживать "стратегические связи с СССР и социалистическим сообществом". Арсе говорил также о планах введения новой конституции, которая, по его словам, позволила бы СФНО утвердить "юридические и политические принципы построения социализма" в Никарагуа.

За последние шесть лет Национальное руководство Фронта с целью укрепления партии провело важные организационные изменения. В частности, был создан Национальный Секретариат и три комиссии Национального руководства — политическая, обороны и безопасности и государственная. Этим комиссиям подчинен ряд функциональных отделов, занимающихся различными проблемами внутренней и внешней политики, а также экономическими проблемами. Эти отделы и секции похожи на советские, восточно-европейские и кубинские прототипы, например, отделы пропаганды и политического образования, а также международных сношений. В отдел Секретариата, занимающийся Северной Америкой, доступ свободен, но отделы, занимающиеся безопасностью, военными делами и делами других коммунистических стран, полностью засекречены.

Фракционную борьбу в значительной степени сдерживает тот факт, что в Национальное руководство по-прежнему входят представители и руководители всех трех крупных группировок Фронта. Такое организационное устройство не исключает политических разногласий. Например, если говорить о католической оппозиции, то Борхе и его фракция, а также его сторонники в отделе государственной безопасности выступают за прямые операции, которые должны дискредитировать Церковь, в то время как фракция "третьего пути" считает такие шаги ненужными. Похоже, что Борхе стоит ближе всех к Москве. Во время своего визита в Советский Союз в сентябре 1981 г. ему удалось получить кредит в 50 млн. долларов на покупку советских машин и снаряжения, а в советской печати с одобрением приводятся его высказывания в пользу превращения СФНО в партию авангарда. Братьев Ортега, в особенности Умберто, считают протеже Фиделя Кастро, хотя и они часто посещают Москву, Восточный Берлин и Софию. Несмотря на тактические разногласия руководство Фронта смогло избежать такой борьбы за власть, какая происходила на острове Гренада. Более того, высадка американских сил и сил Организации стран Восточно-Карибского бассейна на этот остров в октябре 1983 г. привела к тому, что руководство почувствовало себя "осажденной крепостью". Это укрепило решимость его членов относиться друг к другу терпимо.

От передовых членов СФНО требуется "безоговорочно подчиняться распоряжениям центральных и промежуточных организаций... уважать органическую (так!) дисциплину... защищать Фронт Национального Освобождения от нападений его врагов... принадлежать к одной из массовых организаций". Новые массовые организации, в число которых входят: центральная организация рабочих-сандинистов, ассоциация сельскохозяйственных рабочих, сандинистская молодежная организация 19 июля и ассоциация никарагуанских женщин, — созданы по модели ленинских "приводных ремней"; иными словами,

им предназначена роль вспомогательных институтов, дополняющих более прямые средства партийного контроля над обществом.

Режим сандинистов проявляет гибкость, терпимо относясь к продолжающемуся существованию различных институтов, в которых допускается ограниченный плюрализм, таких, как полузаконодательный Государственный совет (с января 1985 г. Национальная Ассамблея), и небольших оппозиционных партий. Режим поступает так, ибо он, по словам Борхе, контролирует инструменты "реальной власти... революционную организацию (т.е. партию) и орудия государственного принуждения — армию, полицию и учреждения госбезопасности. Борхе хвастается: "С имеющейся у нас властью мы можем сделать, что хотим. Мы можем, если захотим, сместить правительство и заменить его другим". Министр обороны Умберто Ортега также подтверждает: "Враг ... никогда не сможет забрать у нас власть".

Министерство обороны руководит сандинистской Народной армией и сандинистской Народной милицией. Число срочных служащих в вооруженных силах достигает примерно 62 тысяч человек. Все никарагуанские мужчины в возрасте от 18 до 40 лет должны находиться на срочной службе или в запасе. Как во всех коммунистических государствах, в каждом батальоне сандинистской Народной армии, помимо командира, есть еще и замполит.

Народная милиция уходит корнями в вооруженную борьбу 1978—1979 гг., во время которой никарагуанская молодежь сражалась бок о бок с партизанами из СФНО. После июльской (1979 г.) победы многие стремились влиться в регулярную армию. Чтобы найти для них место и создать потенциальный резерв людской силы, режим организовал в феврале 1980 г. народную милицию — следует заметить, что в это время для СФНО не было никакой серьезной угрозы, ни внешней, ни внутренней. Сейчас Народная милиция насчитывает около 40 тысяч человек.

Возглавляемое Борхе министерство внутренних дел контролирует полицию сандинистов, главное управление государственной безопасности, тюрьмы, а также части особого назначения (бригада Пабло Убеда), которые борются против пользующихся поддержкой США антисандинистских партизан, так называемых "контрас". Решающую роль среди всех этих отделов играет управление госбезопасности; его возглавляет получивший подготовку в Советском Союзе начальник, которого и зовут соответствующим образом — Ленин Серна. Похоже, что реальной властью в аппарате госбезопасности пользуются советские "специалисты" — по сообщениям, они занимаются в основном разведывательными операциями, в то время как кубинцы наблюдают за контрразведкой.

Режим СФНО пользуется и еще одним инструментом принуждения: он отстроил сеть сандинистских комитетов обороны, образцом для которых послужили кубинские комитеты защиты революции. Эту сеть возглавляет бывшая жена Даниэля Ортеги, ветеран партизанской войны Летиция Херрера, получившая образование в Советском Союзе. Первоначально созданные в целях гражданской обороны (защита от налетов ВВС национальных гвардейцев), комитеты сейчас превратились в важнейший социальный институт, проводящий социалистические преобразования в стране. Из примерно пятисот тысяч членов комитетов сформированы около девяти тысяч подразделений. Некоторые из этих подразделений работают в тесном контакте с полицией сандинистов, осуществляя разведывательные и патрульные операции. Комитеты обороны, контролирующие распределение продовольственных карточек, выдачу рекомендаций на работу, и даже разрешения на вакцинацию, могут таким образом следить за населением и подавлять любую возникающую оппозицию.

Государственная безопасность манипулирует — на менее формальной основе — и так называемыми *turbas divinas* (божественными толпами), которые проводят демонстрации, организуют кампании угроз, оскорблений, "охоты за ведьмами" по отношению ко

всем оппозиционным элементам, в особенности к католической Церкви. Именно такая толпа освистала папу Римского, когда он посетил страну в 1983 г.

Эти инструменты внутреннего контроля и подавления направляются в различных комбинациях против оппозиционных партий, таких, как Никарагуанское Демократическое движение, против Церкви, печати, национальных меньшинств — индейцев, профессиональных ассоциаций, частных профсоюзов и даже против радикальных групп, вроде троцкистской коммунистической партии. Наказание может быть различным: от увольнения с работы и отказа в выдаче продовольственных карточек до ареста, профилактического задержания, тюремного заключения; иногда наказанием служит даже смерть, как это случилось с президентом Верховного совета частной инициативы Хосе Салазаром, который был по всей вероятности убит агентами сандинистов во время ареста за предполагаемую антисандинистскую деятельность.

Режим признает, что в тюрьмах содержится около пяти тысяч человек, (две тысячи из них — бывшие национальные гвардейцы, остальные осуждены за "подрывную деятельность"). С 1983 г. диссидентов судят специальные народные антисомосовские трибуналы. По данным Межамериканской постоянной комиссии по правам человека, в одном лишь 1983 г. 1400 никарагуанцев попали в тюрьму. В том же году отмечено по крайней мере 102 случая физического насилия и пыток по отношению к политическим диссидентам. Борхе, которому известны подлинные цифры, признал применение физического насилия.

От рук сандинистов в особенности пострадали живущие на атлантическом побережье Никарагуа индейцы мисура. Члены племен мискито, сумо и рама, в свое время обладавшие довольно широким самоуправлением и свободой исповедовать свою протестантскую веру моравского толка, сопротивлялись попыткам СФНО распространить на них контроль центрального правительства. В результате на них посыпались жестокие репрессии, такие, как захват церковной собственности, отказ в выдаче продовольственных карточек, принуждение работать на сандинистских фермах и, наконец, массовое насильственное переселение около 10 тысяч индейцев мискито из районов на границе между Никарагуа и Гондурасом в районы, расположенные в глубине страны. Это привело к тому, что около 15 тысяч индейцев бежали в Гондурас, а около 5 тысяч представителей различных племен приняли решение начать вооруженную борьбу против режима в союзе с организацией Никарагуанские демократические силы, возглавляемой Адольфо Калеро Портокалеро. К настоящему времени сандинистам удалось путем переговоров расколоть руководство индейцев, но при этом ничего не было сделано для удовлетворения серьезных нужд народа.

По отношению к католической Церкви сандинисты используют смесь принуждения и более тонких методов. СФНО выслал из страны священников-иностранцев за их якобы контрреволюционную деятельность, подверг нападкам архиепископа Обандо-и-Браво и положил конец традиционным радиопередачам воскресной мессы, которую он служил. Его помощника, отца Бисмарка Карвальо публично грубо оклеветали и подвергли унижению. В августе 1982 г. отца Карвальо попросили встретиться с якобы кающейся грешницей (на самом деле это была завербованная органами безопасности проститутка). Когда священник встретился с этой женщиной, на него напал сотрудник органов госбезопасности, изображавший мужа женщины. Затем на священника набросилась "толпа". С него сорвали одежду и нагого протащили по улицам перед ожидавшими телекамерами и собравшимися заранее журналистами.

Режим пытался также расколоть и уничтожить Церковь, настраивая рядовых священников и монахов против церковной иерархии. СФНО поддерживает так называемую "народную Церковь", которая следует учению радикальной теологии освобождения. Эта Церковь приобрела поддержку части христианского населения тем, что проводит кам-

панию по ликвидации безграмотности. Более того, четыре "революционных" священника занимают высокие позиции в правительстве Национального Фронта: бывший миссионер Мигель д'Эского Брокман является министром иностранных дел, бывший монах-траппист Эрнесто Карденал — министром культуры, его брат Фернандо, иезуит, занимает пост министра образования, а францисканец о. Эдгар Парралес является послом Никарагуа в Организации американских государств. Сандинисты пытались также использовать в своих целях религиозные праздники, превратив, например, La Purisima — недельные торжества, посвященные Непорочному зачатию, которые предшествуют Рождеству и заканчиваются 8 декабря, в партийный праздник — в нем принимал участие даже министр внутренних дел.

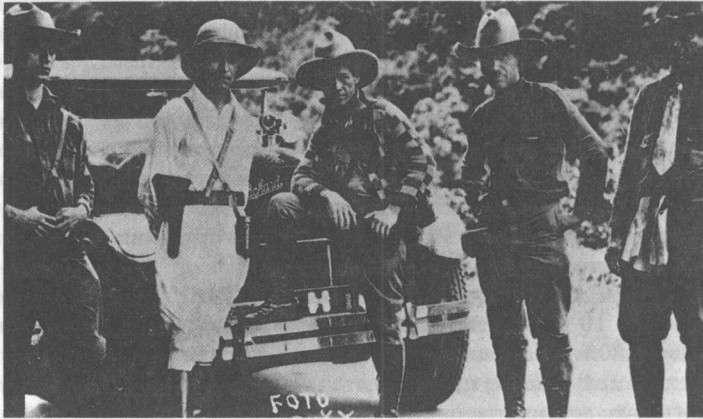
Очевидно, что, нападая на церковную иерархию, СФНО должен действовать осторожно. Опубликованные 10 ноября 1981 г. в столичной газете "La Prensa" результаты опроса показывают, что 80% населения считают себя католиками и только 6,9% заявили, что не исповедуют никакой религии или являются атеистами. 38% всех опрошенных считали архиепископа (впоследствии кардинала) Мигеля Обандо-и-Браво самым популярным никарагуанцем, а следующий за ним Даниэль Ортега получил лишь 13,5% голосов. За чисто марксистское образование в школах выступило лишь 8% опрошенных, 70,9% выступили за христианское образование, а 17,1% — за смесь христианского и марксистского образования.

СФНО попытался контролировать и удушить прессу, введя цензуру, и создав открыто партийную печать, которая должна была соперничать с независимой печатью. С сентября 1979 г. все никарагуанские журналисты должны принадлежать к одному из двух сандинистских профсоюзов. Еще более существенно то, что в условиях чрезвычайного положения, объявленного 15 марта 1982 г. в ответ на нападение антисандинистских партизан, всем средствам массовой информации было приказано сдавать все материалы, предназначенные для публикации или передачи по радио, на предварительную цензуру, осуществляемую никарагуанским управлением средств информации. За работой этого управления наблюдает министерство внутренних дел, сам Борхе принимает участие в цензурировании.

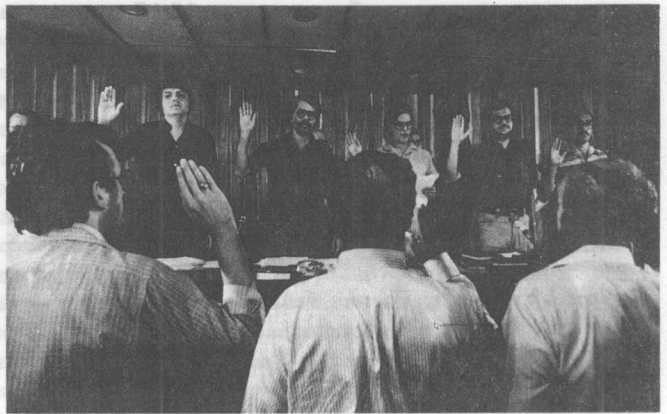
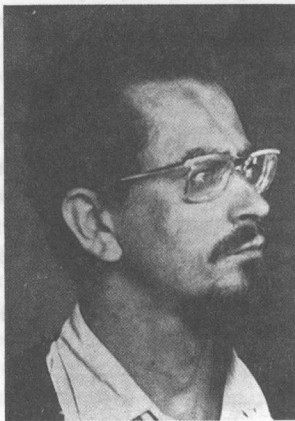
Уничтожение оппозиции

Упрочив свою власть, держащуюся на аппарате принуждения, СФНО обратился к традиционным коммунистическим методам "смешанной тактики", чтобы свести на нет оппозицию в двух важных учреждениях: Хунте — Правительстве национального возрождения (с января 1985 г. Президентство) и полузаконодательном Государственном совете (Национальной ассамблее). Хотя ни одно из этих учреждений не обладает реальной властью, сравнимой с властью Национального руководства СФНО, присутствие определенных буржуазных элементов в числе сотрудников этих учреждений придает режиму СФНО некоторую законность и международную респектабельность.

Первая Хунта, состоявшая из пяти человек, назначенных Фронтом 16 июня 1979 г. (до последнего победоносного наступления), включала в себя таких хорошо известных сандинистов, как Даниэль Ортега и Мойзес Хассан, а также Виолетту Барриос Каморро (вдову бывшего главного редактора газеты "La Prensa"), Альфонсо Робело (главу Никарагуанского Демократического движения), и Серхио Рамиреса из "Группы 12", пользовавшейся поддержкой Фронта; эта Хунта должна была создавать у иностранных наблюдателей впечатление плюрализма СФНО. Ведущую роль в группе играл Рамирес. Хотя он тайно и стал в это время членом Фронта, в глазах общественности он представлял собой ученого умеренных политических взглядов, и это обстоятельство помогало утверждению мнения о том, что Хунта — настоящая коалиция.

Аугусто Сандино (в центре) со своим штабом (фото 1928 г.)

Карлос Фонсека, основатель СФНО Первая сандинистская хунта принимает присягу (26 июля 1979 г.)

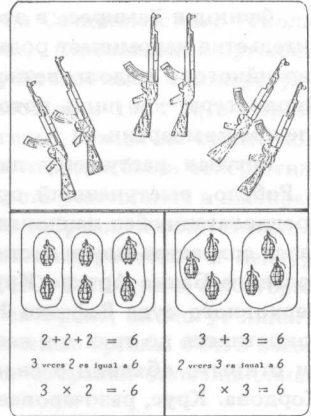
Ф. Кастро во время инаугурации президента Д. Ортеги и вице-президента С. Рамиреса

Плакаты, призывающие к "культурной революции"

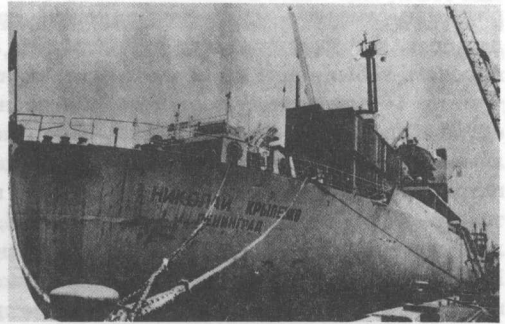
Никарагуанские дети на учениях народной милиции

Страница из сандинистского учебника арифметики

Советский танк принимает участие в действиях против "контрас"

"Николай Крыленко" разгружается в порту Коринто

Эден Пастора, легендарный "команданте Зеро" сандинистов

Лидеры "контрас" — Никарагуанского демократического фронта: Адольфо Калеро, Артуро Крус и Альфонсо Робело

Функция Рамиреса в этом временном, служащем лишь тактическим интересам правительстве напоминает роль Людвика Свободы, вошедшего после войны в качестве беспартийного в недолговечное чехословацкое правительство социал-демократа Эденека Фирлингера — и лишь потом признавшего, что с самого начала он являлся тайным членом компартии.

Уступая растущему давлению, Каморро, здоровье которой сильно пошатнулось, и Робело, выступавший против захвата Фронтом Государственного совета и против предполагавшейся национализации банков страны, ушли из Хунты в апреле 1980 г. Пытаясь сохранить плюралистический образ, Фронт назначил на их место президента Центрального Банка Аргуно Круса, — социал-демократа и члена "Группы 12", а также члена Верховного суда Рафаэля Кордову Рива. Однако в марте 1981 г. число членов Хунты сократилось до трех — в нее входили Даниэль Ортега, Рамирес (который к этому времени открыто объявил о своей связи с Фронтом), и не входящий в число членов СФНО Кордова. Крус, разочарованный своим постом, на котором он не обладал реальной властью, согласился отправиться послом в Соединенные Штаты — где он впоследствии и попросил политического убежища.

Так же постепенно СФНО устанавливал и контроль над Государственным советом. Государственный совет, созданный по соглашению, подписанному в Пунта-Аренас (Коста-Рика) в июне 1979 г., должен был представлять собой плюралистическое, обладающее также законодательной властью учреждение, на которое возлагалась задача одобрять или отвергать изменения законов, предложенные Хунтой. Первоначально предполагалось, что Фронту будут принадлежать только 13 из 33 мест; об этом соглашении, впрочем, забыли еще до первого заседания совета, увеличив число членов совета до 47 — и все 14 новых мест достались либо членам СФНО, либо их сторонникам из массовых организаций. Так же, как восточно-европейские коммунисты в своих послевоенных парламентах, Фронт создал коалицию в Государственном совете, названную Национальным патриотическим фронтом. В нее входили и члены СФНО, и разнообразные представители и попутчики из числа членов СПН, христианских социалистов и Независимой либеральной партии. Когда представители Верховного совета частной инициативы и Никарагуанского Демократического движения объявили бойкот работе совета, против непокорных были пущены в ход обычные средства принуждения сандинистов, вершиной которых стало убийство президента Верховного совета частной инициативы Салазара. После того, как толпы напали на здание Никарагуанского Демократического движения в Манагуа и разгромили его, Робело и другие руководители покинули Манагуа и удалились в добровольную ссылку. Ни Государственному совету, ни его преемнику, Национальной ассамблее, не было позволено бросить вызов власти подлинного исполнительного учреждения — Национального руководства СФНО.

Фронту предстояло провести деликатную операцию и в своих собственных рядах — каким-то образом нейтрализовать Эдена Пастору, пользовавшегося громадной популярностью "Команданте Зеро". Во время восстания Пастора командовал Южным Фронтом, затем был заместителем министра внутренних дел, главой сандинистской народной милиции и членом Комиссии по обороне и безопасности СФНО. Опасаясь его популярности и не доверяя его политической ориентации, руководство СФНО никогда не назначало его в Национальное руководство. После 1982 г. они начали обвинять Пастору в непоследовательности и бонапартистских амбициях. Со своей стороны, Пастора казался разочарованным бюрократизацией революции, нашедшей свое выражение в новой воинской форме, чопорных манерах и напыщенности речей. К 1981 г. Пастора пришел к убеждению, что Национальное руководство "предало сандинизм..., превратив правую диктатуру в левую", а его бывшие товарищи по оружию (в особенности Борхе) обернулись "новыми Сомосами". В июле 1981 г. Пастора, безусловно сложный и противоречивый

человек, покинул Никарагуа. Позднее он стал руководителем Сандинистского Революционного Фронта (Демократического Революционного Союза), партизанской организации, вплоть до мая 1986 г. действовавшей близ границы между Коста-Рикой и Никарагуа.

Следующая попытка политической консолидации произошла в 1984 г., во время президентских выборов и выборов в законодательные органы. Режим не сумел контролировать эти выборы в полной мере, но нельзя сказать, что они были совершенно свободными. Оппозиционные партии, чтобы иметь возможность участвовать в выборах, должны были объявить, что поддерживают революцию. Право собраний и общественных демонстраций было частично ограничено. В пользу сандинистов работала и цензура средств массовой информации, и рекламные объявления СФНО. Более того, некоторых избирателей сумели убедить, что если они не проголосуют за Фронт, их могут лишить продовольственных карточек или даже уволить с работы. Местные органы СФНО всеми возможными способами мешали проведению предвыборных собраний оппозиционных партий.

Решающим фактором было то, что выборы проводились поздно. К ноябрю 1984 г. ни один из наблюдателей, не говоря уже о самих никарагуанцах, не верил, что СФНО позволит себе проиграть. Более того, участие в выборах только Фронта и горстки маленьких партий (три партии, стоящие левее Фронта, остальные — отколовшиеся группировки или фракции партий) создавало для избирателей лишь подобие свободы выбора. И даже в этих условиях президентские выборы показали, что в Никарагуа все еще существует значительная степень оппозиции режиму сандинистов: сандинисты получили 67% голосов, три ультралевые партии — 4%, а три остальные главные оппозиционные партии — 29%.

Социалистические преобразования

Проведение общественных и экономических программ СФНО началось осторожно. Фронт, захватив власть, был полон решимости устранить социально-экономическое неравенство, постепенно вводя плановую экономику, перераспределяя богатства в пользу более бедных слоев населения. Однако сандинисты извлекли урок из ошибок других коммунистических государств: они отказались от преждевременного выхода из мировой капиталистической системы. В начальный период сандинисты сделали выбор в пользу смешанной экономики, представляющей собой соединение общественного и частного, капиталистического, секторов.

Сандинисты сравнительно медленно продвигались к своей цели — национализации и коллективизации экономики. Они боялись слишком резкой внутренней и внешней оппозиции. Уилок заметил: "Для нас совершенно исключается насильственная национализация производства маисовых лепешек; это было бы нелепо... хотя у нас могут быть социалистические принципы, мы не можем преобразовать наше общество путем экспроприации всех средств производства".

В результате такого осторожного подхода, сегодня в Никарагуа существуют три основных вида собственности на средства производства: 1. Государственная собственность — так называемые районы народной собственности; 2. Кооперативная собственность, например, сандинистские сельскохозяйственные кооперативы; 3. Частная собственность.

Районы народной собственности были созданы сразу же после революции 1979 г., когда было захвачено имущество Сомосы, его семьи, и его ближайших сторонников. СФНО утверждал, что в 1984 г. 60% всех промышленных средств производства находились в частном секторе. В 1983 г. около 70% обрабатываемой земли были в руках частных владельцев, несмотря даже на то, что у крупных латифундистов отобрали

огромное количество земли. Экспроприация постепенно продолжалась вплоть до лета 1985 г., когда этот процесс, похоже, ускорился; в то время были экспропрированы владения, принадлежащие лидерам оппозиции, например, Энрике Боляносу — президенту Верховного совета частной инициативы.

Постепенно возрастала и роль центрального правительства в планировании и распределении национальных ресурсов. Расширяющееся вмешательство государства сопровождалось соответствующим ростом бюрократических учреждений. Эти учреждения ввели ряд правил и ограничений, касающихся частного сектора, и оказывают на частный сектор давление с помощью политики капиталовложений, налогов, манипуляций кредитными и валютными операциями. К примеру, в 1983 г. частному сектору было выделено лишь 24% капиталовложений, предназначенных для промышленности. Когда-то в стране было 17 банков — сейчас они слились в пять, и образуют управляемую государством финансовую корпорацию Никарагуа. СФНО ввел также государственную монополию на внешнюю торговлю.

Вначале вновь созданное сандинистское министерство социального обеспечения стремилось улучшить условия жизни населения, осуществляя различные проекты жилищного строительства, строительства школ, программы социального обеспечения. Такая деятельность и в самом деле помогла улучшить качество основных социальных услуг — в особенности здравоохранения и жилья. СФНО создал также систему контроля над квартплатой, программу развития городов, методы контроля над спекуляцией землей и домами. В первый год революции были отчетливо видны признаки экономического улучшения. Экономический рост составил 18%.

В попытке увеличить производительность труда Фронт использовал лозунги, намалеванные на громадных плакатах и транспарантах, организовывал массовые митинги для пробуждения общественного сознания. В первые годы увеличились добыча меди, производство текстиля, ускорилось строительство. Впрочем, через шесть лет эти радикальные способы мобилизации масс потеряли свою популярность. Халатное руководство экономикой, бюрократизация, увеличивающиеся расходы на оборону и введенное в стране чрезвычайное положение, вызванное вооруженным сопротивлением "контрас", привели к серьезному ухудшению экономических условий и уровня жизни. К 1983 г. экономический рост Никарагуа остановился, а инфляция достигла 45%. В 1984 г. положение еще более ухудшилось. Бензин, ряд основных продуктов питания и другие товары сейчас выдаются только по карточкам. Ухудшился и баланс внешней торговли Никарагуа. В 1984 г. национальный долг страны достиг почти 4 млрд. долларов — от Сомосы же новое правительство унаследовало лишь 1,6 миллиардов долларов долга. Милитаризация Никарагуа привела к тому, что военные расходы достигли 25% общего бюджета в 1984 г., а в 1985 увеличились еще более. "Вторая гражданская война" против "контрас" привела к большим материальным потерям: за период с марта 1981 по октябрь 1983 гг. — более миллиарда долларов. За это же время погибло несколько тысяч человек, а 100000 человек бежало из общин, расположенных в северной военной зоне, — не говоря уж о тысячах индейцев мискито, насильственно переселенных правительством СФНО.

Режим сандинистов пытался бороться с ухудшением экономических условий, увеличивая прямые и косвенные налоги, а также таможенные пошлины. Однако и донныне режиму не удалось остановить тенденцию к ухудшению экономики, не удалось приглушить общественное недовольство. Режим не смог предотвратить и возникновение незаконных видов экономической деятельности — например, черного рынка и спекуляции.

Терпя поражения на экономическом фронте, режим решительно продвигает образовательную политику, в том числе и кампанию по ликвидации неграмотности, которая должна служить целям социалистического преобразования общества. На семинарах для учителей средней школы министерство образования использует материалы, изготовлен-

ные на Кубе и в Советском Союзе. Некоторые из букварей напечатаны с помощью кубинских специалистов. Даже в книжках для малышей не только восхваляются добродетели Сандино, но и прославляются партия авангарда, партизанская война, революция, СФНО и его основатель Фонсека, милитаризация, пограничники, вооруженные силы, антиамериканизм. К примеру, усвоению правил умножения в учебнике математики помогают картинки советских автоматов системы Калашникова и ручных гранат. В этом и других учебниках для начальной школы помещается также гимн СФНО (автор — Томас Борхе), который дети должны учить наизусть. Вот один из куплетов:

Дети Сандино
 Не изменят, не сдадутся,
 Будем бороться против янки —
 Врагов всего человечества.

Связи с коммунистическими странами

Как уже говорилось, у режима сандинистов — тесные и все более расширяющиеся связи с Советским Союзом и другими странами советского блока. Правда, после свержения коммунистического режима на острове Гренада осенью 1983 г. эти связи так открыто уже не проявляются. В январе 1980 г. секретарь ЦК, член Политбюро Б. Пономарев сравнил революцию в Никарагуа с революциями в Афганистане, Эфиопии, Анголе и других странах. В советской печати режим СФНО помещался под рубрику народно-демократических режимов, вместе с режимом Гренады. Этот же термин — народно-демократический — применялся по отношению к переходным правительствам послевоенного периода в странах Восточной Европы, до того, как они превращались в полностью ленинистские режимы. Похоже, однако, что с 1983 г., в особенности после событий на Гренаде, Советский Союз предпочитает открыто называть режим в Никарагуа просто антиимпериалистическим (скорее всего, чтобы успокоить Соединенные Штаты), хотя партия авангарда Никарагуа по-прежнему относится в трудах советских пропагандистов к той же категории, что и социалистические партии авангарда в Афганистане, Анголе и Эфиопии; по их мнению, революция в Никарагуа, подобно революции в Анголе, Эфиопии и Афганистане, уже внесла свой вклад в расширение "антиимпериалистического демократического лагеря" и в "уменьшение геополитического ареала капиталистической системы". Политическая и моральная поддержка Никарагуа со стороны СССР возросла.

В лице СФНО Советский Союз имел дело с относительно небольшой, но отборной группой, которая могла поставить себе в заслугу то, что пришла к власти путем народной революции. Хотя Советский Союз не афишировал своих отношений с повстанцами СФНО, он признал режим сандинистов на дипломатическом уровне уже на следующий день после падения режима Сомосы. Можно предположить, что межпартийные отношения были оформлены во время визита в Москву делегации Фронта, возглавляемой Борхе, Умберто Ортегой и Генри Руисом, в марте 1980 г. О политическом сближении обеих партий можно судить по явно просоветской тенденции в последующей внешней политике Никарагуа. К примеру, в январе 1980 г. режим СФНО воздержался при голосовании в ООН резолюции, требовавшей вывода советских войск из Афганистана; руководство Фронта долгое время отказывалось установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой.

Осуществляется сотрудничество между Никарагуанским институтом изучения сандинизма и двумя советскими институтами: Институтом стран Латинской Америки и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Советский Союз подарил многочисленные материалы Марксистско-ленинской библиотеке при Национальном Универси-

тете в Леоне, а также, совместно с Болгарией, оказал финансовую поддержку сандинистской газете "Barricada". За последние шесть лет около двух тысяч студентов из Никарагуа учились и получали стипендии в советских университетах и в университетах других коммунистических стран. Более того, существуют активные связи между советским комсомолом и сандинистским молодежным движением 19 июля, а также между никарагуанским Комитетом за мир и Советским Комитетом защиты мира. В сентябре 1984 г. было создано Общество дружбы СССР — Никарагуа.

В Никарагуа находятся сейчас несколько сот советских гражданских советников, а также несколько десятков советников из восточно-европейских государств. Впрочем, больше всего в Никарагуа кубинцев. Можно подозревать, что между СФНО и коммунистической партией Кубы существует межпартийное соглашение, как это было на острове Гренада. Существуют и тесные связи между кубинским Союзом молодых коммунистов и сандинистским молодежным движением 19 июля. Большинству министерств и важных отделов СФНО приданы кубинские советники, и сотни никарагуанских молодых людей учатся в школах на Кубе. Многие кубинские учителя (одно время около двух тысяч) до 1985 г. работали в системе народного образования Никарагуа, проводя национальную кампанию по ликвидации безграмотности, с ее характерно ленинской тактикой идеологической обработки.

Очевидно, что СФНО, подобно бывшему коммунистическому движению на Гренаде, считает себя своего рода революционным мостом между КПСС и коммунистической партией Кубы с одной стороны, и левыми силами Карибского бассейна (в особенности Центральной Америки), — с другой. СФНО координирует помощь революционным движениям в Сальвадоре (Фронт Национального Освобождения Фарабундо Марти) Гватемале (Партизанская армия бедных) и революционному подполью в Коста-Рике. Другие латиноамериканские революционные движения, например, партизаны М-19 в Колумбии и Монтонерос в Аргентине, также представлены в Никарагуа; даже у Организации освобождения Палестины и у Ливии есть штаб-квартиры в Манагуа. Как показывают захваченные на Гренаде документы, СФНО и коммунистическое движение Гренады принимали участие в работе тайного регионального совещания левых партий в январе 1983 г.

Советский Союз и другие коммунистические государства, не афишируя этого, постоянно увеличивали военную и разведывательную поддержку сандинистов. Правда, во время самого восстания оружие СФНО получал от Кубы, и именно Куба помогла Никарагуа закупить оружие на международных рынках. Кроме того, в силах сандинистов, захвативших в июле 1979 г. Манагуа, находилось около 50 кубинских советников. Но впоследствии Фронт получил гораздо более существенную военную помощь. Можно предположить, что первое соглашение о крупных военных поставках из Советского Союза было подписано во время поездок официальных представителей СФНО в Москву, Восточный Берлин и Прагу в марте 1980 г. Начало поставок оружия было открыто подтверждено лишь в июле 1980 г., во время празднования годовщины революции в Манагуа; тогда армия сандинистов впервые продемонстрировала 18 легких зенитных орудий ЗПУ, 6 установок для запуска ракет "земля—воздух" типа СА-7, 100 противотанковых ружей РПГ-7, а также 96 восточногерманских грузовиков типа W-50.

Как и на Гренаду, эти первые поставки оружия в Никарагуа были осуществлены задолго до того, как в 1980 г. Р. Рейган был избран президентом США. Впоследствии, когда отношения между США и Никарагуа ухудшились из-за помощи, оказанной СФНО сальвадорским партизанам, в Манагуа стало приходиться больше оружия из коммунистических стран. К лету 1981 г. на алжирских судах прибыли первые танки типа Т-54 и Т-55. Умберто Ортега во время своего второго посещения Москвы в ноябре 1981 г. встретился с министром обороны СССР Д. Устиновым и начальником Генштаба Н. Огарковым; вероятно, они подписали новое соглашение о поставках оружия. В 1983 г.,

когда повстанческое движение против сандинистов расширилось, увеличились и поставки оружия из стран коммунистического блока — теперь уже на судах самих этих стран. В 1983 г. было доставлено около 20000 тонн военного снаряжения — вдвое больше, чем в 1981 и 1982 гг. Кроме десятков танков, в Никарагуа прибыло и другое оружие, специально предназначенное для борьбы против партизан: 25—30 бронетранспортеров, несколько вертолетов типа Ми-8.

В скором времени к этому прибавились присланные из СССР транспортные самолеты Ан-26, джипы, санитарные машины, тысячи автоматов типа АК-47. Сообщалось также, что на Кубе ожидают отправки в Никарагуа около 80 истребителей МиГ. Помимо этого, десятки никарагуанских пилотов заканчивают учебу в Болгарии, другие направляются для дальнейшей учебы на Кубу. СФНО покупает в Чехословакии для подготовки никарагуанских пилотов несколько военных тренировочных самолетов типа L-39. К концу 1984 г. в вооруженных силах Никарагуа было больше ста советских средних танков типа Т-54 и Т-55, 20 с лишним легких танков-амфибий ПТ-76, 120 бронетранспортеров, более тысячи военных грузовиков, 120 противовоздушных ракет, 120 зенитных орудий и 100 ручных ракет "земля—воздух".

Как и на острове Гренада, советские и кубинские специалисты помогают в строительстве объектов, которые уже сейчас или в будущем будут иметь военное или разведывательное значение. Кубинцы, использующие советское оборудование, помогают строить военный аэропорт в Пунта Уэте и модернизируют аэродромы в Пуэрто-Кабасас, Эстели, Ла-Росита и Блуфилдс. Советские и никарагуанские специалисты проводят совместные океанографические исследования в Атлантическом и Тихом океанах. Советский Союз собирался построить в находящемся на Тихом океане порту Сан-Хуандель-Сур сухой док и док для ремонта рыболовных судов, хотя в настоящее время проект заморожен. Кубинские строительные рабочие строят на Карибском побережье, в Эль Блафф, новый глубоководный порт, стоимостью в 80 миллионов долларов; строительство финансирует в основном СЭВ. Борхе назвал новый порт "безусловно стратегически важным проектом", который предоставит Никарагуа выход на европейские рынки без необходимости пользоваться Панамским каналом. Как и на Гренаде, Советский Союз помогает строить станцию наземного слежения за спутниками.

По оценкам США и стран Карибского бассейна, в Никарагуа сейчас находятся 3000 кубинских военных советников и советников по вопросам безопасности; Даниэль Ортега, впрочем, заявляет, что их всего 800. Кубинские военные советники носят форму, неотличимую от никарагуанской. Кубинские советники по вопросам безопасности занимают важные позиции в тайной полиции Никарагуа. Кроме того, в Никарагуа находятся около ста советских военных советников, 25 болгар, 40—50 восточных немцев, около 25 специалистов из ООП. Есть также ливийцы и члены баскской сепаратистской организации ЭТА.

Не следует забывать, что с 1979 г. многие из партизан Фронта, в том числе Борхе и Умберто Ортега, получили подготовку в партизанских школах и лагерях на Кубе. Руис, шеф тайной полиции Серна, и шеф Сандинистских комитетов обороны Серрера учились в Советском Союзе. Эта практика продолжается: в 1985 г. десятки сотрудников органов безопасности Никарагуа учились на двухгодичных и более коротких курсах на Кубе и на трехгодичных курсах для сотрудников органов безопасности в СССР.

Среди коммунистических стран, помогающих Никарагуа в вопросах госбезопасности, существует, похоже, грубое разделение труда — примерно по той же схеме, которой придерживались страны советского блока в других "социалистически ориентированных странах" — таких, как Ангола, Эфиопия и (ранее) Гренада. Советский Союз отвечает за общее руководство и контроль; кубинцы предоставляют сотрудников и служат в качестве советников по военным вопросам и по вопросам контрразведки; ГДР предоставляет автомобили, полицейских и высококвалифицированные кадры работников спец-

связи; болгары помогают в обработке информации, касающейся вопросов безопасности; Болгария и (в меньшей степени) Чехословакия предоставляют оружие, взрывчатые вещества и патроны.

Пока, похоже, первичной целью помощи со стороны стран советского блока является укрепление СФНО в политическом и идеологическом отношениях, а также в вопросах безопасности. Однако исследование возможностей экономических отношений между СССР и Никарагуа началось уже в январе 1980 г., когда в Манагуа приехала представительная советская техническая делегация. В течение следующих двух с половиной лет был подписан целый ряд торговых, технических и экономических соглашений, были созданы разнообразные комиссии по торговле и экономической помощи. Однако с июня 1979 по февраль 1982 г. советская помощь составляла всего лишь 7,9 миллиона долларов, в то время как Куба получала 42,5 миллиона (помощь США за 1979—81 гг. достигла 118 миллионов долларов). Советская помощь, впрочем, широко рекламировалась, как например, доставка в 1981 г. 20 тыс. тонн зерна.

В конце 1982 г. Советский Союз расширил свою экономическую помощь сандинистам. Они получили тракторы и землеройные машины. В 1983 г. помощь со стороны стран советского блока возросла до 240 миллионов долларов (100 миллионов долларов поступило из СССР), а к июню 1985 г. достигла 600 миллионов долларов.

Значительно возросла торговля между Советским Союзом и Никарагуа: в 1980 г. стоимость советского экспорта в Никарагуа составляла 0,1 миллиона рублей, в 1983 г. — уже 42,4 миллиона рублей. Экспорт из Никарагуа в Советский Союз за этот же период увеличивался гораздо медленнее — с 5,5 до 9,5 миллиона рублей. Торговля между Советским Союзом и Никарагуа, пусть скромная по объему, все же превосходит сейчас оборот торговли между Советским Союзом и Мексикой или Перу. Между Ленинградом и никарагуанским портом Коринто в начале 1985 г. была установлена регулярная морская связь.

И тем не менее, Советский Союз колеблется, не решаясь превратить Никарагуа во вторую Кубу. В апреле 1983 г. директор Института стран Латинской Америки в Москве Виктор Вольский, заметил, что "посылка нефти на Кубу обошлась нам дорого — два танкера в день в течение 20 лет. Нам не хотелось бы повторять этот опыт в более широком масштабе". Никарагуа, конечно, менее населена, чем Куба, и поэтому нельзя исключить, что помощь Никарагуа со стороны СССР и стран СЭВ будет расширяться. В самом деле, в 1985 г. Советский Союз превратился в крупного поставщика нефти Никарагуа. Другими признаками расширения советской помощи могут служить создание новой комиссии по сотрудничеству в области экономики, труда, науки и технологии, о чем было объявлено во время посещения Москвы Даниэлем Ортегой в апреле 1985 г., а также участие Никарагуа в качестве наблюдателя на заседаниях СЭВ. На заседании СЭВ в июне 1985 г. Никарагуа сумела обеспечить расширение экономического сотрудничества со странами СЭВ в области сельского хозяйства, животноводства и текстильной промышленности, а также получила 10000 стипендий в странах СЭВ. Министр по сотрудничеству с зарубежными странами Руис не исключил, что в 1989 или в 1990 г. Никарагуа присоединится к СЭВ.

Что дальше?

Никарагуа пока еще не превратилась в полностью ленинское государство, подобно странам Восточной Европы, Кубе и Вьетнаму. И тем не менее, режим, похоже, движется по пути превращения в диктатуру партии ленинского типа. СФНО умело осуществляет процесс постепенного социалистического преобразования страны, участь на опыте Совет-

ского Союза, стран Восточной Европы и Кубы, и сознавая, что слишком быстрая советизация страны может вызвать резкое беспокойство доминирующей державы региона — Соединенных Штатов. Правительство сандинистов готово идти на тактические уступки, пока в его руках остается реальная власть — партия, государственная безопасность, армия. В этих отношениях СФНО, точно следующий советскому и кубинскому образцам, вероятно, не пойдет на уступки.

Что касается региональной политики, то Национальное руководство, по-видимому, готово последовать примеру большевиков — иными словами, воздерживаться от стопроцентного интернационализма до тех пор, пока обстоятельства не позволят возобновить в широком масштабе помощь революционерам в данном регионе. Между тем поставки стрелкового оружия партизанам в Сальвадоре, по всей очевидности, продолжают. В будущем, как заявил нам в Манагуа бывший сандинист, революции СФНО придется перебраться на все страны региона — или погибнуть. Такая оценка совпадает с распространяющимся сейчас в Центральной Америке убеждением, что СФНО не желает отказываться от своей первоначальной решимости разжечь революцию во всем своем регионе.

СФНО утверждает, что направленная против него военная оппозиция обязана своим существованием Соединенным Штатам. Однако восстание против режима сандинистов типично для условий, созданных большинством ленинских режимов в странах Третьего мира. В каждой такой стране, где у власти стоит отборная партия авангарда (Афганистан, Ангола, Эфиопия, Никарагуа и Мозамбик), существует значительное движение сопротивления, пользующееся широкой поддержкой народа, и это движение ширится в ответ на насильственное социалистическое преобразование общества, осуществляемое правящей партией. В оппозиционных силах Никарагуа, которые насчитывают до 19000 человек, число бывших национальных гвардейцев Сомосы составляет не более 3000 — иными словами, подавляющее большинство бойцов — это никарагуанцы, разочарованные сандинистской революцией. Многие из них сами бывшие сандинисты (включая таких бывших руководителей движения, как Крус и Робело). В самой крупной организации, Демократическом Национальном Фронте от одного до трех процентов бойцов составляют бывшие национальные гвардейцы, 19 % — бывшие сандинисты, остальные — крестьяне из Северного Никарагуа. Бывшие сандинисты и разочаровавшиеся в революции гражданские лица составляют и часть высшего военного руководства партизан.

Восстание такого масштаба не может питаться из внешних источников. Причиной его скорее служит наращивание военного потенциала СФНО, насильственное рекрутирование в армию, идеологическая обработка, деятельность "партии авангарда" с ее обязательными ленинскими правилами политической игры, экономическая беспомощность правительства, растущая народная бедность, неусыпный контроль за населением и неприкрытая просоветская позиция правительства.

В прошлом в странах Восточной Европы неоднократно наблюдались попытки сделать коммунизм более плюралистичным, более гуманным — все эти попытки могли бы оказаться успешными, если бы не угроза советского военного вторжения или ее осуществление. Если говорить о Никарагуа, то такая эволюция, похоже, исключается, ибо страной правит режим СФНО, полностью усвоивший советскую и кубинскую репрессивные модели и стремящийся укрепить собственную власть исключительно с помощью механизма принуждения.

ДРЕССИРОВАННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Книга Дины Каминской выглядит скучновато: гладкая зеленая обложка, невыразительное название, мелкий шрифт, множество цитат и ссылок на официальные документы. Так издают научные труды, сборники статей по специальным вопросам, но никак не детективы. Между тем книга (по крайней мере, вторая ее часть) – настоящий детектив; причем из самых лучших, что мне приходилось читать. От нее трудно оторваться.

Уже потом, когда закрыта последняя страница, начинаешь думать: на месте ли в этой книге детективная история? Сама по себе она, бесспорно, интересна. Но ведь книга-то – о советской юстиции, о судьбе адвоката, который в условиях беззакония пытается выполнить свой долг защитить "отверженных": Юлия Даниэля, Владимира Буковского, Анатолия Марченко...

Конечно, Дина Каминская вела защиту одного из обвиняемых и по так называемому "делу мальчиков", но мало ли в каких процессах случилось выступить адвокату с 37-летним стажем? Ведь дело – чисто уголовное, без малейшей примеси политики. И если допустить, что в ходе процесса были допущены ошибки, что это доказывает? От ошибок не застрахован ни один суд.

И все-таки я убежден, что в очень серьезную, очень доказательную книгу Каминской дело мальчиков попало не случайно. Более того, я думаю, что именно оно, как ни одно другое, раскрывает природу советской карательной политики, сам механизм того, что именуется правосудием.

Нас не удивляет, что адвокату Каминской не дали защищать Даниэля, а ее выступления на процессах Буковского или Марченко никак не повлияли на приговор. Ясно, что они и не могли ничего изменить: приговоры по таким делам выносятся не в совещательной комнате и вообще не судом, а теми партийными инстанциями, для которых судья, прокурор, следователь – мелкие чиновники, чья обязанность – оформить уже принятое решение, придать ему вид

Но процесс над мальчиками – процесс не политический. Речь идет всего лишь об изнасиловании и убийстве. Такими делами высокие инстанции не занимаются и, значит, следственным органам, прокуратуре, суду не возбраняется и умение, и объективность. В конце концов, не все ли равно секретарю ЦК, кто будет признан виновным: мальчик Саша или дядя Коля?

Так-то оно так, но в деле обнаружилось одно частное обстоятельство. Преступление было совершено под Москвой, в деревне Измалково. Рядом с деревней, через мост, – знаменитый поселок писателей Переделькино и тут же дачи: дача Руслановой, дача Буденного... Короче, история вызвала шум. И когда выяснилось, что следователю не удастся найти преступника, группа писателей обратилась с просьбой... нет, не к прокурору – в ЦК КПСС. И Центральный Комитет, бесконечно чуткий к голосу народа, взял дело на спецконтроль. С этого момента о ходе расследования следователь должен был докладывать в ЦК.

Кажется, что тут худо? Дело поручат опытному следователю, в его распоряжение предоставят самую современную технику – уж на это средств не пожалеют. В результате следствие пойдет быстро и эффективно.

Все это правильно, если забыть еще об одном обстоятельстве – абсолютном равнодушии системы ко всему, что прямо не затрагивает интересы ее главарей. Сотрудникам ЦК, "курировавшим" дело, было глубоко безразлично, найдут ли преступников. Им нужен был приговор, чтобы поставить галочку и закрыть дело, находящееся на спецконтроле. И – все.

Естественно, что "наверху" одобряли и поощряли действия, способствующие достижению этой цели; и напротив, любая задержка, неувязка, осложнение могли (и должны были) вызвать высочайший гнев.

Вот эта очевидная реакция властей и определила течение дела. Искать настоящих преступников было долго и сложно, схватить подвернувшихся под руку мальчиков и выбить из них признание – легко и просто. И хотя всем – от следователей до судей – было с самого начала ясно, что обвинение построено на песке, а защита располагает весьма убедительными аргументами, эти мелочи не имели значения. Было ясно, что тот, кто возьмет на себя смелость оправдать мальчиков, почти наверное вызовет гневную реакцию ЦК, что может стоить ему не только карьеры, но и должности. Надо ли удивляться, что простое, в сущности, дело трижды рассматривалось в народном суде, затем в Московском областном и в Московском городском, в Верховном суде РСФСР

и его Президиуме, что обвиняемые, вопреки закону, просидели под арестом невообразимо долго — около трех лет.

И тут мы подходим к главному, к тому, что составляет сердцевину детектива и создает ту особую "высоковольтную" атмосферу, которая держит нас в напряжении до самого конца. Суть не в том, виноват ли мальчик Саша (не виноват — это очевидно с самого начала) и не в том, сумеют ли адвокаты Каминская и Юдович доказать его невиновность (это не трудно). Главное — удастся ли им преодолеть высочайший барьер, воздвигнутый на пути правосудия спецконтролем ЦК, то есть, в сущности, смогут ли они — пусть в малом, пусть в частном случае выиграть бой с системой? Неравный и опасный бой, в котором проиграть могут не одни только мальчики, но и адвокаты.

Не зря один из самых объективных и доброжелательных судей предупреждает Каминскую: "...уходите лучше из этого дела. Неприятностей с ним не оберетесь".

Давайте еще раз проиграем ситуацию. Все участники дела понимают, что обвиняемые — совсем дети — не виноваты в преступлении, что обвинительный приговор разобьет им жизнь. И все — следователи, прокуроры, судьи (люди достаточно опытные и вовсе не злые) либо добиваются их осуждения, либо боятся вынести оправдательный приговор. И не потому, что обвиняемые представляют хоть какую-то опасность для строя, а всего лишь потому, что кому-то в этой системе надо вовремя поставить галочку. Этого достаточно, чтобы растоптать жизнь двух людей, привести в трепет и содрогание вереницу чиновников высокого ранга: членов Московского областного и Московского городского

суда, прокурора области, членов Верховного суда республики. Вот как устроена та нелепая, но страшная машина, с которой решилась вступить в бой адвокат Дина Каминская.

Но самое поразительное, что, зная систему, Каминская бралась защищать и таких людей, как Буковский — людей, открыто и прямо боровшихся против режима. Разумеется, в данном случае она проиграла — у нее просто не было шансов. Но и эти главы читаются с огромным волнением: тут ведь важен не только результат.

В 60-е—70-е годы в Советском Союзе появилась целая плеяда блестящих адвокатов, ставших также и выдающимися общественными деятелями, частью нашей культуры, в соответствии с традицией, утвердившейся в России еще за сто лет до того, но потом искусственно прерванной. Достаточно вспомнить хотя бы такие имена как Софья Калистратова и Борис Золотухин. Дина Каминская принадлежит к их числу. Для многих политзаключенных — бывших и нынешних — эти люди стали не просто адвокатами, но близкими друзьями. Да, эти адвокаты, "наши" адвокаты, не смогли нас защитить, но они смогли укрепить наш дух, сохранить живую ниточку связи между нами и внешним миром. За это им низкий поклон.

Первая часть книги посвящена ответу на вопросы, почему автор стал адвокатом, а затем политическим адвокатом, и что такое советское правосудие. Все тут верно и убедительно, но это — слова, а мы живем в эпоху девальвации слов. Тому же, кто прочел вторую и третью часть, уже ничего объяснять не надо.

Многим людям повезло, что Дина Каминская решила стать адвокатом. ●

Рафаил Шануро

СКОЛЬКО НАС БЫЛО

Историко-документальный альманах, вышедший в Париже в новом издательстве "Athenaeum", назван "Минувшее". Читатель, увидев на обложке редкое и торжественное слово, вспоминает летописца Пимена:

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно несло, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно...

Вот ради того, чтобы Минувшее проходило перед нами, и создан новый альманах. Значение подобного рода изданий для нас, русских интеллигентов конца XX века, переоценить трудно. Ведь одно из главных идеологических усилий режима буквально с первых лет его существования состояло в том, чтобы упразднить память, заменив факты прошлого запоминающимися фальшивыми формулами. Искусство опустошительной и лживой схематизации было доведено до предела в "Кратком курсе истории КПСС", книге, которую мы все помним, — своеобразном двойнике гитлеровского "Mein Kampf". Это тоже была в своем роде история, и о многом здесь упоминалось — но как! Были такие коммунисты — оппо-

ционеры Шацкин и Ломинадзе; из "Краткого курса" мы узнали, что они "политические уроды". О Троцком — что он "иудушка". О Колчаке — что он стоял во главе "колчаковщины", которая представляла собой "террористический белогвардейский режим". Любопытно, что и в "Исторической энциклопедии" об А. В. Колчаке почти нет речи, зато большая статья посвящена "колчаковщине"; написанная убого и бездарно, наштапованная штампами, она появилась в 1965 году; ...если так писали в годы относительной либерализации, что же можно сказать о сталинских временах! Но оставим это прошлое. В последнем издании Большой Советской Энциклопедии, в 26-м томе (1977 г.), есть статья "Троцкизм" и есть коротенькая заметка о Троцком — ленинградском архитекторе, работавшем в тридцатых годах; для другого Троцкого, того самого, который дал имя троцкизму, места не нашлось. В этой же энциклопедии отсутствует имя Н. И. Бухарина, нет Зиновьева, Каменева и других деятелей этого рода; в обширном томе, посвященном СССР, в весьма подробном очерке политической истории страны, прогремевшие на весь мир процессы 1937—38 гг. вообще не упоминаются, о терроре ни слова, так же, впрочем, как и о миллионах жертв коллективизации. Одни сплошные успехи, одни фанфары. Вот с этой самой загримированной истории тиранический режим и начинается. В "Борисе Годунове" лукавый Шуйский на вопрос Воротынского "Ты помнишь?.." отвечает:

...теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.

Освобождение от иллюзий, упрощений, пропагандных клише, от лжи и страха, от всего этого кошмара начинается с восстановления памяти. Исторический альманах "Минувшее" поможет этому большому делу Его уже начали недавние сборники "Память" (I—V).

Первый выпуск "Минувшего" содержит множество материалов, которые заслуживают самого внимательного чтения. Назовем прежде всего воспоминания Вл. Лопухина и А. Книпер. Анна Васильевна Книпер, дочь выдающегося пианиста и дирижера В. И. Сафонова, рассказывает о характерном быте русской интеллигентной семьи предреволюционной поры и об эпизоде, определившем ее собственную судьбу, — недолгой романтической связи с адмиралом Колчаком. Книпер

добровольно последовала за любимым человеком в тюрьму, затем около сорока лет мыкалась по пересылкам и лагерям, пока не была реабилитирована в 1960 году, в возрасте 67 лет, — разумеется, "за отсутствием состава преступления". Жизнь А. В. Книпер, умершей в 1975 г., — иллюстрация судьбы всей русской интеллигенции нашего времени. Ее размышления ненавязчивы, она стремится как можно правдивее рассказать о людях, с которыми сталкивалась за три четверти века; среди них, конечно, выделяется расстрелянный в феврале 1920 г. Александр Васильевич Колчак, но не менее интересна и такая, например, удивительная женщина, как Екатерина Павловна Пешкова, жена Горького, — она возглавляла "Политический Красный Крест" и много сделала для спасения людей, подвергавшихся преследованиям и "справа", и "слева". Вот диалог Пешковой с Ф. Э. Дзержинским, состоявшийся в самом начале 20-х годов, каким его передает А. В. Книпер:

"Дзержинский нас встретил вопросом: "Почему вы помогаете нашим врагам?" Я говорю: "Мы хотим знать, кому мы помогаем, а у нас отобрали пропуск".

Дзержинский: А мы вам пропуск не дадим.

Е. П. : А мы уйдем в подполье.

Дзержинский: А мы вас арестуем!

С тем и ушли.

Тут глаза у Ек. Павл. заблестели: на другой день дали пропуск". (стр. 149).

Конечно, так разговаривать с всепильным шефом ВЧК могла только жена Горького. Но и ее ждало поражение: в 1937 году Н. И. Ежов (о котором, кстати, тоже тщетно было бы искать какие-либо упоминания в официальной справочно-исторической литературе) ликвидировал "Политический Красный Крест". А затем его упразднила задним числом и советская историография.

Вот еще две фразы из записок А. В. Книпер (стр. 147): "В 1938 году, когда кончился срок моей высылки, в тот же день меня арестовали вновь, арестован был и мой сын и так и не вернулся из заключения — реабилитирован посмертно. И мой муж умер во время моего заключения на восемь лет". Вместе с тем эти мемуары, подкупающие лаконизмом и точностью, овеяны какой-то трогательной и старомодной поэзией. Узнаем ли мы из рассказа Книпер, каким был А. В. Колчак? Узнаем, — но увидев его глазами любящей женщины.

Воспоминания Лопухина написаны сухо.

Автор — бывший чиновник царского министерства иностранных дел. Но рассказанные им подробности первых дней и месяцев революции, описание будней Петрограда — поистине драгоценны. Очень хороши — и не лишены литературного блеска — портреты людей, с которыми он встречался. Приведу два из многих. Вот знаменитый юрист А. Ф. Кони: "...дурен собой, маленький, щупленький, с тусклым, отображающим собачью старость бледным лицом унылого финна. Но глаза, полные жизни, блеска, ума... Так, как он, не рассказывают. Так именно играют на сцене. Всякий жест обдуман.. Чудесный актер играл на незримой сцене" (стр. 53—54). А вот другой портрет, — автор сперва не называет человека, промолчим и мы. Место действия — Петроград, министерство (точнее, комиссариат) иностранных дел: "Отворяется дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза... Широкие скулы, чрезмерно растягивающий тяжелый, низкий подбородок... И — непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом..." Кто же это? Он обращается к Лопухину "не отвечающим этой внешности приятным мелодичным голосом. "С кем имею честь?" — спрашивает он и представляется: "Троцкий" (стр. 17—18).

Содержание альманаха далеко не исчерпывается собственно мемуарными свидетельствами. Здесь есть много заслуживающих внимания исследований: Н. С. Сибирякова — "Конец забайкальского казачества" (достоверные подробности раскулачивания начала 30-х годов), Максудова и Солдатова — о переписи советского населения в начале 1937 года; тема кажется сугубо специальной, но сколько увлекательного найдет в этой статье всякий, даже самый "широкий" читатель! Между прочим, здесь можно узнать как-то было "число пассажиров, сидевших на чмоданах в ночь на 6 января 1937 года на разных вокзалах страны: Ярославль — 700, Омск — 900, Ясиноватая — 1100, Казань — 1300, Свердловск — 2000, Ростов — 2100, Киев — 3200". Авторы

комментируют: "За этими развороченными муравейниками угадывалась страна" (стр. 256). Это верно: достаточно представить себе эти вокзалы огромной страны спустя 20 лет после революции, чтобы увидеть воочию страшные советские будни тех лет. Мы, видевшие такие вокзалы, вдыхаем специфический удушливый запах, слышим детский плач, тоскливую матерщину, почти осязаем лежащие вповалку тела, между которыми не пройти... "Когда нас столько было?" — спрашивают авторы. На основе не слишком сложных вычислений исследователи приходят к выводу, что 1937 год удвоил население лагерей, доведя его в 1938 году до 16 миллионов заключенных.

Среди других материалов — письма Флоренского, Короленко, Свентицкого, неопубликованный мемуарный отрывок Н. Я. Мандельштам, эпизоды из жизни литературных организаций. Скромная на вид публикация — приветствия, поступившие в редакцию журнала "Русское богатство" по случаю его 25-летия в 1918 году (это был последний год его существования) — содержит горькие и пронзительные высказывания. Еврейский прозаик и драматург Ан-ский (псевдоним С. Рапопорта; одна из его пьес была поставлена Евг. Вахтанговым в 1922 г. в театре Габима) характеризует современность как "грозный час, когда преступной рукой расшатаны все основы, не только материальные, но и духовные, великой земли русской, когда снова свободно рыщет зверь, человек пугливо бродит, когда трон черного Николая занял красный Аракчеев" (стр. 304). Тогдашний меньшевик и будущий советский посол в Лондоне и академик И. М. Майский обобщает смысл переживаемой эпохи в отчетливых и глубоких формулах: "Интеллигенция... — потрясенная, убитая, обманутая в своих ожиданиях — переживает дни величайшей трагедии. Царский режим ранил ее тело, но душу оставил нетронутой. Даже наоборот, чем сильнее он ранил тело, тем крепче и неколебимее становилась душа: ведь социалистическая интеллигенция верила в народ. Теперь растоптана душа социалистической интеллигенции, ибо ее вере в народ самим же народом нанесен бесконечно тяжкий и мучительный удар... Оказалось, что народ слишком упрощенно понял социалистическую интеллигенцию... Оказалось, что он еще не осознал глубокой органической связи между идеей социализма и идеей демократии" (стр. 309).

Текст Майского публикуется через 70 лет после того, как он написан.

Альманах "Минувшее" отличает высокая редакторско-издательская культура; комментарии публикаторов подробны и компетентны. Чувствуется многолетний научный опыт: за спиной "Минувшего" стоят такие замечательные издания, как "Литературное наследство" и "Литературные памятники" Академии наук СССР, журнал "Былое" и "Исторический Архив", альманах "Прометей", наконец, "Память", о которой мы уже упоминали. Именно сборники "Память", которые готовились в СССР и выходили в свет на Западе, послужили непосредственным образцом для нового альманаха: об этом напоминает даже его внешнее оформление, выбор шрифтов и т. п. Мы горячо приветствуем новое издание и надеемся, что альманах "Минувшее" будет выходить систематически, что он в полной мере использует блага и возможности свободной печати, отсутствующей на родине. ●

Ефим Эткинд

ВЕНОК ЮНОМУ ЗИГФРИДУ

"Было бы капитальной, капиталистической ошибкой думать, что поворот в политике, объявленный Горбачевым, — всего лишь пропагандистский трюк. Не может генеральный секретарь КПСС выражаться с такой определенностью, не имея в виду нечто серьезное". Так писала 26 апреля газета "Vorwärts", орган социал-демократической партии ФРГ. В этот день произошла катастрофа на Украине.

Кристиан Шмидт-Хойер, многолетний московский корреспондент гамбургской газеты "Die Zeit" и автор получившей широкую известность книги "Таковы русские" (1980), предпослал своему новому произведению цитату из "Размышлений о всемирной истории" Якоба Буркхардта: "...Ибо великие люди необходимы, дабы история в своем движении время от времени стряхивала с себя отмершие формы жизни". Автор книги о Горбачеве начинает свой рассказ с прибытия генерального секретаря в Лондон в декабре 1984 года с супругой Раисой. Говорится

о "скромном шарме, спокойной и уверенной манере держать себя", о том, какую растерянность испытал Запад при явлении "этого юного Зигфрида, который намерен укротить американского космического дракона и одновременно паразитизировать эмию советской правящей бюрократии, чтобы вызвать империю из экономического убожества и технологического тупика и повести ее за собой в новое столетие".

Чтобы заставить своего героя засиять еще ярче, Шмидт-Хойер предпринимает основательный экскурс в недавнее прошлое, в эпоху геронтократии от Брежнева до Черненко. Престарелый Брежнев предстает как безмолвное орудие коррумпированного семейного клана, за ним следует безнадежно больной Андропов и бесцветный дряхлый Черненко, чье 15-месячное правление не оставило никаких следов. Что же удивительного в том, что на этом фоне деятель, который в другой стране едва ли выглядел бы сколько-нибудь выдающейся фигурой, сравнительно молодой, динамичный и, пожалуй, в самом деле не лишенный внешнего обаяния — что же удивительного, что в своей стране он возбудил надежды и ожидания? Не только на Западе, но прежде всего в Советском Союзе все разговоры вертятся или, по крайней мере, вертятся вокруг вопроса "что будет" и "будет ли лучше", наступят ли желанные перемены.

С момента, когда "Зигфрид" взошел на подмостки, прошло уже больше года. Достаточный срок для того, чтобы от восхищения шармом перейти к оценке дел. Что же сделано? Закончился ожидавшийся с таким нетерпением съезд партии. Делегаты, все как один, проголосовали за новый вариант партийной программы. Одобрен проект основных направлений экономического и социального развития страны до 2000 года. Торжественно подтвержден приоритет экономики и внутренней политики перед внешней политикой. При этом сам Горбачев вполне недвусмысленно заявил, что никакие перемены, ничто и никто не затронет всеобъемлющую и замкнутую в себе систему "развитого социализма".

Ясно, что подлинное оздоровление советского хозяйства в этих условиях невозможно. Оздоровление неизбежно предполагает развитие широкого частнопредпринимательского сектора, ликвидацию бюрократического централизованного планирования, открытую информацию на основе современной информационной техники

Chr. Schmidt-Häuer. Michail Gorbatschew — Moskau im Aufbruch. Piper-Verlag, München, 1986.

К. Шмидт-Хойер. Михаил Горбачев. Москва накануне рывка. Мюнхен, 1986.

на всех уровнях руководства. Да и на вопрос о том, приведет ли более гибкая политика Горбачева (если она действительно такова) в дискуссии о разоружении к реальным результатам, трудно, положив руку на сердце, ответить: да.

Все надежды вянут, когда видишь, какими оказались в действительности информационная политика СССР и его способность к международному сотрудничеству в трагической истории с Чернобыльской АЭС. Наивной выглядит и уверенность К. Шмидт-Хойера, будто кремлевский руководитель всерьез собирается, как он об этом заявил, организовать в своей стране обсуждение важнейших вопросов науки и экономического строительства. Все мы слышали, с какой непреклонностью Горбачев заявил о своем намерении и впредь держать в изоляции лауреата Нобелевской премии мира академика Сахарова. Ни на шаг не сдвинулось дело с интервенцией в Афганистане, наоборот, впавший в немилость Бабрак Кармаль заменен железобетонным шефом афганской службы безопасности Наджибом. С неиссякающим усердием продол-

жается на территории СССР, вопреки хельсинкским соглашениям, глушение иностранных радиопередач.

Шесть лет назад, как уже говорилось, Шмидт-Хойер выпустил свою первую книгу об СССР, где весьма правдиво описал жизнь в этой стране и, между прочим, уже тогда указывал на опасность советских атомных реакторов, расположенных в густонаселенных районах и недостаточно защищенных. Он знаком и с народом, и с этим государством. Шмидт-Хойер признает, что американо-советский диалог не получил новых стимулов при Горбачеве. Не скрывает он и своего скептицизма относительно способности нового советского руководителя блюсти достоинство и права человека в своем государстве. Тем более удивительно, что столь осведомленный комментатор готов, по-видимому, верить в пустые и многословные обещания, которые Горбачев не в состоянии выполнить, даже если бы он этого хотел. ●

М. фон Фахендорф
(Мюнхен)

ПАНОПТИКУМ

Открыт паноптикум печальный...

А. Блок

”СОКРАТИЛСЯ РОСТ ДЕБИЛОВ”

Сегодня у нас в гостях известный советский поэт Андрей Вознесенский. Все мы помним первое появление его экстравагантной музы. ”Парадоксальная образность”, ”острое чувство современности”, ”раздумья о личности” — так характеризовала критика его творческий почерк. Несколько позже поэт обратил на себя благосклонное внимание рецензителей и руководителей отечественной литературы поэмой ”Лонжюмо”, полной вдохновенных раздумий о личности В. И. Ленина... С той поры миновало четверть столетия. Заслуженный авангардист, классик и романтик, государственный стихотворец-мыслитель и посол советской культуры за рубежом поделился с нами, его соотечественниками, новыми раздумьями об актуальном. О трезвости, о совести, о случившемся в Чернобыле... Богатство рифм (человек — век — Феофан Грек), впечатляющие образы (”Байкал, ты — хрустальная печень страны!”), глубина и оригинальность мысли (”странен мир безалкогольный”, ”донор тоже не шиз!..”), как и прежде, покоряют читателя. Мы с удовольствием предлагаем вниманию публики новейшие плоды поэтических дум А. Вознесенского, напечатанные в газете ”Правда”.

Об актуальном

Активная совесть

Что-то с нашей страной
становится!
Консерваторов моют
в «Новости».
Мне хотелось бы
в каждой области—
интенсификации совести.

Пробивайтесь, острые
повести!
Пускай кофе кипит несоевый.
Видный лоб летит
с третьей скоростью —
интенсификация совести.
Что-то с нашей душой
становится!
С темной силою
полуссорясь,

кое в ком жила
полусовесть.
Видно, совесть страной
становится!
Ты на небе писала полосы.
Над полосьями с волчьей
полостью
Достоевский был твоим
голосом,

И Вавилон,
травимый подлостью,
продолжал растить
зерна совести!

Не дай бог, она успокоится,
интенсификация совести.
Как преплетаются ей
напористо
интенсификаторы корысти!

Не талдычьте нам свои
прописи,
прохиндеи в духовной
отрасли!

Сон

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Человек проснулся трезвый—
он не врезал,
не дерябнул политуры
с гением литературы,
с настроенья неважного
не набрался под Жванецкого,
бормотухи роковой
не занюхал рукавом,
вышел в путь без «посошка».
Жив пока.

Странен мир безалкогольный.
И стоят среди страны,
как холмы без колоколен,
безбутыльные столы.

В этом что-то событийное.
Или снится в забытьи ему!
Его бывший собутыльник
на работе — как будильник.

Сократился рост дебилов.
Входят любящие в дом:
«Давай, милый, без бутылки
двойняшек заведем».

Трезвый шеф приходит
в трест.
И водопроводчик трезв.
И высокие персоны
протрезвели от трезвона.
Не двоятся, не троятся
показатели реляций.
Вежлив, как миссионер,
трезвый милиционер.

«Автор, сам ты, видно, выпил
сильно в лучшие года!
Красный нос горит,
как выпел, —
вряд ли символом труда!»

Изменения целебны.
Вырезатель сорвал план.
В церквях служатся
молебны
по вернувшимся мужьям.

Свадьба чокается чаем,
Сократилось число «чаею».
И никто не хочет, трезв,
засолить всю реку Днестр.

Сколько пропили, соколики!
Сколько с этих пьяных слез
сквозь уинвермаг в
Сокольниках
миллионов пронеслось!

Набирает правда силу.
Вся надеждами полна
протрезвевшая Россия,
ясноглазая страна.

Озеро

Я ночью проснулся, Мне
кто-то сказал:
«Мертвое море —
священный Байкал»

Я на себе почувствовал
взор,
Будто я моря убийца и вор.
Слышу — не спит иркутянин
во мгле,
Курит. И предок проснулся
в земле.

Когда ты болеешь, все мы
больны,
Байкал, ты — хрустальная
печень страны!

И кто-то добавил из
глубины:
«Байкал—заповедная
совесть страны».

Плыл я на лодке краем
Байкала.
Вечер посвечивал
вполнакала.

Ну, неужели наука
солгала
над запрокинутым
взором
Байкала!

И неужели мы будем
в истории —
«Эти, Байкал загубили
которме?»

Надо вывешивать
бюллетень,
как себя чувствует омуль,
тюлень.

Это не только отстойников
числа —
совесть народа должна
быть чистой.

Вот почему, показав
показуху,
борются наши прорабы
духа,
чтоб заповедником стало
озеро,
чтоб его воды не
целлюлозило.

Чтобы никто никогда
не сказал:
«Мертвое море —
священный Байкал».

Думы о Чернобыле

Больница

Мы потом разберемся:
кто виноват,
где
познанья
отравленный плод!
Вена ближе Карпат.
Беда вишней цветет.
Открывается новый взгляд.

Почему
он в палате
глядит без сил!
Не за золото, не за чек.
Потому
что детишек
собой заслонил,
Потому что он —
человек.

Когда
робот не смог
отключить беды,
он шагнул в зараженный
отсек.

Мы остались живы —
и я и ты —
потому что он человек.
Неотрывно глядит,
как Феофан Грек.
Мы одеты в спецреквизит,
чтоб его собой

не облучить,
потому что он — человек.
Он глядит на тебя,
на меня,
на страну.

Врач всю ночь,
не смежав век,
костный мозг
пересаживает ему,
потому что он человек.

Донор тоже не шиз
раздавать свою жизнь.
Жизнь одна —
не бездонный парсек.
Почему же он смог
дать ему костный мозг!
Потому что он — человек.

Он глядит на восход.
Восемь душ его ждет.
Снится сон —
обваловка рек.
Верю, он не умрет,
это он — народ,
потому что он — человек.

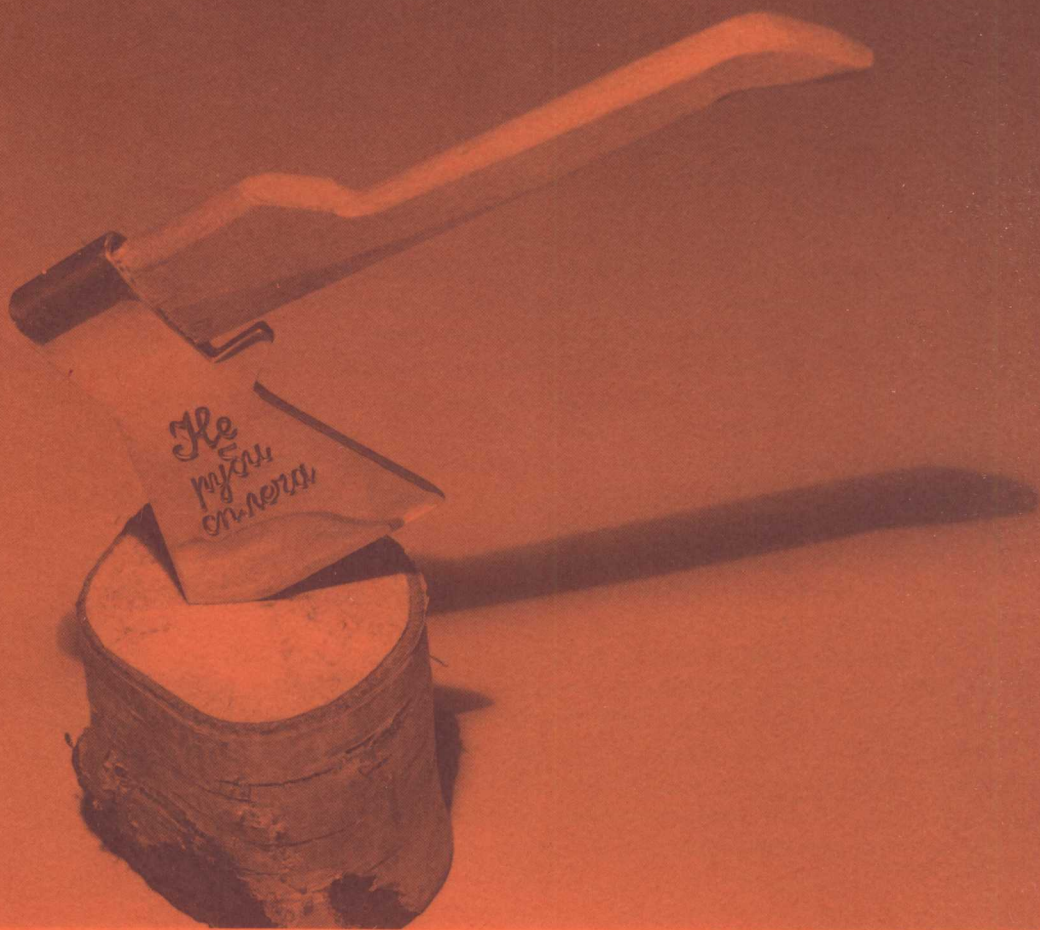
Пламенная и бескорыстная любовь к истине составляет исключительное достояние очень немногих избранных и богато одаренных личностей. Любить истину и переносить ее ослепительное сияние может только тот человек, для которого святые и великие умственные наслаждения стоят выше всех остальных житейских радостей. Такой человек размышляет не только для того, чтобы решить так или иначе практическую задачу и приобрести себе те или другие удобства, а для того, чтобы процессом мышления удовлетворить одну из самых настоятельных своих органических потребностей. Он размышляет по тому же самому произвольному влечению, которое заставляет его выпить стакан воды или съесть кусок хлеба. Он пьет потому, что чувствует жажду, он ест потому, что чувствует голод; он думает потому, что чувствует у себя в мозгу накопление силы, которому надо дать выход. У кого потребность размышлять так сильна, что ее можно поставить рядом с самыми важными органическими потребностями, — тот относится к качеству своего мышления с такою же невольной строгостью, с какою каждый из нас относится к качеству своей пищи или своего платья... Человек, одержимый потребностью размышлять, не может терпеть в своем мышлении никакой фальши, никаких искажающих стеснений, никакой посторонней регламентации; и это отвращение ко всему, что задерживает свободное развитие мысли, происходит вовсе не от той болезни, что из софизмов рождаются ложные и вредные поступки, а просто потому, что оскопленная и сдавленная мысль так же непосредственно противна всякому мыслителю, как вонючая вода или гнилая пища противны всякому здоровому человеческому организму.

Тот человек, которому бесконечно дорог самый процесс мышления, ищет истины во что бы то ни стало, помимо всяких практических соображений, как бы ни были эти соображения важны и уважительны.

Если этот человек задает себе какой-нибудь вопрос, то он старается получить на него точный, правильный и верный ответ, и, убедившись в том, что полученный ответ соединяет в себе все эти качества, наш добросовестный мыслитель принимает его за истину, хотя бы от этого ответа перевернулись вверх дном все его прежние понятия.

Истина может оказаться очень неутешительною; она может разбить множество прелестнейших фантазий; она может привести самого мыслителя в смущение и в ужас. Открытие такой печальной истины может стоить мыслителю многих мучительно-бессонных ночей. Но нет нужды. Истина есть истина, и, встретившись с нею лицом к лицу, мыслитель, достойный этого имени, признает ее беспрекословно и не позволяет себе ни под каким видом замаскировывать ее строгие черты различными робкими умолчаниями или мошенническими искажениями.

РУХНУВШИЙ
ПРОЕКТ ВЕКА —

В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ